

ISSN 0130-3600

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ

6

1986

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- МУХРАН МАЧАВАРИАНИ.** Стихи. Перевели
Светлана Кокорева и Сергей
Гандлевский 3
- ШАЛВА ПОРЧХИДЗЕ.** Стихи. Перевел Сер-
гей Алиханов 10
- АРЧИЛ СУЛАКАУРИ.** Белый конь. Роман.
Перевели Марина Мгалоблишвили
и Татьяна Бек. 14
- ГЛАН ОНАНЯН.** Стихи. 98
- ЮРИЙ ВАЧНАДЗЕ.** Стихи. 102
- КОНСТАНТИН ГЕРДОВ.** Сладкое ложе ореш-
ников. Рассказ 104

ПУБЛИЦИСТИКА

- МИРОН ХЕРГИАНИ.** Гардабани в призме
фактов. 113

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- АЛЕКСЕЙ ЛОСЕВ.** Слово о грузинском нео-
платонизме. 136
- ГЕОРГИЙ ГАЧЧИЛАДЗЕ.** Из истории ду-
ховного опыта. 144

6

1986

КОБА ИМЕДАШВИЛИ. Незаконченная бе- седа.	151
ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ. Предмет исследова- ния — грузинское стихосложение	164
ЗАЗА ГАЧЕЧИЛАДЗЕ. Чосер зазвучал по- грузински.	170
ЛИЯ АНДГУЛАДЗЕ. От портрета к сонету.	175

РЕЦЕНЗИИ

НУГЗАР ЦХОВРЕБОВ. Немеркнувший свет любви.	185
ИЛЬЯ КОЛЛИ. «Кто здесь хозяин?»	190
НАТАЛЬЯ БЕРУЧАШВИЛИ. Новый словарь по искусству.	193

ИСКУССТВО

ИНГА БАХТАДЗЕ. Все грани новой жизни	196
НАДЕЖДА ДИМИТРИАДИ. На чем играли наши предки. По русским и западноевро- пейским историко-литературным источникам XVII—XVIII веков	207

ХРОНИКА	9, 222
---------	--------

ВЕСНА ПРИШЛА

Щебечут птицы звонче, чем вчера.
Трава-младенец жмурится на кочке.
Услышав птичий гвалт:
«Пора!.. Пора!..»,
Лист-первенец проклюнулся из почки.

И гимном жизни тоненькая нить
Пичужьей песни
Пролилась свободно!
Весна пришла!
Извольте получить,
Душа и сердце,
Все, что вам угодно!

..
Цветут всюду
И персик, и инжир.
Несутся волны
Вздвухшейся Иори,
И шелестом
Воскресшая Самгори
Наполнена,
Как кубок полон в пир,
Вином...
Шумит
Зеленая Самгори.
Гуляет ветер шальный взад-вперед.
С конца в конец плуги прошили поле.
Звенит пила.
А за рекой пасет
Корову
Женщина
В чащобе ежевики.
Ластится ветерок к богатырю
В распахнутой рубахе.

Солнца блики —
Повсюду!
И
Над миром я
Парю!

ՀԱՄԱՅՆՆԵՐԻ
ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

Скажи ты мне,
Что может в этот час
Тебя, хотя б случайно,
Опечалить?
Когда вокруг тебя блеснит, как наледь,
Налет мельчайших брызг —
И каждый лист
Горит на солнце,
Зелен, свеж и чист!
Когда деревья в воздухе кружатся,
Когда всему земному оторваться
Так хочется —
И к небесам взлететь,
Сладкоголосой птахой в небе петь
О том,
Что мир прекрасный
Бесконечен.
Раскинуться — и небом синим стать.
Забывать,
Что в мире этом умирать
Положено.
Что человек
Не вечен...

В весенний день, в час светлый ликования,
Вдруг зазвучит в душе,
Как заклинанье:
— Я — навсегда!
Эпоха я,
Иль — веха.

Жизнь — бесконечна!

...нечна... —

Тихо
Вторит
Эхо.

ЗНАЮ ИХ ХАРАКТЕР

ՀԱՅԿԱՅԵՄԼԱՆ
ՆՈՅՆԱԳՐԱԴԱՐԱՆ

Улыбаюсь,
напеваю,
воздух юности
вдыхаю.
Вот леса мои,
вот горы,
вот зеленые дворы.
Помнят ясени
Мухрана
каждой клеточкой коры.
— Племянничек! — слышу снова, —
Привяжи к стволу корову!

Улыбаюсь,
напеваю,
воздух юности
вдыхаю.
Как орел гнездо,
след сердца
доверяю взору скал.
Вот родник,
где я впервые
девушку
поцеловал.
Машут с берега мне ивы.
Как заметно подросли вы!

Улыбаюсь,
напеваю,
воздух юности
вдыхаю.
Разве так я возгордился,
чтоб сушила вас тоска,
тьень ореха,
шелест дуба,
чистый холод родника,
хачапури, в блеске молний
запеченный в один миг,
ароматный кус купата
в конопухах из граната,
из другого края в наш
приглашенный толумбаш...

Знаю их характер.
Просто ль
воздух,
ясени
и травы
в том уверить,
что, как прежде,
парень я лихой и бравый!
Подведут коня.
На палец
водрузят орла.
В придачу
богатырский щит и меч
подадут —
ну что, поскачем?
Прытью удаль не покроешь,
поглядим, чего ты стоишь!

Улыбаюсь,
напеваю,
воздух юности
вдыхаю..

Другие пядь земли родной увидеть
Мечтают...

Им

виднее, что хотеть...

А мне пройтись бы только по Тбилиси —
А там не жалко даже умереть!

Что за причина?
Что ты — как магнит?
Какая тайна в силе тяготенья?
Кого так видеть хочешь в данный миг?
Кому так нужен в данное мгновенье?

Там на газонах рос прохладный бисер.
В Куру лучи заброшены, как сеть.

საქართველოს
ხალხთა რესპუბლიკის
ხალხთა ბიბლიოთეკა

Ах, мне пройтись бы только по Тбилиси —
А там не жалко —
даже умереть!

●

Ты для меня вселенский храм.
Стрела, пронзившая мне сердце...
Пусть ремеслом моим
Бессмертье
Не напророчит свет векам,
Как Джвари каменная песня.
Но все, что в жизни я имел,
Тебе б одной отдать хотел.

По обе стороны дороги
Уже с тобою мы давно.
Возможно, мне помогут боги —
И достояние мое
Внимания достойным станет
Вдруг для тебя.
Пусть я чужак.
Но если вдруг случится так...
Но если вдруг случится так,
Что смерть пошлет стрелу мне в спину...

Не дай уйти ни в рай, ни в ад —
Используй...
ну... хотя б как глину.

●

Хевсур из Ликоки спускался в долину, и юноши
Саблю хвалили его: мол, булат! не железная!
Боже мой, сколько свершалось на свете уже всего
Хорошего —
и для меня бесполезного!

Осень. По улицам девушки ходят красивые.
Смуглы колени. В глазах — столько сердцу любезного.
Боже мой, сколько, выходит, на свете еще всего
Хорошего —
и для меня бесполезного!

Ласточки в небо подняли птенцов и готовят их в путь.
Все улетят, без литавр и оркестра помпезного.
Боже мой, сколько же будет на свете еще всего
Хорошего —
и для меня бесполезного!

Перевела Светлана КОКОРЕВА

●
Когда написано вчерне стихотворенье,
Я выйду за порог, войду в вечерний свет.
Я всем принадлежу, и всё — мое владенье.
Здороваясь с луной и небу шлю привет.

Хвала дыханию и воздуху. На свете
Подобных нет чудес, ручаюсь головой.
Казалось бы, пустяк, но вдох и выдох эти
Мое имущество, покуда я живой.

Когда написано вчерне стихотворенье,
Я выйду за порог, войду в вечерний свет.

●
Широко по мостовой шагаю.
Улица, деревья, тишина.
Сколько сил дает простор без края!
Как светла над городом луна!

Как прекрасна полночь в майских звездах!
Улица ночная хороша.
Кажется, идешь, ступив на воздух,
Шаг за шагом в небо, не спеша.

●
Женщина в толпе на тротуаре
Улыбнется вдруг невесть чему.
А чему — понятно лишь чинаре
И поэту. Больше никому.

Знает облако в небесной сини,
Небо только и поэт о том,
По какой загадочной причине
Женщина смеется под дождем.

В небо солнца не выпустили облака.
Над селением с полночи кружатся грозы.
Под дождем прозябает листва ивняка.
Слезы радости льют виноградные лозы.

Вижу я черепицу над старым жильем.
Вижу листья и струи воды торопливой.
В мокром платье соседка бежит под дождем.
Куры жмутся друг к другу, укрывшись под сливой.

С ночи дождь зарядил. Под небесной водой
Час за часом округа промокла до нитки.
С кровель капли на землю бегут чередой,
Мокнет поле, дорога, людские пожитки.

Я приемлю без ропота эти дожди,
Даже небо готов позабыть голубое,
Только ты будь со мною и не уходи —
Непогода и слякоть мне в радость с тобою.

Перевел Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

ХРОНИКА

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Состоялся первый пленум избранного X съездом писателей Грузии правления Союза писателей республики, который обсудил организационные вопросы.

Председателем правления Союза писателей Грузии избран Г. Ш. Цицишвили.

Секретарями правления

избраны Р. Б. Амашукели, Х. М. Берулава, А. Н. Джонуа, Р. К. Иванишвили, И. С. Козаев, Ш. Г. Нишнанидзе, Л. Р. Табукашвили, Ф. И. Халваши, Д. А. Чарквиани, Т. И. Чиладзе.

Председателем ревизионной комиссии писательской организации республики избран Т. А. Джангулашвили.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК КП Грузии Г. Н. Енукидзе.

ТОЛЬКО СВЕТ

Больше нет ничего — только свет
Твоих белых и длинных кистей.
Хризантем осыпавшихся нет,
Нет тоски, нет печали моей.

Только свет, больше нет ничего.
По протянутому лучу,
Утверждая его торжество,
Через сумерки я полечу.

И ничем, только светом одним,
Только ясным сияньем души,
Оправдаться дано перед ним,
Как ни хайся и как ни греши.

Только свет, ничего больше нет.
Как желтинник растет сквозь траву,
Так душа превращается в свет —
Я для этого только живу.

Больше нет ничего — только свет.
Чувству первому не прекословь.
Нет беды, нет к несчастью примет.
В мире есть
 только свет и любовь.

Слез поток затуманит мне взгляд
Уходящей надежде вослед.
Мои губы упорно твердят:
Больше нет ничего —
 только свет.

НЕИЗГЛАДИМЫЕ СЛЕДЫ

На скалах высекая знаки те же —
Прошедшие сквозь время, — меч и плуг,

Они сокрыли средь пещер Гареджи
Забвенью неподвластный, гордый дух.

Здесь, слаще молока, вода сочится,
Плывут среди руин дурман и тлен,
И время искусало, как волчица,
Невзятую врагами кладку стен.

Душа от красоты изнемогает, —
Колонны обветшавшие светлы.
В траве, как бивень мамонта, сверкает
Обломок, отлетевший от скалы.

А на камнях я вновь увижу крови
Ничем неизгладимые следы.
Везде — у безымянных изголовий
Растут колючки, травы и цветы.

Хоть кроме птиц нет никого здесь ныне,
Мне слышится сквозь пелену времен,
Как долетел до голубой пустыни
От этих скал последний тяжкий стон.

Мох скрыл следы, кричащие когда-то.
Виденья мне напомнят о былом.
Шиповника цветы и ветвь граната
Срослись навечно с каменным окном.

МИР ПАСТУХА, СЛОВНО ХИЖИНА, ПРОСТ

Спят, на траву повалившись, ягнята.
Мир пастуха, словно хижина, прост.
Звезды крупнее казались когда-то —
Может, привык он к сиянию звезд.

Смотрят ягнята так нежно и добро,
Кажется — ангелы тихо поют.
Сядут им мухи на мягкие ребра,
Как их ножом у духана забьют.

В царстве травы торопиться не надо.
Пусть насыщается не торопясь,

Мирно плодится и множится стадо.
Пусть засыхает июньская грязь.

Мир здесь остался простым, как в начале.
Зверь их не тронет и ты их не тронь.
Ночью не спят пастухи на привале,
В бубны стучат и разводят огонь.

НЕ РАЗГАДАТЬ МНЕ ТАЙН

Пергаментное небо старовато
Над древними руинами...

Куда

Халдея убежала от Евфрата,
Когда взбесилась темная вода?

Но как бы от потопа ни стремились,
Они не убежали от судьбы.
И в Хетта никогда не возвратились
С оленьими упряжками арбы.

Прошли века, иль только миг единый —
Все те же горы высятся вокруг.
Лишь времени тяжелой паутиной
Папирусы запеленал паук.

Спит Мидия...

Передо мною Мцхета.

Хоть сквозь курганов толщу вижу я
Урарту и престольный город Хетта,
Не разгадать мне тайн их бытия.

Желтые листья

скользят по плечам

и лежат по откосам.

Мне обнимают колени

дети в тряпье голубом.

Жаль молодую траву

в пору позднего сенокоса.

34.0367.01
010-1110333

Что будет с нею?

Тревожусь, —

всю ли ее сбережем.

А журавли улетают,

и юности воспоминая

С ними уходят.

О время,

ты обокрало меня.

Но все равно не желаю

ни с чем я

прощаться заранее.

Жаль покидать мне проселок

раньше сияния дня.

Каждую душу живую

хочу уберечь от потравы.

Силы мои на исходе,

близок последний закат.

Кто же изменит

тревожного мира

недобрые нравы? —

Мнится, что кто-то бесстыдно

стреляет в лесах оленят.

Перевел Сергей АЛИХАНОВ

1.

ВОТ я и вернулся. Кончилась война, и я вернулся в свой город, в свой квартал, в дом, где родился и вырос... В нем ничего не убавилось и не прибавилось. Он такой же, каким я его оставил, — уютный и ветхий. Но это, наверное, первое впечатление, легкое, поверхностное, расплывчатое. Как - никак первая встреча после долгой разлуки.

Наверное, я и хотел все увидеть нетронутым, прежним, поскольку не был готов к новшествам и переменам. Четыре года я жил памятью. Это была тайная страна моего детства, которую я неизменно оживлял в думах и сновидениях.

Поначалу мне было трудно в деревне... Особенно меня раздражал статус «городского ребенка». Излишнее внимание, которое беспокоило и стесняло меня, я ощущал на каждом шагу.

Порой казалось, что люди — все, от мала до велика, — жалеют меня, а жалость оскорбляла и

Арчил СУЛАКАУРИ

БЕЛЫЙ КОНЬ

Р о м а н

Перевели Марина
МГАЛОБЛИШВИЛИ
и Татьяна БЕК

унижала. Да и за что было жалеть меня? В сиротство, которое мне приписывали, я не верил, а если б и поверил — никому ни за что не подал бы повода для жалости.

Только Анано — сестра отца — не считала меня сиротой и не признавала за мной преимущества «городского ребенка» (понятия для меня в ту пору неясного и абстрактного). Эта на редкость неутомимая и трудолюбивая женщина, дожив до тридцати, ни разу не ступила ногой дальше деревни. Она объясняла это тем, что, мол, некогда было. Первое время я скептически относился к ее постоянным хлопотам, считая все это ненужной суетой. Тогда я и впрямь не мог представить себе, что на свете есть столько дел.

Часто я слышал от соседей: «Эта женщина день-деньской крутится как белка в колесе». Она всегда находила новое дело, и часто я думал: «Что за причуда — эта занятость?». У Анано действительно был талант выискивать себе дела.

Однажды по дороге в деревню я нагнал какого-то старика. Тот стал расспрашивать: «Чей ты?» Называя ему имя своего отца, я заранее знал, что он мне ответит. «Да-а! — с сожалением покачал он головой. — Бедняга твой отец вырос и возмужал у меня на руках... Он был отчаянный парень». Хвалил его старик, прямо до небес возносил. Я уже и счет потерял воспитателям отца — все, кто был в деревне преклонного возраста, оказывались его попечителями. Сначала я недоумевал, как это отец умудрился оказаться на попечении всей деревни, но постепенно к таким разговорам привык и больше не стеснялся. Я знал, что семи или восьми лет от роду дядя взял отца в город учиться, в городе он и вырос, возмужал, там и женился, после чего появился на свет я.

Известия о гибели мы не получали, но все в деревне почему-то считали его погибшим. Говорили, что он всегда попадал в переделки, словно сам идя навстречу опасности, и что не раз бывал на волосок от гибели. И когда старик произнес слово «бедняга», стало ясно, что в его воображении мой отец был погибшим на поле брани.

Я все удивлялся и даже обижался, почему они с такой легкостью и равнодушием отреклись от моего

отца. Я и потом много думал об этом, а тогда был уверен, что у деревенских особое отношение к тем, кто уехал из села насовсем и обосновался в городе. Порой их вспоминали с уважением, но и уважение это быстро остывало. «Если уж на то пошло, уехать из деревни и мы можем!» — говорила в одних зависть, в других злость, а в иных истинная любовь к земле и обида за нее. Отношение к себе я объяснял этим. Раз моего отца считали погибшим на войне, то, вероятно, думали, что я навсегда осел в деревне, по крайней мере хотели этого.

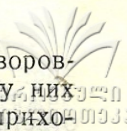
Потом старец справился об Анано.

— Эта женщина ясновидящая... слушайся ее, она слов на ветер не бросает... — По правде говоря, я не совсем понимал, что такое «бросать слова на ветер», но все же после разговора со стариком старался прислушиваться к Анано, однако, скупая на слова и молчаливая, она ничего особенного не говорила.

Меня поразило слово «ясновидящая». Я и раньше не раз слышал его и встречал в книгах, но значением никогда не интересовался, может потому, что считал это слово эпитетом, применимым лишь к сказочным героям. А слова старика вдруг пронзили мое сознание. Они относились к реальному человеку, рядом с которым я жил, близость и заботу которого ощущал ежедневно. Эпитет «ясновидящая» показался мне преувеличением.

Четыре года я провел под кровом Анано. Она меня поила-кормила и постепенно заставила полюбить старый дедовский двухэтажный каменный дом с узорчатым балконом, прохладный марани, белую козу, красного петуха с его гаремом и выстроившиеся в ряд вдоль забора одиннадцать тутовых деревьев. Эти тутовые деревья я почти каждый день пересчитывал, хоть и уверен был, что ни одного не убудет. Знал и то, что до войны самая светлая и просторная комната на втором этаже была отведена шелковичным червям, которые все лето, не переставая, пожирали зеленые листья нашей туты.

Под конец старик заговорил о каком-то мужчине — крепким, мол, он был, стоящим парнем. Я от неожиданности покраснел и отвернулся. Мне и раньше приходилось слышать о существовании этого человека, но

я все же смутился так, словно меня уличили в воровстве. Дело в том, что я не знал, кто он, какие у них с Анано были отношения — мужем ли он ей приходился, женихом или любовником. Анано ни разу о нем не упомянула, будто его и не существовало. Или она навсегда от него отказалась.

А впрочем, если вдуматься, что мне до их отношений, пусть даже это была любовь? Чего я стыдился, краснел? В конце концов Анано была взрослая и могла поступать как ей заблагорассудится.

Но деревня — дело другое.

Меня беспокоила неясность. Подсознательно я чувствовал, что здесь не все в порядке, и поэтому цельный образ Анано в моем представлении распадался, и даже улыбка ее казалась мне какой-то многозначительной.

Однажды...

Я хорошо помню холодное, но светлое и прозрачное осеннее утро. Анано не разбудила меня, как обычно, и козьим молоком не напоила. Это меня удивило, и я подумал: наверное, она опять нашла дело и спозаранку в колхоз отправилась. В то же время я всем существом чувствовал — она дома... Хотя не было слышно ни звука.

Я не вставал. Никто не заставляет вставать — и хорошо. Я лежал и нежился, укутавшись в шерстяное одеяло. Но подошло время идти в школу, и я слегка забеспокоился: что же происходит! Но опять не хватило духу встать. Я повернулся лицом к стене и попробовал забыться сладким утренним сном. Потом услышал протяжный скрип двери. Я не пошевелился, притворившись спящим: примолк и затаился. По звуку шагов я понял, что Анано в мою комнату не входила, а смотрела на меня из дверей. Я не выдержал напряжения, внезапно приподнялся и обернулся к открытой двери. Там и впрямь стояла Анано, непривычно мрачная и угрюмая. Она ничего не говорила и не двигалась, лишь, оцепенев, смотрела на меня. Глаза у нее были заплаканные, опухшие... Все лицо опухло.

— Что случилось? — спросил я испуганно.

— Вставай! — не сказала, а приказала она каким-то чужим голосом.

— Что случилось?

— Случилось то, что должно было случиться! — ответила она и вышла.

Я не торопился, потихоньку оделся и долго еще в беспокойстве кружил по комнате. Все оттягивал время, боясь услышать правду: страх с распухшими глазами настойчиво заглядывал мне в душу и бередил ее. Я почему-то стал считать тутовые деревья, пересчитал их трижды, и все три раза их оказывалось одиннадцать. Еще я установил, что трижды одиннадцать будет тридцать три, но и после этого мне не стало легче.

Как ни тяни время, все-таки пришлось бы выйти наконец в большую комнату. Делать нечего, я вышел. Анано сидела за длинным столом и, как видно, ждала меня. Обе ее руки бессильно лежали на столе, и она в оцепенении смотрела на дверь.

— Кончено! — сказала она и обратила на меня теперь уже холодные и сухие глаза. — Озо, ты большой мальчик, и я хочу, чтобы ты знал... кончено... все кончено. Мне очень тяжело, но другого выхода нет, я скажу тебе...

Я прижался к стене и как-то вдруг успокоился: недавние страхи и волнения улетучились.

Явно случилось несчастье, но седьмым чувством я понял, что оно не связано с гибелью отца. Здесь нечто иное, но что — сразу не поймешь.

— Саба погиб! — сказала наконец тетка. — Конечно! Все кончено.

— Какой Саба?! — вырвалось у меня, но в ту же минуту я понял, о ком речь. — А, Саба...

Впервые я услышал имя человека, который до сих пор был для меня чуть ли не легендой.

Молчание длилось долго.

— Извещение пришло? — спросил я несмело.

— Нет! — коротко ответила она.

— Если так... то, может...

— Я знаю, что говорю! — отрезала Анано и заговорила с жаром: — Что такое извещение, этот жалкий листок бумаги, который держит в страхе столько людей? Какое извещение сравнится с моим сердцем и чувствами? — Она встала и принялась ходить вокруг стола, ступая осторожно, как бы крадучись. Минут десять спустя она заглянула мне в глаза:

— Почему ты не спрашиваешь, кем был Саба?

Я не выдержал и отвернулся. За четыре года, проведенные в деревне, у меня не было еще таких тяжелых минут. Бессильно припав к стене, я не знал, что делать, как вести себя. Кем был Саба? И правда, кем он был? Я понятия не имел... Спросить тоже не спросишь. Стоило ей заглянуть мне в глаза, как я сразу почувствовал: Анано поняла, что я и раньше знал о существовании этого человека.

— Я не верила... Не хотела верить, — сказала Анано.

Больше она не заглядывала мне в глаза, ходила, сложив руки на груди, и, горестно задумавшись, кружила вокруг стола. Я понял, что на время она потеряла меня из виду. Но потом нашла снова.

— Озо, — заговорила она уже обычным голосом, — неспроста я сказала тебе давеча, что все кончено. Неспроста... — она опять замолчала и задумалась. Потом тихо продолжала, будто боялась, чтобы кто-нибудь ее не услышал. — Саба погиб... Я это почувствовала и проснулась... Нет, я видела наяву, как он упал, как его подкосила пуля... Эх! Видно, не смогла я повернуть колесо судьбы. Это и есть моя судьба!.. Какого человека не стало... Боже!.. Как ты его не пожалел, как не пожалел?!

Она говорила с паузами, дыша глубоко, словно ей не хватало воздуха. Я слушал с напряженным вниманием, не отрывая от нее глаз. Вдруг я разглядел, что Анано красивая, привлекательная женщина. И красивая, и привлекательная. Темноволосая, стройная... Черты лица у нее правильные и утонченные, волосы густые, черные и блестящие, с синим отливом. Со мной она никогда столько не разговаривала и поразила меня своей манерой говорить: не знай я этого доподлинно, никогда бы не поверил, что Анано нигде не бывала дальше деревни — так складно она говорила.

Саба появился в деревне за два года до начала войны. Он прямо пошел к председателю и предложил: «Вот вам рабочие руки — что поручите, все сделаю». Ну, а деревне всегда нужны рабочие руки, и председатель сразу же взял его — посмотрим, на что ты горазд...

Через три-четыре месяца Саба уже стал незаменимым, его посылали туда, где не хватало людей. И он работал не покладая рук, добросовестно выполняя все поручения. «И как это мы раньше обходились без него?» — говорили сельчане, в один голос нахваливая Сабу.

На нашей улице, у соседки, был постоялец, некто Дидо, высокий, худой и крепкий. Он был хорошим плотником и в работе передышки не знал. Он так прославился своим мастерством, что за ним часто приходили из далеких деревень. Дидо вскидывал на плечо свои пожитки и месяцами пропадал неизвестно где. Как-то жарким летним днем он с трудом дотащился до дому, держась рукой за сердце: «Здесь болит, умираю», — последнее что он сказал и замертво свалился на тахту. На него смотрели с беспомощным отчаянием. А он убывал на глазах, как свеча. Когда деревенский врач ничем не смог ему помочь, соседи пригласили отдохавшего в то время в деревне профессора, но и городской светило ничего путного сделать не смог... А Дидо с каждой минутой становилось все хуже: он еле дышал. Все его жалели и сокрушались, что пропадает человек. «Нужно хоть родственникам сообщить», — говорили люди. Но никто не знал, откуда он родом.

— Помню, субботний день клонился к вечеру, — продолжала Анано, — я кормила кур. К плетню подошел человек и спросил меня: «Где живет беспризорный Дидо?» Я объяснила. «Он еще жив?» — с улыбкой спросил человек. «Да», — улыбнулась я в ответ.

— Красавица, если ты все время на глазах у этого несчастного, то и заболеть ему немудрено, — весело рассмеялся он и отошел от плетня.

Уходя, он все оглядывался и улыбался мне. Сердце у меня так застучало, что я подумала — вот-вот разорвется. Человека этого я никогда прежде не видела и все же поняла, что это тот самый Саба, который недавно обосновался в нашей деревне.

Придя к Дидо, он первым делом спросил: «Как это тебя угораздило?» «Да вот давеча напился и полез в пруд. Или водка меня убила, или вода из пруда», — отвечал Дидо. «Нет, от водки бывает совсем по-другому», — засмеялся Саба и на миг задумался.

Потом опять направился к плетню Анано.

— Послушай, хозяйка, не пожертвуешь ли своего старого петуха для Дидо? — спросил он.

— Что ты, он не старый, позапрошлогодний! — обиделась Анано.

— Потому и прошу, что позапрошлогодний. Сильный петух — и сердце у него будет полнокровное.

— Только петуха желаете или еще и курицу в придачу?

— Курицу в другой раз, а на этот раз пожертвуй петуха. Не видишь разве, человек пропадает, — сказал Саба и ушел.

Анано сперва решила было, что он шутит, но потом почувствовала по его тону, что петух действительно нужен.

Соседи с трудом поймали петуха и отнесли его Сабе. А Саба тем временем запасся иглой и ниткой, взял в руки перепуганного петуха, дал ему перевести дух и погладил по спине: «Ты будешь принесен в жертву этому неверному, хороший он человек, крепкий мастер...» Потом он достал из кармана острый, как бритва, нож, уложил петуха на землю ногами кверху, заставив других держать крылья и ноги со шпорами.

Живому петуху быстро надрезал грудь и извлек сердце. Так же быстро и ловко продел сквозь него нитку и дал Дидо проглотить еще трепещущее, полное крови сердце.

— Глотай, глотай, — заставлял он Дидо, а сам не отпускал нитку. — Терпи, несчастный, терпи! — кричал Саба, стоя у него над головой и нервно смеясь. Потом он выждал несколько минут и очень осторожно стал тянуть нитку обратно. Пот стекал с него ручьями.

Наконец он достал у Дидо из глотки привязанное к нитке петушиное сердце. Все были поражены: с окровавленного петушиного сердца свисала довольно большая черно-красная пиявка...

— Вот и все! — сказал тогда Саба. Стряхнув пиявку на землю, он вытер потный лоб рукавом.

— Сейчас сварите из петуха чихиртму для этого бедолаги, а если еще дадите ему стакан саперави, то

будет полный порядок! — Саба похлопал Дидо по плечу и собрался уходить.

— Послушай, так нельзя! Подожди, добрый человек, немного закусим! — упрашивал хозяин.

Но Саба не соглашался ни в какую.

— Если я буду ждать, пока сварится этот петух, то пробуду здесь до утра.

— Хоть руки помой, — пытались заманить Сабу в дом.

— У меня руки чистые! — он поднял обе руки всем на обозрение. Потом опять направился к нашему плетню и с улыбкой сказал Анано: — Завтра утром принесу тебе такого же красного петуха... непременно!

Анано снова ходила по комнате со сложенными на груди руками. Видно, ей многое нужно было сказать, но она вела себя осторожно, как бы специально подбирая слова для меня. Я заметил, что она считается с моим возрастом, стараясь не переступить границ в разговоре. А был я тогда шестнадцатилетним парнем. Между прочим, шестнадцати-семнадцатилетний (даже гораздо младше) знает больше, нежели думают старшие, часто забывая свое детство и отрочество и наивно полагая, что главные знания и опыт приобрели, когда детство осталось позади.

Так думал я, слушая Анано.

Оказывается, на другой день Саба и правда пришел. Громко смеясь, он перебросил через плетень большого красного петуха... Мое предчувствие оправдилось... Возможно, он приходил не только днем... Обвенчаться, как говорила Анано, они не успели, потому что началась война. Последние слова я принял за самооправдание и поэтому решил, что они были сказаны лишь для меня и не выражали ни боли, ни сожаления...

Я устал стоять. Стоял, прислонясь к стене, и думал о Дидо, чудом спасенном Сабой: эта история и была похожа на правду, и нет, я и верил, и не верил. Озадачил меня и сам Саба, который и нравился мне, и не нравился, раздражая своим громким смехом. Но больше всего меня все-таки озадачила Анано. Молча следил я за каждым ее движением, вслушивался в ее рассказ, пытался понять и разобраться: что же случилось? Почему она так уверовала в какой-то нелепый сон и убила любимого человека? Почему так безнадеж-

но исключила малейшую возможность спасения Сабы? И, что самое главное, почему все кончено? И еще ты-сячи тысяч почему?.. почему?.. почему?..

Хотя Анано столько говорила со мной о Сабе, я все же не мог вообразить его даже внешне. Трудно мне было поверить в реальное существование этого человека..

— Каким был Саба? — спросил я вдруг, неожиданно для себя.

Анано удивленно взглянула на меня и улыбнулась. Ничего не сказала.

— Внешне, — уточнил я.

Анано приблизилась ко мне, обняла за плечи и подвела к окну.

Из окна виднелась задняя часть двора с саманником. За плетеным забором был огород, за огородом — виноградник. Перед саманником рылись в навозе куры, а взлетевший на плетень петух сверху обозревал свои владения.

Я внимательно присмотрелся к петуху, ибо еще раньше понял, что это именно тот, которого Саба принес взамен пожертвованного для Дидо. Вдруг мне почудилось, что петух в большом беспокойстве. Он издавал какие-то возмущенные звуки, одним глазом все время кося на небо, будто видя ястреба и предупреждая свой «приход»: «Спасайтесь, с неба грозит опасность!»

Анано зачем-то открыла окно. Петух, не обращая на нее внимания, взмахнул крыльями и так свободно, без усилий взлетел на довольно высокий саманник, что мне даже смешно стало, — экий летучий петух у нас объявился. Петух обозревал мир с саманника. Вытянул шею, приготовившись прокукарекать. Но вместо крика у него вырвался странный звук — надтреснутый, похожий на клетот или хрип. И показалось, будто внезапно и он сам, и все кругом обмерло...

Вдруг я отчетливо увидел, как красный петух изменил цвет. Я в изумлении посмотрел на Анано: грустно задумавшись, она вперила глаза в землю. Я снова обратил взгляд на петуха и не поверил собственным глазам: на крыше саманника вместо красного сидел

петух черный, как ворон... И не успел я вскрикнуть от удивления, как петух с шумом взмахнул крыльями и... улетел. Быстро пролетел над огородом, виноградником, над тополями в конце виноградника и исчез.

— Так я и знала! — воскликнула Анано.

Я не понял, что означали слова Анано, да и не пытался понять. Пораженный, смотрел я на дальние верхушки тополей, за которыми растворилась черная птица.

Снаружи повеяло холодом, и я закрыл окно.

— Война скоро кончится, и твой отец вернется. Может, с небольшим опозданием, но обязательно вернется, — удивительно спокойно говорила Анано, словно все было уже окончательно решено. Мы стояли у окна, я вновь ощущал на плече ее осторожную холодную руку и молча слушал. — Вернется и увезет тебя с собой. Конечно, увезет, а как же иначе, не оставит же он тебя здесь! Ты к тому времени окончишь школу и захочешь учиться дальше... Это хорошо, Озо, как же иначе, ты должен учиться!.. А я останусь здесь одна... Ты не думай, что я боюсь остаться одна, нет, клянусь богом! И никогда не боялась... только... запомни... Мне недолго осталось жить, я не протяну долго. Не знаю, как сказать, хотя не все ли равно, как? Озо, хорошенько запомни: через год после моей смерти мой брат Сандро, твой отец, продаст этот дом, участок, все, что построили святым потом и честными руками наши отцы и деды. Никто не сможет ему помешать, убедить его, что продавать этот дом, ломать это гнездо нельзя... нельзя... нельзя... Сюда придут чужие, чужие завладеют всем этим!.. Хотя один раз ты еще приедешь сюда, приедешь вместе с отцом, когда меня уже не будет на этом свете... Ты приедешь на мои похороны, Озо. И на том спасибо...

Длинный ужасающий монолог Анано я слушал так же спокойно, как спокойно она его произносила. Хотя ее холодная дрожащая рука, которая все еще обнимала мое плечо, невольно выдавала скрытые боль и волнение. Но внутренне я сопротивлялся Анано, не верил ей. В том, что мой отец вернется с войны, я и сам не сомневался, а вот поверить в смертный приговор, преждевременно вынесенный Анано самой себе, не мог никак. Что ускорит ее кончину, что с ней такого может произойти?! «В конце концов ведь не покончит же она

с собой?!» — думал я. И поскольку я отсрочил смерть Анано до глубокой старости, то и продажа дома, и крушение очага показались мне глупостью.

2.

Когда Анано вышла из комнаты, я понял, что не так уж спокоен и беззаботен. В душу вкралось странное чувство, воспоминание о котором в дальнейшем вызывало у меня смущение, — и я все старался найти ему объяснение. До сих пор я был глубоко уверен, что у Анано одна печаль — это мой отец. А главным предметом заботы, конечно же, считал себя. Но вдруг я обнаружил совершенно непредусмотренного «соперника» — Сабу, главную заботу Анано, причину причин ее горя и скорби, без которого все кончилось, все шло прахом. А посему я и мой отец оказывались на заднем плане, что неприятно поразило и даже удручило меня, будто на протяжении многих лет меня обманывали, тайно от меня уделяя другому частицу моей доли. Чутьем я всегда ощущал присутствие кого-то третьего, чуждого и незнакомого мне, но не мог даже предположить, до какой степени его ценили... Эти мысли, до сих пор спавшие в глубине сознания и не тревожившие меня, теперь всколыхнулись и стали явственными.

В годы войны деревня вновь вспомнила забытые или отмененные церковные праздники: попавший в беду зверь, дикий ли, домашний, приходит за помощью к человеку, а попавший в беду человек — к богу.

На исходе этого лета, на праздник Мариамоба, и в деревенской церкви, и вокруг нее собралось много народу. Кого только здесь не было! А больше всего — женщин и детей. Женщины явно преобладали, хотя встречались и мужчины: старые, пожилые, редко — вернувшиеся с войны. Кто без ноги, кто без руки. А некоторые и без явных признаков ранения, но, как видно, тоже непригодные для военной службы, хоть они и не хотели расстаться с формой. Я впервые видел такое скопище народу и жадно всматривался во все. Тогда я впервые заметил, что женщины выглядели оптимистичнее и бодрее, энергичнее и собраннее. Мужчины же ка-

зались такими беспомощными, будто не видели исхода и надежды, а если и видели, то опять-таки — в женщине. Они засматривали женщинам в глаза и беспрекословно выполняли каждое их поручение.

Народ валил даже из соседних деревень, и на церковном дворе накрывался общий стол. Люди прибывали, и стол рос. Угощение было нехитрое (хлеб, лобио, зелень, немного солений), но зато вина — вдоволь. Анано тоже выставила свою долю — кувшин с вином, хлеб и мчади.

Все, от мала до велика, пили за ушедших на войну, жгли свечи и молили бога о победе над врагом, о скором возвращении своих близких с миром и победой. Это был скорбный праздник, но на закоптелых стенах церкви, как свеча, мерцала надежда.

— Пойду поставлю свечку за твоего отца, — сказала Анано и ушла.

Я проводил ее взглядом. Анано смешалась с толпой, и я потерял ее из виду. Было жарко. От палящего солнца и непрерывного, бесконечного бормотания у меня кружилась голова. Тошнило от запаха пота и пыли. Взмокшая от жары одежда прилипала к телу, и мне до безумия хотелось вылезти из мокрой рубашки.

Я снова увидел Анано: она вышла из церкви и смешалась с людским потоком. Потом остановилась у закоптелой от множества свечей церковной ниши. Я отчетливо видел, как она зажгла свечу и как прилепила ее к стене большим пальцем, что-то бормоча. Я подумал, что на этой церемонии зажжения свечи закончится, но Анано зажгла вторую, прилепив и ее к стене. Затем преклонила колени, молитвенно сложила руки на груди и опустила голову. Долго пробыла она на коленях. В тот момент у меня возникло сомнение, а сейчас я уже не сомневаюсь: свеча, перед которой склонилась Анано, предназначалась не моему отцу и тем более не мне. Зачем было ставить за меня свечку и на коленях молиться обо мне?!

Оставшись в комнате один, я невольно вспомнил все это. Даже простое воспоминание больно сжимало грудь. Может, лучше было бы отмахнуться от этих бесполезных мыслей и догадок? Чего я хотел, чего искал? Зачем копался в чужой душе и вмешивался в чужую жизнь, в которой ничего не смыслил?

— Анано! — громко позвал я.

Подождал ответа. Я уже готов был сказать: ничего, что я опоздал, пойду в школу... Не услышав голоса Анано, я надел свое старое пальто, из которого давно вырос, и, выходя, закрыл за собой дверь. Вначале я и не думал идти в школу, но попав во двор, понял, что бесцельно слоняться по улицам тоже смысла нет. Было холодное осеннее утро, и я озяб. Делать нечего, отправлюсь-ка в школу, подумал я, товарищей повидаю, хоть отвлекусь немного.

Так я и сделал.

До конца второго урока оставались считанные минуты. Я принялся ходить взад-вперед по коридору возле класса. Здесь было тоже холодно, и холод этот был еще неприятнее, чем на дворе. Из разбитых окон со всех сторон дули сквозняки, пронизывая до костей. Вдруг я услышал голос завуча. «Сын Сандро, подойди на минуту!» — позвала она. Я подумал, что она будет выговаривать мне за опоздание или скажет: «Чего ты тут околачиваешься, почему не идешь в класс?» Я подошел к ней, скромно опустив голову, всем своим видом выражая раскаяние. Да мне и не нужно было особенно оправдываться, потому что учительница Маро (так я обращался к завучу) всегда покровительствовала мне как соседка и давняя подруга отца (она сама говорила: «В детстве мы с твоим отцом были друзьями»).

— Озо, — сказала завуч, — ступай к Кариаулевой вдове и передай: пусть сейчас же придет, директор вызывает. Если ее не будет дома, то подымись к Кариаули, она там.

— Я не знаю, где они живут.

— Тебе не приходилось видеть справа от церкви, через поле, кирпичный дом с каменной оградой?.. Там они и живут.

Я не смог вспомнить кирпичный дом справа от церкви. Я даже толком не знал, кто такие Кариаули, хотя слышал о них.

Засунув руки в карманы, я послушно отправился выполнять поручение. Я надеялся застать вдову дома, чтобы не пришлось искать дом Кариаули, но мои на-

лежды не оправдались, и я уныло поплелся вверх — к церкви...

Я бреду по ухабистому подъему, ветер здесь пронизывает сильнее. Ни души не видно, все укрылись в домах, притаились и пригрелись.

Сгорбившись, иду я в гору и думаю о Кариаулевой вдове. Думаю потому, что мне не дает покоя странная, но возможная параллель. Кариаулева вдова, которая два года назад преподавала нам географию, была худенькой, черненькой, невзрачной, а характером — строптивой. Одним словом, прирожденная старая дева. А уж в эту трудную годину даже сельские мадонны мечтать не смели о замужестве.

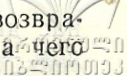
Но однажды, когда пришла весть о гибели Михо Кариаули, она сняла свою обычную одежду, оделась во все черное и впала в траур, будто у нее умер жених или муж. А деревня знала, что Михо Кариаули любил девушку из другой деревни. Поговаривали, что если бы не война, осенью они должны были пожениться.

Иные с улыбкой говорили: если бы учительница географии вовремя вышла замуж, могла бы иметь сына — ровесника Михо. Деревня, конечно, преувеличивала. Деревне свойственны преувеличения и шутки, порой — злые, порой — добрые.

3.

А учительница географии всем своим существом, с упрямой искренностью горевала о гибели то ли мужа, то ли жениха. Как видно, она так глубоко убедила себя — я, мол, жена (или невеста) Михо Кариаули, — что заставила поверить в это и других. Теперь вся деревня относилась к ней как к безвременно овдовевшей, и все уважали ее за верность и порядочность, позабыв ее настоящее имя и окрестив «Кариаулевой вдовой».

Очевидно, и родители Михо поверили в ее преданность, широко открыли перед нею двери своего дома, и учительница географии поселилась у них, став неотъемлемым членом семьи. Оказывается, родители Михо даже говорили: нашему сыну подошла бы только такая образованная, умная и кроткая жена, и если бы не злая судьба, то лучшей жены Михо и не пожелать. Ко-

нечно, сейчас не стоит говорить о том, чего бы, возвратись Михо благополучно с войны, он пожелал, а чего — нет...

И тут я подумал: а что если и Анано собирается стать второй Кариаулевой вдовой и Сабу сама придумала, — но тут же отбросил от себя эту недостойную мысль. Подсознательно мне не нравилась судьба, выбранная моей учительницей. Я не желал Анано такой жизни... Нет!.. Неправда. Я считал, что она не имеет права на такую жизнь, потому что у нее был брат — мой отец и, что самое главное, был я. Я — которому шел уже семнадцатый год и который из-за своего легкомысленного эгоизма не хотел допускать даже мысли о том, что у Анано может быть другая печаль и забота, кроме как обо мне!

Наконец-то я одолел подъем и оказался вблизи церкви. Там же, чуть выше обвалившейся каменной ограды, находится старое заброшенное кладбище, где в беспорядке разбросаны холодные серые могильные камни. Голый склон горы сверху окаймлен лесом. Сейчас, по моим расчетам, я должен свернуть направо и перевалить через маленький холм, за которым будет дом Кариаули с каменной оградой. На холме возвышается одно-единственное дерево. Кажется, дуб.

С холма я и вправду увидел стоящий вдали от деревни дом и удивился: как это я его раньше не замечал? Я стал быстро спускаться и шел еще довольно долго, прежде чем добрался до каменной ограды. Ограда была сложена из больших речных глыб, местами укрепленных обтесанными могильными камнями — на некоторых сохранились полустертые надписи и можно было даже прочитать отдельные слова.

Ограда показалась мне высокой и внушительной. Волей-неволей она обращала на себя внимание. Она походила на крепостной вал, овеванный тайной, и вызывала почтение. Калитка была открыта, но я на мгновение замешкался и, лишь немного поколебавшись, решился войти: чего мне стесняться, я ведь не по своей воле сюда шел, меня послали. Дом оказался под стать ограде — двухэтажный, но какой же огромный! И у

нас двухэтажный дом, но по сравнению с этим наш дом — лачуга.

Во дворе я осмотрелся, не выскочит ли собака. Такой дом трудно представить себе без овчарки, хотя в то время редко можно было встретить собаку. Люди и те с трудом себя кормили. Я торопливо пересек двор, все еще опасаясь овчарки, взбежал по лестнице и постучал в дверь. Прислушался, потом снова постучал согнутым указательным пальцем.

— Кто там? — услышал я строгий мужской голос. Вопрос был задан так категорично, что не объясни я, кто и зачем пришел, мне и дверь-то, наверное, не открыли бы.

Я промямлил, что мне нужна учительница.

— Кто?!

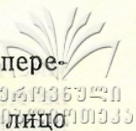
— Меня прислали из школы... мне нужна учительница...

Долго ждать не пришлось, дверь открыла Кариаулева вдова: она была с ног до головы одета в черное и выглядела очень худой. Ни о чем не спросив, она посмотрела на меня печальными глазами и еле заметной улыбкой выразила нечто вроде удивления. Поскольку мне открыли дверь, я решил, что меня приглашают войти в дом, и вошел — манило тепло.

Вдруг от удивления я опешил: за столом я увидел Кариаули... нет, рыжих дэвов¹, ну, если не дэвов, то во всяком случае, их прямых потомков. Посреди залы, за большим четырехугольным столом, сидели и завтракали Кариаули — отец, мать и две незамужние дочери. Дочери были похожи друг на друга, как двое близнецов — да, возможно, они и были близнецами. Все четверо были краснощекие, пышущие здоровьем, так что учительница на их фоне была как увядший лист. В центре стола стоял поднос, на котором виселась голова кабана с торчащими наружу клыками. Длинное кабанье рыло, подобно двуствольному ружью, было обращено к потолку. Очевидно, голову только что достали из кастрюли, и от нее шел пар. У разгоревшегося камина все еще стояла медная кастрюля, из которой тоже валил пар...

Супруги Кариаули смотрели на меня недружелюбно.

¹ Дэв — сказочный великан.

но и настороженно — и я почувствовал, что зря переступил порог их дома.

— Кто это? — спросил глава семьи и отер лицо волосатой рукой.

— Мой ученик, — почтительно ответила вдова.

— Как он здесь очутился?

— Не знаю...

— Эй, щенок! Как ты сюда попал? — обратился Кариаули-старший теперь уже ко мне. — Через ограду перелетел? Тогда почему я не вижу крыльев?!

Рыжие девицы-дэвы бесцеремонно фыркнули. Кровь бросилась мне в голову, и я покраснел.

— Молчите, бесстыдницы! — накинулся на дочерей отец. — Вы тоже хороши, ей-богу!

Девицы-дэвы смутились, даже головы опустили, как невинные ангелы, хотя два-три раза все же успели взглянуть на меня.

— Женщина, я же говорил тебе, не оставляй калитку открытой!

— Простите меня, отец! — Кариаулева вдова совсем сжалась.

Теперь мне стало ясно, из-за чего гневались дэвы. На меня они не злились, да и какой из меня разбойник! Вопрос в том, кто оставил открытой калитку.

— Уважаемая учительница, вас вызывает директор! — выпалил я, не выдержав жалкого вида вдовы и собственной беспомощности, и стремглав выбежал вон. В два прыжка я одолел лестницу и со всех ног бросился к калитке.

Только у калитки я оглянулся на дом Кариаули. Какое-то время я смотрел на него, потом вышел, пряча голову в воротник пальто, и сел под дубом на пожухлую траву. Обе мои руки лежали на коленях. По правде говоря, сейчас я был скорее ошеломлен, чем оскорблен, хотя только что мне было очень обидно. Еще бы, ведь ко мне обратились так грубо и беззастенчиво, что от унижения я даже покраснел. Но вот я миновал ограду, и обиду как рукой сняло — я чуть не смеялся. Особенно смешила мысль, что Кариаули, наверное, не лучше обращается со своими дочерьми.

Было по-прежнему холодно, но ветер стих и холод

уже не пронизывал до костей. Я сидел нахохлившись и не мог оторвать взгляда от дома дэвов за каменной оградой... Вокруг их стола стояли только четыре стула и на всех четырех сидели Кариаули, да и стол был накрыт только на четверых. А вдова Кариаули?.. Неужели она позавтракала раньше и отказалась от вареной свиной головы? А может, не отказалась?.. Так или иначе, мне почему-то стало жаль мою бывшую учительницу. Мне показалось, что ее насильно принудили стать вдовой Михо Кариаули, ведь не могла же она по своей воле избрать такую жизнь.

Идя в дом Кариаули, я думал, что кого-то из их семьи я обязательно знаю. И как же странно мне было, столько времени прожив в деревне, увидеть своих односельчан впервые. Тем более в ту пору, когда деревня почти опустела — треть ее населения, если не больше, ушла на фронт... Неужели они день-деньской сидят за своей каменной оградой и никуда не выходят? Родителей еще можно понять, но дочери?..

Однако на их лицах играл яркий румянец, а курчавые волосы искрились. Их груди, выпиравшие из плотно облегающих черных платьев, и крупные белые веснушчатые руки покоились прямо на столе. Первое, что я ощутил, войдя в комнату, был их взгляд. Две пары расширившихся серых глаз. Будто они впервые видели чужого человека и готовы были сожрать его. Да... Странно выглядели в ту пору такие откормленные существа. Даже те, кто до войны еле двигался от полноты, теперь превратились в собственные тени.

Эх, в неподходящее время я туда заявился — они только-только собирались приступить к трапезе. Я задержал их на три минуты, всего на три минуты... Но это, наверное, много, когда ножи и вилки уже наготове. Интересно, что осталось от свиной головы?

Внезапно у меня закружилась голова от голода. С утра и маковой росинки во рту не было.

В это время от ограды отделилась черная фигура и направилась к моему холму. Нетрудно было догадаться, что это Кариаулева вдова. По понятным причинам ей было бы неприятно видеть меня, да еще словно притаившегося в ожидании под дубом. И мне не хотелось встречаться с ней. Увиденное меня поразило. Зачем ей такое ужасное вдовство? Объяснений этому я

не находил... Потом я вспомнил взгляд Кариаули-матери, матроны в чихтикопи¹, которая испытующе смотрела на меня прищуренными серыми глазами. Человека с таким взглядом провести нелегко. Неужели она закрыла глаза и поверила всему, что придумала учительница географии?

Кариаулева вдова, как я понял, направлялась ко мне. Я быстро повернулся, но побежал не вниз, а перепрыгнул через обвалившуюся ограду и спрятался во дворе церкви. Двери церкви были открыты, и я машинально нырнул туда. В тот день я убедился, что открытые двери для меня — соблазн. Во всяком случае, один раз они уже ввели меня в искушение и сейчас манили к себе снова. Я остановился у входа, потому что увидел в глубине полутемной церкви знакомый силуэт, вернее, понял, что у зажженных перед алтарем свечей стояла и молилась Анано. Не медля ни секунды, я вышел, подумав, что мое появление могло смутить Анано. Она пришла сюда тайно ото всех и, стоя перед богом, открывала ему свою боль. Я горько пожалел о том, что недавно в мыслях сравнил ее с Кариаулевой вдовой.

Сбежав вниз по спуску, я через несколько минут был на школьном дворе. Доложил учительнице Маро, что ее поручение выполнено и что Кариаулева вдова с минуты на минуту будет здесь. Прозвенел звонок, мальчишки и девчонки с шумом высыпали наружу. Я смешался с одноклассниками.

— Кариаулева вдова идет!.. Кариаулева вдова идет!.. — слышался почтительный шепот.

Все с подчеркнутым уважением кивали и уступали дорогу маленькой, худенькой женщине в черном, которая шла к школе, опустив голову, грустная, задумчивая. Внезапно я вздрогнул, как будто поймав себя на преступлении: так же, как все, я шептал: «Кариаулева вдова идет!» и, почтительно улыбаясь, здоровался с ней.

По дороге домой меня нагнала Зизи, дочь учительницы Маро: ей тоже захотелось уйти с последнего уро-

¹ Чихтикопи — грузинский национальный женский головной убор.

ка. Ее полное имя было Зейнаб, но мать ласково называла ее Зизи. И вся деревня вслед за ней наложила табу на ее настоящее имя. Мы часто возвращались из школы вместе, поскольку учились в одном классе и жили по соседству. Зизи мне нравилась: открытая и независтливая, она ни для кого ничего не жалела, была мила, хорошо сложена. А как она пела и танцевала! Зная наизусть народные стихи, она при случае громко, с выражением их читала. Одним словом, Зизи считалась первой девушкой на деревне, и, естественно, парни с нее глаз не сводили. В школе были и другие девушки, именуемые «хорошими», но у Зизи было перед ними важнейшее преимущество — она рано повзрослела, обнаружив черты женственности. К тому же она сама шила себе наряды. Старое платье она могла переделать и пригнать к своей фигуре всем на загляденье.

Когда Зизи танцевала, пела или читала стихи, у меня создавалось впечатление, что все это она делает для того, чтобы привлечь внимание. Она стремилась понравиться и очаровать, не испытывая при этом внутренней потребности ни в танцах, ни в пении, ни в декламации. Все это, как, впрочем, и внешность, было ей необходимо лишь для того, чтобы завладеть тобой.

Вероятно, Зизи походила на свою мать. Во всяком случае, мне казалось, что учительница Маро в молодости была именно такой. Или наоборот, что Зизи с возрастом станет похожей на мать. Это предполагаемое сходство сковывало меня, когда в минуты уединения я думал о Зизи. Мысль об этом сходстве подавляла юношеские желания, порожденные грезами о Зизи. Если бы не это сходство, я, может, и полюбил бы ее. Между прочим, я чувствовал, что и Зизи равнодушна ко мне: нередко я, увлекшись разговором с товарищами, внезапно замечал подошедшую неслышными шагами Зизи — молчаливую, задумчивую, как бы отрешенную. Другие тоже замечали это и говорили напрямик: «Ты что, ослеп, парень? Не видишь, как она ест тебя глазами!» А я краснел и готов был сквозь землю провалиться.

Мать Зизи считала, что я похож на отца: ты, мол, вылитый Сандро. Что до меня, то я был другого мнения. Отца я помнил хорошо. Он был среднего роста,

смуглый, плотный. Я же — худой, долговязый, слегка сутулый. У меня были светлые волосы, прямые, жесткие, а не вьющиеся, как у отца. Помню, в детстве во мне находили большое сходство с матерью. Отец представлялся мне напористым, энергичным человеком, меня же мучила застенчивость, я часто не к месту краснел.

Раньше, если учительница бывала дома, я избегал ходить к ним. Она обычно смотрела на меня большими голубыми глазами, проводила руками по своим густым каштановым волосам и с улыбкой говорила: «Озо, Озо, как же ты похож на отца». Она обнимала меня и привлекала к себе, к своей мягкой груди, да так, что дух захватывало. Постепенно я перерос ее пышную грудь и теперь невольно ощущал идущий от ее шеи и лица резкий специфический запах. Это были, наверное, косметические кремы домашнего приготовления. Запах раздражал меня до тошноты, но я стеснялся и не пытался высвободиться из сильных рук учительницы. Резкий аромат преследовал меня повсюду, и я слышал его, как слышат голос. Порой он даже будил меня по ночам. Но вот уже несколько месяцев как он оставил меня в покое. За лето я как-то сразу вымахал, перерос всех на голову. Возможно, я утратил и очевидное для учительницы Маро сходство с отцом.

Я был не таким уж редким гостем в их трехкомнатном доме. Поначалу мне приятно было ходить туда: приехав из Тбилиси и попав в чужую обстановку, я лишь в этой семье почувствовал себя как дома. Зизи была мне ровесницей, и ее мать относилась ко мне хорошо.

Деревенский двор я представлял себе именно таким, и все мне тут нравилось — и бегущая вдоль дороги пыльная изгородь, и расшатанная калитка, и сам сложенный из речных камней и крытый старой черепицей дом, по углам облицованный грузинским кирпичом. Деревянного балкона никогда не касалась краска, и под действием солнца, ветра и дождя он стал темно-серым... Передняя часть двора была отведена под цветы — главным образом розы, за которыми любовно ухаживала сама учительница Маро. Пожалуй, это был единствен-

ный двор в деревне, где в тяжелые годы войны находили время для цветов.

Муж учительницы Маро погиб в боях у озера Хасан, но поскольку никто в деревне об этой битве не помнил, то и учительницу вдовой не считали. Кто-то пробовал даже шутить на этот счет: раз уж суждено ему было погибнуть на войне, то погиб бы лучше сейчас, были бы у Маро хоть какие-то привилегии.

Но главное, учительница Маро считала себя родней Рафиэла Эристави¹ и очень гордилась своим далеким прославленным предком. Когда же она заводила речь о Варваре Джорджадзе², то можно было подумать, что та ей родная тетка и что кулинарному искусству Маро училась у нее. На стенах главной комнаты были симметрично развешаны пожелтевшие от времени и выцветшие фотографии и дагерротипы в разномастных рамках. А некоторые были просто прикреплены скрепками или прибиты гвоздями. Но висевший на стене ковер, который покрывал также старинную тахту с резьбой, предназначался исключительно для большой черной рамы, откуда мудрый Рафиэл Эристави грустно взирал на суету сует.

Деревню не убедишь никакими портретами в черных рамках, какого бы размера они ни были, и люди твердили свое: «Я слышал от своего деда, что в старину они были крепостными у Эристави...» Ну, были, так были, тем лучше... может, грешным делом, кто кого и соблазнил... Меня, по правде говоря, их происхождение мало занимало.

Зизи, как я уже сказал, нагнала меня, и мы вместе побрели по проселочной дороге. Утром я не успел поест, а потом еще так набегался, что едва волочил ноги. А она шла рядом и болтала без умолку. Я слушал ее рассеянно. Порой, когда впечатления нынешнего дня всплывали перед глазами, слух будто отключался. Как видно, большое впечатление произвели на меня Қариаулевы дочери. Это они все время возникали передо

¹ Р. Эристави — грузинский писатель, этнограф, общественный деятель.

² В. Джорджадзе — сестра Р. Эристави, грузинская поэтесса, драматург, критик. Автор книги «Грузинская кухня».

мной — круглолицые рыжие девицы-дэвы, огромные груди которых лежали прямо на столе.

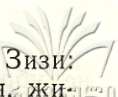
Я хотел спросить Зизи про этих Кариаули, но она не обращая на меня внимания, все трещала и трещала. Ни на минуту не умолкая, она не давала мне вставить ни словечка.

Расфантазировавшись, она к концу февраля воцарила мир на всей планете. Зима сорок четвертого была на носу, и в исходе войны никто не сомневался, но Зизи так решительно утверждала это, как будто бразды правления были у нее в руках и она могла окончить войну, лишь только пожелает. Потом она подробно описала, как деревня отпразднует победу.

А потом с этого праздника она перескочила на другой — вот она устраивает выпускной вечер после окончания школы, с которого, конечно же, не переводя дух и не оглядываясь назад, мы отправляемся в Тбилиси... Вот Зизи уже сдает приемные экзамены в театральный институт... Сдала и зачислена в институт — она уже студентка первого курса актерского факультета, ни больше ни меньше. Все в восторге от ее успехов, кроме учительницы Маро: мать против, при ней не стоит и упоминать о театре. «Для этого ли я растила дочь!» — убивается она. Но откуда матери знать?.. Сейчас не время об этом!.. Зизи из тысячи дорог выбрала одну, потому что это ее дорога, только ее! Единственная! У нее все данные актрисы, и почему она должна выбрать другой путь? Правда, она невысока ростом, зато стройна, хорошо сложена, красива. Она поет, танцует, декламирует... Что еще нужно актрисе?

Что еще нужно актрисе?! И правда, что же?..

Я не нашелся, что ответить, и предпочел промолчать. Мой театральный кругозор ограничивался десятком спектаклей, виденных мною до войны в Театре юного зрителя. Хотя раза два родители водили меня в Руставелевский театр. Разумеется, на дневной спектакль. Но в памяти у меня засел все-таки ТЮЗ. Сердцем овладевает грусть, похожая на приятную боль (если боль может быть приятной). На спектакль мы идем всем классом, рядом со мной — та, чья бли-

пальто, и я без промедления выполнил приказ Зизи: «Разведи огонь!» (Единственное, чему я научился, живя в деревне, это разжигать огонь! Хотя, говорят, и мотыжил я неплохо. Летом мы, ученики, мотыжили кукурузу и базилик). Жестяная печка вскоре загудела, и вокруг разлилось приятное тепло. Тем временем Зизи хлопотала по хозяйству — каждой вещи она сразу нашла место, затем водрузила на печку тяжелую закопченную чугунную кастрюлю и накрыла стол на двоих поближе к огню. Принесла из кладовой хлеб и соленья. После того как я развел огонь, делать мне стало нечего, и я, засунув руки в карманы, прошелся перед висевшими на стенах картинами и, наконец, бессмысленно уставился на великого родича учительницы Маро. Вспомнил, как Зизи проникновенно читала «Родину хевсура»¹...

— Вина выпьешь? — спросила вдруг Зизи.

Меня поразил ее тон: так только взрослые обращаются друг к другу.

Она хорошо знала, что я не пью. Не раз она слышала, как ребята подшучивали надо мной из-за этого. Я и не счел нужным ответить, решил, что и так ясно. Но это было не главное. Зизи как будто играла во взрослую и вынуждала играть меня. За этой показной игрой скрывалось нечто очень важное и для меня, и для нее. И правда, почему она сказала, что мать вернется поздно, неужели для того, чтобы вволю наестся лобio и запить его стаканом-другим вина? Зачем было секретничать и шептаться? Мне не раз приходилось обедать с Зизи в этом доме, и всегда с нами за столом сидела учительница Маро, которая щедро угощала нас...

Зизи поставила на стол кувшин с вином. Я, чтобы печка не остыла, подбросил еще дров.

— Ты сядешь сюда! — распорядилась хозяйка.

Я молча повиновался и сел на отведенный мне стул. Сел прочно, основательно, опершись обоими локтями о стол... Прямо перед собой, в слегка приоткрытую дверь, я увидел часть Зизиной комнаты. Постель была

¹ «Родина хевсура» — стихотворение Р. Эристави.

не убрана, видно, она, как встала утром, так ее и оставила. Там же, на стуле, висела небрежно брошенная ночная рубашка... Я отвел глаза и мельком посмотрел на Зизи — уж не поймала ли она мой взгляд. Зизи стояла у печки. Сняв крышку с кастрюли, она усердно мешала большой деревянной ложкой лобио, чтобы не пригорело.

— Потерпи еще немного, и я накормлю тебя, — сказала она.

— А ты сама есть не хочешь? — спросил я ее между прочим, ведь надо было о чем-то говорить.

— Очень хочу... Утром я поела плохо и после этого ни крошки не брала в рот... Сегодня у нас лобио.

— Я уже понял. По запаху.

— Лук поджарен на свином сале, — тут же уточнила она. — Моя мать вообще хорошо готовит. Давай тарелку!

Я протянул свою тарелку. Она наполнила ее до краев.

— Столько мне не съесть.

— Съешь, — успокоила она.

Некоторое время мы молча ели лобио, закусывая квашеной капустой — было очень вкусно. Зизи налила в граненые стаканы вино — прозрачное, темно-янтарного цвета. Я подумал: не умру же я от одного стакана, — и не воспротивился.

— Выпей, вкуснее будет есть.

— А ты?

— И я выпью... немного, — сказала она и чокнулась со мной. — За нас!

— За нас!

Я отпил глоток. Сказать по правде, мне понравилось. Понравился и вкус, и особенно аромат, хотя, наверное, одно от другого трудно отделить.

Я отпил еще и еще — до половины стакана.

— Ну как? — улыбнулась Зизи.

— По-моему, хорошее!

— Мы умеем делать вино, всем нравится.

— Да, прекрасное! — подтвердил я.

Вино дрожью разлилось по всему телу, приятно и легко опьяняя меня.

— Сколько захочешь, столько и выпей, — сказала Зизи и снова наполнила мой стакан, затем налила

себе. Она оказалась права, я с большим удовольствием принялся за лобio, потихоньку отпивая глоток за глотком. Опорожнив второй стакан, я сам налил себе и Зизи третий. Я был по-прежнему слегка пьян, как после первого стакана. Зизи сидела справа от меня, совсем близко, нас разделял только угол стола. Придумала это Зизи, и места она сама распределила... Умница она, я бы не додумался: и сидит она рядом, и голову мне не надо поворачивать. Я смотрю на нее в упор: шея белая, из-под блестящих волос виднеется маленькая мочка с дырочкой для сережек. Волосы зачесаны гладко и заплетены в толстую косу...

Опорожнив еще стакан, я отчетливо увидел, как потемнели ее светло-голубые глаза, как они сузились и стали печальнее. Мне же было весело и легко, я не чувствовал усталости, и удрученное сегодняшними впечатлениями сердце билось теперь спокойнее... Под столом, совсем близко я ощущал ее колени, и близость Зизи наполняла меня ощущением не испытанного ранее счастья и трепетом ожидания.

— Что ты собираешься делать, Озо? — спросила она неожиданно.

Будто чья-то невидимая рука дернула меня за рубашку. Я не сразу понял, что имела в виду Зизи, и, кажется, даже покраснел, поскольку в тот момент смотрел на ее белую шею и бог знает что думал и что собирался делать...

— Куда собираешься поступать, когда кончишь школу? — уточнила она.

— А-а-а... — с облегчением улыбнулся я и, не думая, ответил: — Не знаю.

— Как это не знаешь?!

Я говорил правду; я пока не знал, куда пойду учиться после школы! А сейчас я был не в состоянии решать, да и настроения не было. Мы оба чувствовали, что говорим не о самом главном, а так — о том о сем.

— Тебе-то что, у тебя в Тбилиси дом... А мне как быть...

— Живи у нас, — искренне предложил я, ибо в эти минуты такая перспектива казалась мне реальной.

— У вас? — поразились Зизи. Потом ее разобрал смех, и она долго от души смеялась.

— Какой же ты глупый, Озо!

— Почему я глупый?

— Не знаю, но глупый...

— Ну ладно, глупый так глупый! — согласился я безропотно.

В открытую дверь я вновь увидел неприбранную постель и снова отвернулся. Зизи внезапно перестала смеяться и загрустила. Отодвинула тарелку в сторону и, положив руки на стол, уставилась на стакан с вином. «А что будет, если я ее поцелую, — подумал я, — в щеку или в шею?! Осторожно... совсем слегка коснусь... или же расцелую ей руки». Но Зизи встала, сняла с печки кастрюлю, — мол, подгорела, — и вышла из комнаты. Я снова выпил до дна. Вино показалось мне некрепким и пилось с наслаждением, приводя меня в прекрасное расположение духа. Мне даже хотелось петь. На Зизи же оно, по-видимому, действовало иначе: она сникла и загрустила.

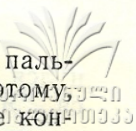
Зизи внесла дрова. Те, что были в комнате, когда мы пришли, огонь уже поглотил.

Я сижу и наблюдаю за действиями Зизи, за ее движениями. Подбросив дров в огонь, она повернула голову и слабо улыбнулась... То ли улыбнулась, то ли нет, но так чарующе на меня никто еще не смотрел. Действительно, она красавица! На свете, наверное, нет второй такой девочки.

Я встал, прошелся по комнате: вино не давало о себе знать, так, только слегка пьянило, совсем слегка... Я подхожу к печке, протягиваю вперед руки, как будто они у меня замерзли и я хочу их согреть.

И Зизи греет руки, и я... К раскаленной жестяной печи тянутся две пары рук, руки чуть ли не касаются друг друга, а мы стоим одурманенные, притихшие. Как будто ничего не происходит, ничего...

Печка раскалена до предела, мне так жарко, что я готов сорвать с себя одежду. Несмотря на это, я стою и грею руки. Что-то одурманивает меня сильнее, чем вино — то ли близость Зизи, то ли жар печки. У меня кружится голова, но я готов поступить так, как подсказывает мне мое сердце, сознание, тело, все мое существо! В то же время я скован, не смею коснуться

ее руки, что за чертовщина со мной происходит, пальцем не могу до нее дотронуться. Это, наверное, потому, что я еще ничего не сказал ей. Ни слова. В конце концов должен же я сказать ей, что люблю ее... что только ее люблю... И это будет правдой. Я люблю Зизи до безумия и удивляюсь, где я был до сих пор? Что так притупило мои чувства, что лишило меня дара речи?! Хотя и сейчас еще не поздно, я все ей скажу, признаюсь в сокровенном... Но прежде чем сказать, я ненадолго выйду во двор, пройду по свежему воздуху, соберусь с мыслями...

Я быстро вышел, обошел дом и наткнулся на дощатую «будку»... Возвращаясь обратно, я не спешил, шел медленно — довольный, счастливый. Я слегка спотыкался, но все же стоял на ногах твердо. Главное, я заранее был счастлив тем, что наконец-то все скажу. Во дворе я почему-то замешкался. Я вышел из комнаты в одной рубашке, но холода не чувствовал: наверное, домашнее тепло еще согревало меня... Внезапно я вспомнил Кариаули и рассердился на себя за то, что со мной обошлись так неучтиво. Почему я там же ему не ответил? Вот я собираюсь объясниться в любви девушке, а сам не в силах постоять за себя. Как, как я мог стерпеть такое оскорбление?! А что если бы при мне вот так оскорбили Зизи? Я и это бы проглотил и снес молча? Ничего, и сейчас еще не поздно пойти к Кариаули и сказать ему два-три крепких слова — пусть каждый знает свое место!

— Озо! — настиг меня у калитки голос Зизи. — Куда ты, Озо?

— Куда я?

Словно в тумане я увидел, что Зизи стоит в дверях дома и машет мне рукой — вернись. Видно, я долго был в гостях у Зизи, уже вечерело.

Я сразу повернул обратно, магический взмах руки из открытой двери погасил во мне пламя мести.

Зизи стояла у печки, задумчиво глядя на протянутые к огню руки. Я вошел, что-то напевая про себя и потирая руки, будто озяб на дворе. Зизи с улыбкой взглянула на меня, удивленная моим пением. Я дви-

нулся к печке, но ноги вдруг перестали меня слушаться... Я остановился, попробовал стать устойчивее.

— Замерз? — спросила она. — Иди, я согрею тебе руки. — Еще издали я покорно протянул ей обе руки, но как только попытался сделать шаг, колени подкосились, и я пошатнулся. Тут подоспела Зизи и поддержала меня, а то я чуть было не растянулся на полу... Я чувствовал, как Зизи приникла ко мне всем телом, в нос мне ударил знакомый, резкий запах румян и белил, и мне захотелось сказать: «Всю жизнь этот запах мучил меня, покою мне не давал, день и ночь звал меня, притягивал». Но язык не слушался, и я бормотал что-то невнятное. Зизи крепко поддерживала меня, не отпускала, куда-то тянула, уговаривала:

— Озо, присядь, дорогой! Присядь на стул... Не то упадешь, и я не смогу тебя поднять... Боже, как он пьян!

Я же в душе смеялся: с чего это я упаду, что меня свалит с ног... глупая девчонка эта Зизи...

Тут сознание мое помутилось. Дальше я ничего не помню.

4.

Я проснулся от головной боли, меня тошнило. В растерянности огляделся и был удивлен, что нахожусь в своей постели. Мне почудилось, что еще вечер: предметы в комнате можно было различить. С трудом попробовал я приподнять голову, но не смог — и бесильно повалился на подушку. Отчего так болит голова?.. Вдруг я вспомнил Зизи... обед, вино... и закрыл лицо руками. Меня аж пот прошиб — и я упал ничком на подушку. До какого-то момента я помнил все, а после — ничего. Я попробовал проникнуть в бездну памяти, нащупать, что же все-таки было потом? Почему я полностью отключился?.. Я сгорал со стыда, хоть и не знал, чего именно стыжусь. Наверное, того, о чем не помнил, что осталось в темноте подсознания...

Скрипнула дверь. Я опять приподнялся: в полуоткрытую дверь заглянула Анано, ее глаза цвета зеленого берилла смотрели на меня сочувственно. Наверное, она хочет узнать, не нужно ли мне чего. Увидев, что я проснулся, она улыбнулась и спросила:

— Как ты, Озо?

— Голова болит... ужасно!

— Вставай! Напою тебя мятным чаем — и все пройдет.

— Не могу встать. Может, если я засну, эта боль пройдет к утру.

— К утру? — Анано снова улыбнулась. — Так ведь уже рассвело!

— Рассвело? — я удивленно посмотрел в окно.

— А ты думал? Как в поговорке — новобрачная пасмурную погоду за утро приняла.

Ох, и не понравилась мне поговорка про новобрачную, даже дрожь по телу пробежала. Анано словами не бросалась. И «новобрачную» она упомянула, видно, неспроста. Поэтому я попробовал прощупать почву.

— Когда я вернулся? — как бы вскользь спросил я.

— Только-только стемнело — я лампу зажечь собиралась.

— Я один пришел или меня привели?

— Это я у тебя должна спросить.

— Наверное, один пришел... Кто бы меня привел?

— Не знаю. Ты, как бревно какое-то, стоял, прислоненный к дверям. А провожатых видно не было.

Это известие меня успокоило, я ненадолго почувствовал такое облегчение, что даже про головную боль забыл. Совсем не хотелось, чтобы Анано знала, где и в чьем обществе я вчера напился. Но облегчение оказалось, как я сказал, недолгим: когда мы сидели за столом и пили мятный чай, Анано, как бы невзначай подводя итог несостоявшемуся разговору, сказала:

— Они люди другой масти... — потом неожиданно спросила меня: — А ты как думаешь?

Конечно же, для Анано все было как на ладони. А я, дурак, думал что-то от нее скрыть. То ли миролюбивый тон, то ли спокойствие, которое она излучала, тому виною, — но казалось, что с Анано обо всем можно поговорить, даже тайну раскрыть не страшно. Она ничего не утверждала и оставляла за мной право на собственное мнение... А я — я выдохся и был подавлен.

Наверное, Анано думала вовлечь меня в разговор, но я как воды в рот набрал, и она поняла, что из меня

слова не вытянешь. После многозначительной паузы она продолжала сама...

Анано осторожно ходила вокруг да около, взвешивая, как мне казалось, каждое слово. Она постаралась разъяснить выражение «люди другой масти». «Не в обиду им будет сказано, наоборот, — говорила она, — дай-то бог и в горе, и в радости таких людей... Но они себе на уме, живут как хотят... и если уж что задумают, то ничем их не переубедишь».

Слова Анано меня удивили:

— Разве это плохо? — спросил я.

— Но и не хорошо!

Я не знал учительницу Маро настолько, чтобы хоть поверхностно судить о ней, но с Зизи-то я, так или иначе, дружил. А ведь правда, она вбила себе в голову, что хочет быть актрисой, и никто не смог ее ни отговорить, ни переубедить — даже мать. У меня возникло сомнение: что если это не каприз, а действительно цель всей жизни, которая движет ею и не дает ей покоя?

— Озо, я не хочу, чтобы ты слепо верил сказанному... Но прежде чем сделать шаг, как следует подумай, — Анано искоса, со значением взглянула на меня.

Я не выдержал и отвел взгляд.

— Зизи выросла у меня на глазах, и ее судьба мне не безразлична. Я люблю ее не меньше, чем других детей, но понять ее мне трудно, — Анано на некоторое время задумалась. — Озо, знаешь, почему у нас нет часов? Сколько мы ни покупали часов, твой отец все разбирал их, а собрать не мог... ни с кукушкой часы, ни обыкновенные, с гириями... Он приезжал из города, разбирал часы по частям, а собрать — ни в какую. А ведь говорил: тут и собирать нечего! Если бы деревня сама не окрестила его сумасшедшим, то мы с дедом никогда бы не проговорились... Видно, нам это на роду написано. Вот и я так разложу в душе характер человека и пытаюсь снова собрать. Только Зизи все время ускользает от меня, не поддается...

К тому времени я выпил уже два стакана мятного чая.

Я вроде бы слушал Анано с большим вниманием, но сам думал о другом: меня беспокоил финал вчерашнего дня, нашего с Зизи обеда. Цель Анано была мне

ясна: она всячески старалась доказать, что Зизи как жена мне не подходит. Ее аргументы я потом не раз вспоминал.

Головная боль почти прошла, меня больше не тошнило. Наверное, помог мятный чай. Но, несмотря на облегчение, я чувствовал себя опустошенным и разбитым. Голени горели ужасно. Еще в постели я почувствовал боль и осмотрел ноги: они сплошь были исцарапаны и ободраны в кровь. Где я мог так поцарапаться, где меня носило, хотел бы я знать? Зизи, наверное, все подробно расскажет, но сейчас мне не хотелось ее видеть, я боялся, что она сообщит нечто для меня унижительное. Меня и без того мучила совесть из-за вчерашнего моего поведения, которое было неискренним и лицемерным. Я не помнил, что сказал Зизи, но ведь хотел же я объясниться в несуществующей любви, притворившись правдивым и искренним. А Зизи с трепетом ожидала от меня чего-то для нее решающего.

— Может, и ты, как отец с часами, разобрала Зизин характер, а собрать не смогла? — спросил я у Анано.

— Не обижайся, Озо, твой отец умел только разбирать, и только часы... а я говорю совсем о другом.

Я надел пальто и вышел во двор, сделав вид, что иду в школу. На самом же деле я и не думал туда идти — не смог бы высидеть на уроках.

На дворе стояла безветренная пасмурная погода. Я приготовился к холоду, уткнул голову поглубже в ворот пальто, но вскоре убедился, что совсем не холодно. Наоборот, мне показалось, что даже тепло. Свисающие почти до земли черно-серые тучи обещали нескончаемый осенний дождь, но это ничуть не повлияло на мое настроение. Сейчас мне была безразлична и перемена погоды, и все вокруг, и проведенные здесь однообразные, отмеченные то отчаянием, то надеждой, но неизменно тоскливые дни.

Шагая по дороге, я вдруг почувствовал, что жить не могу без Тбилиси. Казалось, что именно это чувство гнало меня из дому. Поначалу я решил, что сам, как ребенок, придумал это неосуществимое желание. Но постепенно я пришел к убеждению, что это не дет-

ский каприз и не глупая прихоть. Тбилиси звал меня как живой... Этот зов, повторяю, я услышал, даже скорей почувствовал — неожиданно, и у меня так сильно застучало сердце, что казалось, вот-вот лопнет. Тбилиси я вспоминал часто и с тоскою, но сегодняшнее чувство было необычное. Оно, как вчера вино, понемногу пьянило и заманивало меня, а потом сразу ударило в голову и оглушило. Словно из лопнувших сосудов хлынула кровь — и остановить ее я не мог.

В этом смятении я старался все-таки разобраться, что же манило и влекло меня с такой силой... что звало?

Дом?..

Двор?..

Улица?..

Школа?..

Друзья?..

Или Кура?.. Кура, на берегу которой я вырос и с которой сроднился?

Может, за этим сильным и непонятым стремлением скрывалось желание бежать из деревни? Но от чего я бежал, что гнало меня отсюда?

В деревне мне жилось хорошо. Никто не знает, что бы со мной стало, останься я один в Тбилиси на четыре года. Лишь неблагодарный человек мог не понимать этого. Я прекрасно знал и остро переживал все, что творилось на свете. Не думайте, что маленькую деревушку, укрывшуюся за огромным Кавказским хребтом, обошла военная беда, принесшая человечеству столько несчастий. Конечно, испепеляющий пожар войны не коснулся этой земли непосредственно, он ударил по другой — по северной стороне Кавказа, но яростные раскаты, гул и грохот доносились и до нас.

И этот ужас отхлынул не сам по себе, а повлек за собой жизни миллионов. Среди жертв войны было двести жителей нашей маленькой деревни. Деревня отдала все, что могла, и сейчас со слезами надежды, с печальной и скорбной радостью ждала конца четырехлетних мучений.

Вместе с деревней ждал и я... и твердо знал, что именно здесь, в нашей деревне, должен встретить этот день. По-другому я себе этого и не представлял. Ведь и отец надеялся застать меня там, где оставил. Перед

уходом на войну он сказал мне: если вернусь, то — сюда. И в редких письмах, которые мы получали от него с фронта, он молил Анано лишь об одном — сохрани мне парня целым и невредимым, а остальное — за мной. Так что я понимал: уезжать мне отсюда нельзя. Но разум — одно дело, а душевные порывы — другое.

Я хотел в Тбилиси. «Хотел» — это слабо сказано и ни в коей мере не выражает того волнения, которое сотрясало меня изнутри лихорадкой нетерпения и толкало навстречу прошлому. Казалось, что если я немедленно не окажусь в городе, то или Тбилиси рухнет, или я умру.

Я быстро шагал, будто торопясь по делу. Свернув с дороги, ведущей к школе, я окольными путями выбрался из деревни. Трудно пройти деревню, ни на кого не наткнувшись, но на сей раз мне повезло: никто из близких не встретился. Правда, кое с кем я поздоровался — в деревне принято здороваться даже с совсем незнакомыми людьми.

Пока я не знал, куда иду и зачем. Я стремился лишь к одному — уйти отсюда поскорее, чтобы потом спокойно разработать план, который не сегодня-завтра поможет мне попасть в Тбилиси. Мне нужно было все взвесить, заранее предусмотрев возможные трудности или препятствия.

Из деревни я вышел прямо на вспаханное поле и свернул вправо, в сторону шоссе. Идти было очень тяжело, но пути назад уже не было. Внезапно я ощутил в себе заряд, который был сильнее, нежели сознание и воля, и который без слов заставлял меня идти по развороченной земле к определенной цели.

Я шел бесконечно долго, ноги проваливались в глубокую борозду, я спотыкался, даже падал, с трудом подымался и снова шел, шел, шел. Тот, кому приходилось ходить по вспаханному полю, знает, что это такое. Я торопился. Над Кахети нависли дождевые тучи, и если бы сейчас хлынул дождь, то я бы уже не смог выбраться — увяз бы по пояс в грязи.

Прямо передо мной взлетела стая ворон и с карканьем скрылась за моей спиной.

Я упрямо продвигался вперед — пашне не было

видно конца. Я решил, что сбился с пути, остановился и огляделся вокруг: пройдено уже много, возвращаться назад бессмысленно. Если бы я сдуру не забрел на пашню, а шел бы по-человечески вдоль деревенской оклицы, то уже наверняка вышел бы на шоссе. И время бы выиграл, и не устал бы безбожно.

Потеряв всякую надежду выбраться, я вдруг увидел метрах в ста от себя ползущую в сторону деревни арбу. Наверное, матросы Колумба меньше радовались появлению берега, чем я этой арбе... Я, чувствуя себя так, словно вышел из морской пучины, усталый и измученный, присел перевести дух на обочине. Видно, сказывалось и похмелье: меня опять тошнило и голова разламывалась. Я скинул старые башмаки, высыпал из них комья земли, снова надел... Еле-еле поднялся и по инерции продолжал путь. Я знал, что стоит миновать маленький подъем, и за холмом откроется Алазанская долина. А дальше уже — спуск.

Ага, вот и Алазанская долина!

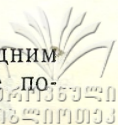
Не помню, сколько раз мне приходилось смотреть на это диво именно отсюда, с этой точки. Другой дорогой я к Алазани не ходил.

Мне не приходилось видеть Алазани дважды одинаковой. Она каждый раз выглядела по-новому, но всегда вызывала прежний восторг и тот же возглас:

— А-а-ах!

День тяжелый и пасмурный, Кавказских гор не видно... Тучи придавили всю землю Кахети, сравняли горы и долины. Даже не верится, что за этой долиной взметнулись ввысь горы-великаны, которые в солнечную погоду придают дрожащему в прозрачно-розовом тумане пространству сказочный облик. Сейчас все это низко, серо и однообразно, земля являет собой как бы отражение неба. Лишь вдалеке, слева, свечой горит белый храм Алаверди, и по всей длине то тут, то там поблескивает Алазани.

Я родился и вырос в Тбилиси, в старинном квартале Чугурети, протянувшемся вдоль берега Куры от бывшего Воронцовского до Мухранского моста. Это страна моего детства, здесь еще сохранились дома с нависающими над Курой балконами, речные мельницы, уютные дворики, узкие улочки, переулки, тупики, маленькие лавки и духаны, хлебопекарни и винные по-

гребя, кузницы и красильни. Наш квартал был одним из хранителей и почитателей старины, давно уже повсюду забытой...

Мне все казалось, что меня не увезли из этого мира, а насильно вырвали и выбросили вон. В детстве я не раз чувствовал: не смогу прожить без Тбилиси, вернее, без своего квартала, и, больше всего, без Куры. Особенно это ощущалось летом, когда родные увозили меня из города на дачу. Проходило немного времени, и меня охватывала тоска по нашему кварталу, по реке, на берегу которой я вырос и с которой так сроднился, что мне бывало не по себе без ее рокота. Шум Куры был для меня и тишиной, и уютом.

Помню, в нашем доме почти не переводились гости: они приходили к обеду, к ужину или просто — выпить чаю с вареньем, отвести душу, поболтать.

И часто в вечерней тишине, услышав доносящийся снаружи звук, похожий на шум дождя, гость удивленно восклицал:

— Что, дождь пошел?!

— Нет, это Кура шумит, — спокойно отвечала мать и с извиняющейся улыбкой успокаивала не готовых к дождю, легко одетых гостей, которым передавался испуг того, кто первым этот шум услышал.

Так повторялось всегда, был ли гость у нас впервые или много раз. Старое впечатление забывалось, и вновь звучал тревожный вопрос:

— Что, дождь пошел?!

— Нет, это Кура шумит, — успокаивала мать и чуть заметно улыбалась.

— Ах, Кура! — восклицал кто-то из гостей, уже несколько раз введенный этим шумом в заблуждение, причем ехидно добавлял: — Хотя да, все время забываю, ведь вы живете на берегу реки... как в деревне.

Тогда мне казалось, что все деревни на свете стоят на берегу реки. Наверное, я не до конца понимал иронию гостя, да и не интересовался, в кого она метила. Мне нравилось, когда гость ошибался и принимал рокот Куры за шум дождя. Я напрягал слух и слышал, будто впервые, прекрасный голос реки. Потом я вы-

ходил на балкон и в сумерках смотрел на волны, пока эти звуки не оказывались за пределами моего слуха.

С годами, постепенно я приручил Куру, заставил ее покориться. Если бы не мать, я мог целыми днями, с утра до ночи, пропадать на берегу Куры, о еде даже не вспоминая — будь на то моя воля, я и в школу бы не ходил. До сих пор не могу объяснить этой одержимости. Возвратясь с улицы во двор, я первым делом бежал взглянуть на реку и при этом так волновался, будто ее могло не оказаться на месте.

Я наблюдал за течением Куры, запоминал ее характер, нрав, цвет, облик. Я постоянно вертелся среди лодочников, рыболовов и мельников, слушая их разговоры и наслаждаясь толками о Куру. Кура часто меняла цвет, и я, еще ребенком, знал причины этих перемен. Если вода в реке была желтовато-бурая, это значило, что в Боржомском ущелье или дальше, в тогда еще нереальной для меня Месхети, шли дожди, а если она катила мутные темные волны, то виной этому была Арагви — дожди шли в Арагвском ущелье.

...Сбежав из деревни, я сижу на придорожном склоне и смотрю на Алазанскую долину.

Алазани протекала довольно далеко от нашей деревни, но несмотря на это, я вместе с деревенскими ребятами часто ходил сюда на рыбалку или купаться. Мы ходили именно этой дорогой, и всякий раз, когда я смотрел отсюда на реку, сердце у меня начинало сильно биться от волнения. Однако вблизи неровные берега с прекрасными рощами почему-то волновали меня меньше. Я не мог привыкнуть и освоиться, я даже побаивался ее, словно она, принадлежа кому-то другому, от меня ускользала... К горлу подступает комок, и вдруг меня охватывает печаль разлуки...

Я поднялся на ноги, отряхнул одежду, поднял воротник пальто и пустился в путь, как вдруг услышал знакомый голос и застыл на месте.

— Озо!

Ну конечно, это Анано!

Услышав голос Анано, я сразу понял: мой сегодняшний план сорвался, и отъезд в Тбилиси откладывается надолго. У меня мелькнула мысль убежать, я подумал было, что Анано меня все равно не догонит,

но, оглянувшись назад, я увидел усталое, измученное лицо, обращенные ко мне цвета зеленого берилла глаза, и колени мои подкосились — я рухнул на землю.

Стоя шагах в десяти, в накинутой на голову шали, она молча смотрела на меня сверху. Может, она была не в состоянии говорить, не знаю. Но какое-то время мы стояли, словно застыв в неподвижности, я — на коленях, а она передо мной. В этой тишине я всем существом ощутил, что Анано явилась мне во спасение, поскольку мой душевный порыв шел вразрез с физическими силами.

— Ты что, не можешь встать? — спросила меня Анано.

— Сейчас! — коротко бросил я и приподнялся.

— Осилишь этот подъем или помочь?

— Осилю.

Анано повернулась и скрылась из виду. Мне и вправду трудно было одолеть маленький подъем — ноги ныли, я весь отяжелел. Кое-как справившись с подъемом, я увидел: по ведущей к деревне прямой и, как мне казалось, бесконечной дороге шла Анано с опущенной головой; она шла не спеша, ступая осторожно, будто ожидая, когда я ее догоню...

С тех пор много воды утекло, но я и поныне не могу забыть унылую дорогу, по которой молча бредут двое: Анано — в трех шагах впереди, а я послушно, словно теленок на привязи, плетусь за ней. Не могу забыть, как именно в тот день шедшая впереди меня женщина в накинутой на голову шали впервые дала мне почувствовать, что я, легко судящий о чужом поведении юнец, не умею разделить боль и скорбь даже близкого мне человека. Я заранее знал, что Анано не станет расспрашивать о причинах побега и ругать меня за безрассудство, но что-нибудь она обязательно скажет, как бы невзначай, спокойно, даже с улыбкой. И сказанное будет горше и больнее, чем любой упрек.

Так оно и было.

Я уже сказал, что, оглянувшись, увидел усталое и измученное лицо Анано и потом, следуя за ней по пятам, ощущал угрызения совести... И правда, за что, по какому праву я причинил этой женщине столько

боли? Разве мало того, что она кормит и одевает меня, ухаживает за мной, так нет же, я доставляю ей новые хлопоты, она еще должна бегать за мной по пятам, чтобы я не натворил глупостей. В душе я решил, что больше не обижу Анано подобным легкомыслием, но она прервала мое самобичевание.

— Озо, — повернулась она ко мне и улыбнулась, а затем, как бы шутя, сказала: — Ты меня хотел покинуть в такую минуту, мой мальчик?!

Хорошо, что она отвернулась и пошла дальше, не видя, как я зарделся. Разумеется, я сразу вспомнил вчерашнее утро, погруженную в горькие мысли Анано и ту страшную боль, которую она осторожно мне открыла. Еще я вспомнил, как, возвращаясь от Кариаули, оказался в полутемной церкви. Ведь там, у алтаря, стояла перед зажженной свечой Анано. Видно, ее боль была острее, чем я думал. А я-то провел весь день и вечер в беззаботных забавах, ни разу не вспомнив ни Анано, ни Сабу.

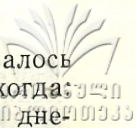
Может, я не был пока готов к сочувствию, не знал, как его выражают, что делать, как себя вести? Когда я заглянул внутрь себя, то осознал, что по-настоящему меня горе Анано не печалило. Будто я до конца не понял, кто такой Саба и какие у него были отношения с Анано. То, что я подозревал, не вызывало у меня сочувствия, а наоборот, раздражало.

Но ведь Анано-то мучилась.

И даже не это было главное. Анано доверила мне тайну, которую никому на свете не открывала, видимо, решив, что я именно тот, перед кем можно обнажить скрытую боль... Одним словом, она сочла меня личностью и доверилась мне. Наверное, она и не ждала от меня утешения, хотела только, чтобы я был рядом, как родная душа, с которой она может поделиться.

5.

Анано внесла жестяную печку ко мне в комнату. Комната была маленькая, и дров уходило меньше. Тут мы завтракали, тут же обедали и ужинали. Когда наступало время ложиться спать, Анано уходила в большую комнату, я же оставался один и еще долго читал

книгу или журнал, готовил уроки. Книги мне удавалось читать только зимой, в остальное время было некогда: с ранней весны и до конца лета мы, школьники, дневали и ночевали на колхозных полях — мотыжили, полли, ухаживали за лозой и, возвращаясь лишь поздно вечером домой, с грехом пополам справлялись с уроками.

И вот наступила унылая и однообразная зимняя пора... Придя из школы, я сажусь за уроки, читаю сотни раз прочитанные книги, листаю старые журналы, причем без всякого интереса, потому что все книги и журналы знаю наизусть. В моей комнате тепло, и Анано крутится здесь целый день, то вяжет, то гладит, то штопает старые носки. Она не требует от меня никакого внимания и утешения. Довольная уже тем, что я сижу дома, она хлопочет и заботится обо мне... и ничего ей на свете больше не нужно. Лишь бы, вернувшись с войны, ее брат застал своего сына целым и невредимым! Но надо быть бесчувственным слепцом, чтобы не заметить перемены, происшедшей в ней за короткое время. Анано и раньше была не очень разговорчивой, но последние две-три недели она стала еще более замкнутой и угрюмой. Порой, с жалостью глядя на нее, я думал — если так будет продолжаться, она и до весны не протянет. Раза два я попытался ее развлечь, вспомнил какую-то, на мой взгляд, смешную историю из детских тбилисских воспоминаний. Она не отозвалась, не заинтересовалась. Я даже не понял — слушала она мой рассказ или нет. А я, как дурак, смеялся вовсю. Настроение мое портилось, ее молчание действовало удручающе, и я уходил в себя.

Тогда, все бросив и сорвавшись, я не знал, от чего бегу, но сейчас, если убегу, то уже буду знать от чего... Я не могу выдержать заполонившего все вокруг молчания — оно обволакивает меня вместе с Анано оболочкой, из которой не вырваться.

Может, поэтому я решил разрядить мертвое молчание воспоминаниями о Зизи, о ее близости и мысленными беседами с ней нарушить эту тишину, которая удручала меня, постепенно расширяя и углубляя трещину, возникшую в наших с Анано отношениях. По

вечерам думы о Зизи и о близости с ней стали для меня потребностью, и я был почти уверен, что люблю ее. То, что произошло со мной в тот вечер, было не таким постыдным, как мне показалось сначала — из-за чего я краснел и терзался. Единственное, это то, что я нанес непоправимый ущерб двору учительницы Маро, спяна истоптав розовый куст. «Будто стадо коров прошло», — сказала Зизи. Правда, и ноги я себе здорово исцарапал, они у меня долго горели. Через три дня обо всей этой истории уже никто не помнил. А то, что теперь неожиданно возродилось во мне, я от Анано скрывал, хорошо зная ее отношение к Зизи и к их семье. Делая вид, что погружен в чтение книг, я тем временем мысленно усаживал Зизи рядом с собой и разговаривал, спорил с ней, шептал ей тысячи глупостей, что-то доказывал... В один из таких вечеров мне пришла в голову мысль, что я — полное ничтожество: заканчиваю десятый класс, среднюю школу и понятия не имею, что буду делать потом, чего хочу. Зизи знала, чего хочет: она свой путь выбрала, я — нет. Она ясно представляла себе цель, путь к которой не могло преградить ничто. Я же не знал, где продолжать учебу и вообще хочу ли я учиться дальше? Зизи раза два как бы вскользь спросила — о чем ты думаешь, что собираешься делать? Но я отмалчивался, так как не мог ответить на этот вопрос хотя бы потому, что никогда до сих пор над ним не задумывался. Тем временем Зизи шла вперед и ничто ей не препятствовало: она заучивала наизусть стихи, рассказы, монологи, устраивала в школе театрализованные вечера, боролась, действовала... одним словом, поражала всех своей неутомимой энергией и талантом.

А я, сидя по вечерам в своей комнате вместе с Анано, вновь думал о Зизи и о завтрашней встрече с ней. По дороге в школу Зизи непременно должна была пройти мимо моего дома. Утром я поджидал ее и мы вместе шли до школы, а часто по дороге уславливались о том, чтобы и обратно идти вместе. Все это — в мыслях...

На такую чушь я тратил время. Зачем было столько думать и готовиться? Во-первых, Зизи не пряталась от меня и не избегала меня, наоборот, даже старалась

34935920
10033

все время быть поблизости. Во-вторых, встречаться нам никто не запрещал...

Непонятно было другое: как только утром я видел из окна идущую в школу Зизи, у меня тут же пропадало всякое желание с ней встречаться. То же самое в школе — я шел на всевозможные ухищрения, чтобы на перемене не натолкнуться на Зизи и после уроков идти домой без нее. Но вечером, когда Анано садилась рукодельничать, а я будто бы склонялся над уроками, мечты о Зизи вновь завладевали мною: я видел ее улыбку, лицо, движения, слышал ее голос, ощущал запах... А на другой день все, что волновало и притягивало меня прошлым вечером, опять улетучивалось — прекраснейшая гармония исчезала.

В один из таких вечеров я собрался себя испытать: не дожидаясь рассвета, решил увидаться с Зизи. Невозможно, чтобы за десять минут, пока я буду добираться до дома учительницы Маро, остыло то чувство, которое весь вечер владело мною. Я ведь рвался к Зизи. Что ж, вот тебе и Зизи! Нужно всего несколько минут, ни больше ни меньше, чтобы дойти до ее дома. Не откладывая до завтра, до завтра еще далеко.

Анано я сказал, что забыл узнать задание по алгебре, мол, сбегаю к Зизи и узнаю. Накинув пальто, я так быстро выскочил наружу, словно спасался от опасности. На дворе навалило снега, ноги у меня скользили. В темноте я с трудом нашел дорогу до калитки. У калитки я задержался, так как понял... точнее, я понял, и потому остановился... Никуда я не пойду. Это не было ни робостью, ни малодушием. У меня пропало желание идти к Зизи, сейчас я не мог ни видеть, ни слышать ее. Причина оставалась неясной. Хотя я и не старался разобраться в ней, поскольку весь был во власти порывов: «хочу — не хочу».

Я тотчас же вернулся. Не помню, переглянулись ли мы с Анано, когда я выходил из дому. Не могла ли она догадаться по моему лицу, что я вру? Но у самой Анано на лице ничего нельзя было прочесть. Я долго вытирал ноги, отряхивал ботинки, потом с деловым видом зашел в комнату и бросил пальто на тахту.

— Вернулся? — спросила Анано. — Или еще не ходил?

— Не ходил. Вспомнил задание по дороге, — придумал я правдоподобную версию.

— Конечно, если по дороге вспомнил, то идти незачем.

Анано была поглощена делом и не поднимала головы. Второй день она вязала мне носки.

— Алгебра — предмет сложный, — сказал я, листая учебник, — но ничего...

— Да, сложный... но если с самого начала в ней разобраться, то потом будет нетрудно. Если тебе трудно, я помогу, кое-что помню.

Наш алгебраический диалог на этом закончился. Тем временем снаружи кто-то позвал Анано.

— Это почтальон! — воскликнула она и бросилась к двери.

Почтальон ни в какую не согласился зайти в дом и отведать угощения: мол, не вы одни, мне еще в тысяче мест нужно побывать. Он с порога протянул треугольный конверт и ворча ушел, исчез в темноте. Наш почтальон был угрюмым стариком, но все в деревне его любили, уважали и с замиранием сердца ждали его появления.

— От отца письмо! — сказала Анано. — Открой и прочти.

Мы быстро уселись за стол. Я отодвинул в сторону свои книги, придвинул поближе тускло светящую лампу и осторожно вскрыл треугольный конверт. Из письма буквально вырвалось пламя задора и оптимизма. Что за человек мой отец! Он утешал и подбадривал нас, вселял в нас терпение, надежду и радость. Мне даже стало казаться, что если бы не мой отец, то победить врага было бы куда труднее. Он писал, что к весне все кончится и он вернется, а потом — дело за ним.

— Видишь, какой он! — сказала Анано. — Такого отца, как у тебя, ни у кого нет.

Анано сразу преобразилась. Я давно не видел ее улыбающейся, а сейчас она не могла скрыть внутреннего волнения и радости — они отражались на ее лице, в глазах. У меня тоже камень свалился с души и я, счастливый, смотрел на хлопоты Анано. Она сразу

приготовила ужин, поставила на стол кувшин с вином. При виде мокрого кувшина меня чуть не стошнило — в комнате сразу запахло терпким запахом марани. Анано наскоро поджарила на печке яичницу и поставила прямо передо мной сковородку. Поджаренная на свином сале яичница распространяла совсем другой, аппетитный аромат, не то что вино, и мы приступили к еде. Сыр, хлеб, яичница — королевский ужин!

Анано налила вино в маленький стаканчик для водки, произнесла тост за моего отца, за то, чтобы он вернулся с миром и победой, за сегодняшнюю радость, и опорожнила стакан.

— Отпей хоть немного, — обратилась она ко мне, — это ведь тост за твоего отца!

— Не могу, от одного вида воротит!

— А ты как думал, с первого раза захотел кувшинами пить. К вину нужно привыкать постепенно, понемногу, с ним шутки плохи. Вино, как лекарство, и друг, и враг. Как с ним обойдешься, так оно и ответит... Но сейчас выпей, иначе нельзя. Немного не повредит, и уснешь хорошо.

Что поделаешь, я не мог обидеть Анано и отпил несколько глотков, стараясь не вдыхать запаха. Я думал, что меня будет тошнить, однако вино приятно разлилось по телу. Анано опять наполнила стаканы, и я уже заранее знал, что она скажет.

В ту пору, да и на протяжении многих лет потом, тост за павших на войне был обязательным. Даже если пилось всего три стакана, один тост непременно произносился за павших. Тост этот ввела и узаконила сама жизнь, и он стал внутренней потребностью людей.

Анано помянула павших, конечно, подразумевая Сабу. Она сразу сникла, и ее живые берилловые глаза застлал туман пепельного цвета. А это значило, что недавняя радость прошла. Я выпил за павших молча, всем своим видом показывая Анано, что душою я с ней. Анано взглянула на меня и в знак благодарности наклонила голову, пообещав: расскажу тебе одну старую историю. Я слушать больше ничего не хотел, ибо радость, вызванная письмом отца, уже улетучилась. Одним словом, праздника у нас с Анано не получилось.

Между нами вновь встала тень Сабы, которая сразу отбросила нас на два противоположных берега.

Пока я думал о своем, Анано начала рассказывать обещанную историю. Поначалу я не разобрался, но потом понял, что речь шла о некоем Иотаме, крепком семидесятилетнем пастухе, который жил в одном из кизикских селений. В Нислаури... Биография Иотама интересовала меня мало, я все ждал, когда Анано заговорит про Сабу. Но она продолжала рассказывать об этом пастухе, у которого, оказывается, было тысяч пять овец. Мне сначала не понравился Иотам: я подумал — человек, у которого столько овец, не может быть порядочным. Анано же убеждала меня в другом: оказывается, он слыл человеком умным, честным и трудолюбивым, оказывается, тем, кто шел к нему в пастухи, он через два года выделял от стада до ста голов...

История звучала как сказка, в душе я над всем этим смеялся. Да и само словцо «оказывается» делало всю историю нереальной, вымышленной.

Не поверил я и тому, что, оказывается, Иотам был одержим идеей — возродить и обогатить сначала родной Кизики, а потом и всю Кахети. Источником же будущего богатства он, оказывается, считал разведение овец тушинской породы.

Опять это «оказывается»!

Когда началась коллективизация, в деревню прислали некоего Барнабишвили, который, как говорили, хорошо знал свое дело. Он сразу же принялся хозяйничать. Создал колхоз, стал председательствовать. Потом он порасспросил людей, и его наметанный глаз обратился на Иотама. Он поразился: по какому праву один человек держит столько овец?!

— Никто меня не ограничивал, — объяснил Иотам. — Вот я и разводил этих овец на благо села. Ежели в чем виноват, то вот он я, никуда не убегаю!

— С сегодняшнего дня эти овцы будут собственностью села и народа, — отрезал Барнабишвили.

— Пусть так, воля ваша! Я этого и хочу. Одному мне не справиться с такой отарой.

— Не хитри, Иотам, меня не проведешь! Нет у тебя другого выхода, вот и прикидываешься. А на самом деле ты кулак и частный собственник!

— Что ты ко мне привязался, я же отдаю! И за-

гоны для овец в Шираки и Мта-Тушети пусть будут ваши! Чего вам еще? И я буду с вами. Дело я знаю, пригожусь вам, ей-богу!

— Не проведешь, Иотам! — надрывался Барнабишвили.— У кого по сто, по двести овец, и тех в колхоз не загонишь, а ты-то чего ангелом прикидываешься? Пять тысяч голов хочешь выбросить?! Так я и поверил!

— Почему выбросить, а не сдать? Я пастух, умею с овцами обращаться, вот и используйте меня!

— Наша мельница так не мелет, Иотам, — сказал Барнабишвили. — Ты пиявка, и мы от тебя должны отделаться. Пока ты будешь вертеться в этой деревне, ты и овец своими будешь считать. И для тебя, и для дела, и для села лучше, если ты заберешь свои пожитки и уберешься куда подальше.

— Куда мне идти?

— Куда хочешь, мир велик!

— Что я потерял в другом месте! Мои предки здесь жили, здесь и умерли... Здесь их могилы, их земля... Куда мне идти, бога, что ли, нет больше?!

— Нет бога! Не понял?

— И не пойму! Как это понять можно? Прогоняешь меня, безбожник этакий?

— Не прогоняю, Иотам. Говорю, подобра-поздорову собирай пожитки. Не то сами прогоним. Сначала раскулачим, ославим на весь свет, а потом вон вышвырнем.

— Почему ты так нагло со мной разговариваешь. Барнабишвили? Ты ведь мальчишка передо мной, не подобает тебе так! Кому я помешал? Я думал, что делаю добро... а все против меня обернулось.

— Таково решение Советской власти.

— Советской власти или твое?

— Я — представитель власти!

— Это ты-то власть?! — вконец возмутился Иотам. — Такой подлец, как ты, властью быть не может!

Иотам много еще наговорил крепких слов, даже рвался побить Барнабишвили, но тот был не один, и Иотама не подпустили к нему, удержали. Барнабишвили и бровью не повел.

— Уйдешь по собственной воле или нет?

— Уйдет, уйдет, куда денется! — успокоили Барнабишвили его прихлебатели.

— Иотам, хоть семью пожалей! — было последнее предупреждение Барнабишвили. — Вместе с семьей тебя сгноим.

Иотам понял, что Барнабишвили не шутит: он угрожал и был в силах угрозу исполнить. И подумал Иотам, что лучше уж уйти по доброй воле, чем силой. Он отвел Барнабишвили в сторону и сказал:

— На что вам моя семья, разве меня мало?

У Иотама был единственный восемнадцатилетний сын. Он был поздним ребенком, и родители его холили-лелеяли, нарадоваться не могли.

— Если будешь вести себя с умом, то твою семью никто и пальцем не тронет.

— Как это, с умом?

— Что я скажу, то и делай... То, что здесь произошло, здесь же должно умереть!

— Как это? Ты сюда целый батальон привел — как ты их заставишь молчать?

— Это не твоя забота: они не проговорятся.

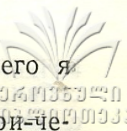
— А твоему слову верить можно?

— Я свое слово сдержу.

На этом разговор их окончился. Иотам тут же сел на лошадь и поскакал по направлению к деревне.

— Это произошло ранней весной, — продолжала Анано. — Я забыла сказать, что в то время Иотам возвратился с Шираки, с зимних пастбищ, и готовился двинуть отары в горы. В Шираки он сказал пастухам, что вернется через неделю, и по дороге, у Алазани, встретил Барнабишвили с его людьми, там они все и решили. Дома Иотама ждал сын: отец с сыном должны были вместе ехать сначала в Шираки, а оттуда — в Мта-Тушети. Иотам ничем не выдал дома своей озабоченности, на третий день оседлал коня, наполнил на дорогу хурджин, обронив только, что едет по делу... Уехал и уехал, с того дня Иотама в деревне не видели. Его искали, все кругом обшарили, но понапрасну: Иотам пропал, как сквозь землю провалился.

Анано задумалась, на некоторое время замолкла. Я перевел дух. По выражению ее лица я понял, что рассказ еще не кончается. Воспользовавшись паузой, я стал гадать, зачем Анано рассказывает мне эту историю. Вне-

запно у меня возникло сомнение, но разрешить его я не успел — Анано продолжила рассказ.

После исчезновения Иотама прошло года три-четыре, а может, и больше. Сколько лет нужно, чтобы забыть человека? Про Иотама вспоминали изредка: бедняга, хороший был человек, добрый... не вынес горя, когда овец у него отняли, мир праху... Только в Шираки загоны для овец все еще носили его имя. Но если у одного из пастухов и срывалось с языка, что, мол, в Иотамовом загоне стоим, то звучало это так, будто Иотам жил в незапамятные времена.

Итак, прошло три или четыре года. Была ранняя весна, пастухи снимались с ширакских полей, шли в горы. Весь день они укладывали поклажу, сгоняли овец и собак. Собирались отправляться наутро. Вечером, уставшие, развели они перед стоянкой костер. Эти стоянки, сложенные из камня, построил когда-то Иотам, чтобы пастухи могли переночевать, укрывшись от дождя и непогоды.

...Пастухи сидят теперь вокруг костра, поставив на огонь котел для хинкали, ждут, пока вскипит вода. Перед дорогой решили они кутнуть. Здесь же лежат собаки, они уже получили свою похлебку и лениво дремлют.

Вокруг огромное поле, уныло и однообразно растянувшееся почти до горизонта. Весна тут пока еще не видна, поле все ржавого цвета, местами почерневшее, будто по нему прошло огненное колесо — вырвало всю сухую траву и в спешке, что успело, на корню сожгло.

Слева горизонт кажется ближе: с этой стороны поле идет под уклон, в трехстах шагах от стоянки пастухов постепенно опускается и потом опять выравнивается... Идущий с этой стороны путник появляется на поле неожиданно, как бы вырастая из-под земли.

В тот вечер именно отсюда показался странник с палкой в руке. Первыми его заметили собаки, подняли лай, но незнакомец не остановился, даже шагу не сбавил. Он напрямик шел к стоянке. Собаки залились яростным лаем, как бы предупреждая незнакомца — еще шаг, и мы на тебя набросимся. Пастухи сразу же

почуяли опасность, вскочили на ноги, прикрикнули на собак, велели лежать. Но псы не послушались хозяев, с лаем и рычанием сорвались навстречу незнакомому путнику.

Пастухи с палками погнались за разъяренными овчарками, но где было угнаться за ними! Издали пастухи заметили, что незнакомец — нищий седой старик с бородой, в старой шинели. Пастухи с отчаянием закричали ему, стараясь перекрыть лай и визг собак: «Садись, садись, не подходи!» (Я тоже слышал, что сидящего человека собаки не тронут). Нищий не оттаивался, опираясь на палку, он упрямо шел вперед... «Наверное, надеется на свою палку, — подумали пастухи, — и не знает, несчастный, что они его вместе с палкой сожрут». Старик даже не пробовал замахать. «Если он и слепой, то по крайней мере не глухой же, — сокрушались пастухи, — неужели не слышит лая?!»

Десять псов одновременно набросились на старика, подмяли его под себя, стали рвать и трепать. Пастухи прибавили ходу — может, еще успеем и спасем несчастного, — потом запыхавшиеся, все в поту, палками стали разгонять разъяренных псов.

Но приблизившись, они не поверили собственным глазам: уж не сон ли это? На земле и правда происходило нечто удивительное: сбившиеся в кучу собаки жалобно скулили, лизали лицо и руки лежащего на земле старика, несколько овчарок растянулись рядом, положив лохматые головы ему на одежду, другие по-собачьи ластились к нему. Старик лежал с блаженным выражением на лице и дрожащими, огрубелыми руками цеплялся за собак, гладил их...

Это был Иотам, пастухи узнали его и теперь с удивлением наблюдали странное зрелище. Как видно, овчарки сразу узнали бывшего своего хозяина и, выражая свою радость, повалили его наземь.

Пастухи окриками и угрозами с трудом отогнали собак от их прежнего хозяина, помогли ему подняться, отряхнули пыль с одежды, подняли с земли его пустую суму и повели к стоянке. «Узнали, а, узнали!» — твердил по дороге Иотам и утирал рукой слезы.

Приблизившись к костру, он стал разглядывать коней: сделал несколько несмелых шагов в их сто-

рону, улыбаясь постоял, оглянулся и подошел к коням вплотную.

— Сагара! Нисла! Шамиль! — шептал старик, разглядывая и узнавая коней. — Шетэ! Шальной, ты все такой же отчаянный или поумнел?

— Отчаянный! Разве он поумнеет? — отвечали пастухи, не глядя старику в глаза. А некоторые даже отворачивались.

— Эй, Мирабо! — узнал Иотам черного коня, на лбу которого отпечаталась белая луна. — Мирабо, хайт, Мирабо!

Мирабо наострил красивые черные уши, встряхнул головой и ответил Иотаму ржанием.

— Мирабо!

Конь опять заржал.

— Мирабо! Ты жив, жив!

За Мирабо последовали и другие кони, почти весь табун заржал: повернувшись к Иотаму, кони били копытами и поднимались на дыбы...

Иотам воздел обе руки к небу и рухнул на землю.

— Будь благословен господь, да святится имя его! — прошептал он и еле-еле поднялся на ноги.

За это время пастухи успели вынуть из котла хинкали, забить и освежевать овцу, приготовить мясо для шашлыка и для каурмы...

А Иотам сидел у костра на покрытом овечьей шкурой седле, руки его покоились на коленях, он смотрел на огонь. Вокруг него сидели, завернувшись в тулупы и войлок, пастухи. С заходом солнца стало прохладнее. Пастухи хотели поговорить с гостем, порасспросить его, но они не знали, с чего начать, и молча переглядывались. Молча ели хинкали. В тишине слышался лишь треск огня, прихлебывание и причмокивание.

— Эх-ма! — вырывалось время от времени у Иотама, и он опять возвращался к хинкали.

На равнину опустилась безлунная ночь. Непроглядная тьма подступила совсем близко, сжав кольцо света вокруг костра.

Пастухи жарят на углях шашлыки.

— Жаль, что выпить нечего! — нарушил, наконец, молчание сидящий рядом с Иотамом сухой и жи-

листый саркал¹ Тома Бикашвили. Его тушинская шапка надвинута по самые брови.

— На них разве напасешься водки да вина? И когда они успели все вылакать?

— Мирабо, — улыбается Иотам. — Крепкий был конь...

— Он и сейчас крепкий! — говорит Тома Бикашвили.

— Узнал он меня, узнал! — радуется старик.

— Как же! — подтверждает саркал и, словно опасаясь, как бы опять не воцарилось молчание, говорит: — Ведь это ты его так назвал, Иотам.

— Сколько лет этому коню?

— Пятнадцать...

— Пятнадцать лет, — опять улыбается Иотам. — Сколько времени прошло. Я и не помню, почему так назвал этого коня.

— Ты об этом не думал, вот и не помнишь.

— Конечно, не думал. До того ли было?

Потом пришли тушинские пастухи и принесли немного водки. Иотам к ней даже не прикоснулся, но она все же сделала свое дело — развязала языки, развеяла неловкость.

Ужин длился недолго, рано утром предстояло выступить в путь. Иотам задержал Тома Бикашвили и, когда вокруг все стихло, спросил про своих родных. «И жена твоя, и сын живут хорошо, — сказал старший пастух. — Печалит их лишь то, что ты пропал без следа, а так они живы-здоровы», — Тома старался избежать откровенной беседы.

Потом Иотам спросил о Барнабишвили: сдержал ли тот свое слово?

— О каком слове ты говоришь, Иотам, я что-то не понял? — растерялся Бикашвили.

— Я слова не нарушил... а он?!

— Говорю тебе, я не понял, о чем ты.

— Мы же дали друг другу слово, я и Барнабишвили.

— Какое слово, что за слово, ничего не знаю!

¹ Саркал — старший пастух.

— Да, ты не знаешь, — Иотам задумался. — Может, и я не должен говорить? Но жизнь прошла и пусть кто-то знает! Тома, я верю, что ты сохранишь в тайне то, что я тебе скажу. — И он подробно рассказал саркалу об обещании, которое дал на берегу Алазани, объяснил, почему вынужден был бесследно исчезнуть из родных краев... «Барнабишвили привел бы в исполнение свою угрозу. Сначала от меня бы отделался, а потом и сына погубил бы».

— Что ты говоришь! — поразился Тома Бикашвили. — Как же так! Как же так! — ошарашенный, повторял он, но все-таки ничего не сказал Иотаму.

«Не мог же я рассказать старику о коварстве Барнабишвили, это значило бы поразить его в самое сердце, убить», — скажет впоследствии Тома Бикашвили. А рассказать было о чем. Как только Иотам ушел из деревни, Барнабишвили не замедлил исполнить свои темные намерения: из этих пяти тысяч овец он учел в колхозе только две тысячи — мол, власти все равно ничего не узнают, наоборот, останутся даже довольны. Откуда, мол, властям знать, сколько овец было у Иотама. Потом он вместе со своими дружками продал две трети Иотамовых овец за пределами Грузии. Как говорят, выручил на этом хорошие деньги.

Вот что скрыл саркал от Иотама. Весь вечер он боялся, что старик спросит про овец.

— Я беспокоился о сыне, не сделал ли ему чего дурного ваш Барнабишвили. Но тот слово сдержал, — успокаивал себя Иотам.

— Попробовал бы он иначе!.. Даже если бы захотел, то не смог бы. Такой у тебя молодец вырос, никто не осмелится на него косо взглянуть.

— Благодарю тебя, боже! Пусть на ноги встанет, свет повидает, селу своему пользу принесет.

— Истинно, Иотам, истинно!

— Скажи моему сыну, чтобы все-таки поостерегся Барнабишвили, не доверял ему. Потом скажи, когда меня на этом свете не будет.

— Как это — не будет?!

— Передай ему все, что я тебе сказал.

— Передам, Иотам, передам, что ты сказал, да и от себя добавлю.

— Ты меня не видел и не встречал! Ведь меня нет больше на свете. Как же ты передашь весть от меня?! Ты меня приветил, принял, как дорогого гостя, но это не значит, что я воскрес. Если Барнабишвили узнает, что я здесь, то он погубит моего сына. Он силен, у него в руках большая власть.

— Понял, понял...

— И своих предупреди, чтобы ни словом не обмолвились. Пусть не платят злом за добро.

— Понял, Иотам.

— Барнабишвили — крепкий орешек, Тома.

— Знаю, знаю, что он за птица.

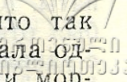
— Видно, только я им жить мешал, камнем на их пути был... Нате, я сам себя перетащил на обочину! Убрался с пути. Что я еще мог сделать? Бог им судья!

Пастухи поднялись на рассвете — они должны были покинуть зимние пастбища и двинуться к горным пастбищам Мта-Тушети. Дорога предстояла длинная и утомительная, трудная и опасная. Иотам тоже, не мешкая, надел свою старую шинель, вскинул на плечо дорожную сумку и взял свою палку. На прощание он еще раз сказал Бикашвили: «Меня здесь не было», — и ушел той же дорогой, какой пришел вчера. Пастухи проводили его лишь взглядами — им было не до прощания, все были заняты. Нужно было еще погрузить весь скарб на лошадей, а это требовало времени...

Только собаки побежали вслед за Иотамом. Шел старик — путник с сумой за плечами, а за ним — целая свора понурых псов. Пастухи знали, что собаки пойдут за ним до определенной границы и вернутся обратно. Поэтому никто не обратил на них внимания.

Когда Тома Бикашвили еще раз взглянул вслед Иотаму, старик шел уже по спуску. Вскоре он исчез за горизонтом, а за ним и собаки.

Старший пастух оседлал Мирабо и теперь уже пристальнее оглядывал поле и пространство, которое только что поглотило Иотаму с собаками. Он ждал возвращения собак. Долго ждать ему не пришлось: собаки вскоре возвратились и там, откуда начинается спуск, повернувшись к Тома спиной, выстроились одна

за другой в ряд. Тома Бикашвили подумал, что так они прощаются со старым хозяином, но тут сначала одна, потом вторая, третья... все овчарки обратили морды к небу и подняли такой вой, что нагнали на всех ужас. У саркала сжалось сердце, он почувствовал недоброе. От собачьего воя и Мирабо тревожно навострил уши...

Еще минута — и обеспокоенный Бикашвили погнал лошадь по полю. Когда он подскакал к собакам, картина ему открылась такая: справа у дороги лежал Иотам. На спине у него была дорожная сума, рука с палкой осталась вытянутой вперед...

Еще раньше, когда Анано упомянула сына Иотама, я понял, зачем она рассказывает историю пастуха из Кизики. Конечно же, сыном этого старца был Саба.

6.

Пастухи по своему обычаю похоронили старика там же, где он умер, у дороги. Семье не сообщили о случившемся несчастье сразу, но когда Тома Бикашвили в середине лета на два дня по делу спустился в деревню, он повидал сына Иотама, рассказал о появлении отца и его смерти. Передал все, что наказывал старик, и еще от себя добавил: берегись Барнабишвили, коварный он человек, как бы не подстроил тебе ловушку. Сын Иотама взмолился: «Возьми меня на могилу отца!» «Нет, — сказал Тома, — отложим это до осени, нельзя нам туда идти, пока не пригоним овец с гор». На прощание он посоветовал: «Веди себя так, будто ничего не знаешь об Иотаме. Даже матери не говори. Почему? Так нужно!»

Анано медленно, невозмутимо, образно рассказывала об этой истории, которую я смог лишь скудно описать своими словами. История эта, как водоворот, постепенно затянула меня, заинтересовала и взволновала! Я и не заметил, как стал разделять горе и боль Анано — своим упорством она сделала из меня соучастника.

Анано убрала остатки ужина и вынесла их из ком-

наты. Когда она вернулась обратно, я спросил: «Иотам был отцом Сабы?» «Что за вопрос?» — взглянула она с удивлением.

— Ты не говорила... Даже не упомянула про Сабу, — ответил я.

— Нет? — опять удивилась Анано. — Но если я не упоминала, откуда ты знаешь, что Саба был сыном Иотама?

— Догадался... Стала бы ты рассказывать о ком другом!

— Да, ты прав, — подтвердила Анано и посмотрела на меня искоса с улыбкой сомнения: правда ли, что она не упомянула про Сабу, или я ее дурачу? Потом открыла дверцу печки, помешала угли и подложила несколько поленьев. — Я нечаянно забыла назвать его имя.

Тысячи вопросов будоражили мое любопытство. В конце концов я заинтересовался личностью Сабы.

Было ясно, что история этой семьи не кончилась со смертью Иотама. Там произошло еще нечто, иначе непонятно, зачем человеку просто так, без причины покидать родной кров и укрываться в чужой деревне. И еще... Я заранее потирал руки от удовольствия, будучи глубоко уверен, что Саба отплатил Барнабишвили по заслугам, а потом у него не осталось иного выхода, как уйти из родных мест.

Анано нашла свое рукоделие и принялась за носки: «Вот только верх довяжу и нынче вечером закончу». С нетерпением ожидая продолжения, я встал, в беспокойстве прошелся по комнате, сосредоточив все внимание на Анано — неужели она так и не доскажет историю до конца?

— А что, осенью Тома Бикашвили показал ему могилу отца?

— Осенью не удалось побывать на могиле — во-первых, потому, что овец на зиму погнали не в Шираки, а на Кизлярские пастбища. Во-вторых, умерла мать Сабы, и он сам не смог туда отправиться.

— Она узнала про Иотама?

— Нет... Она умерла неожиданно.

— А потом?

— Что потом?

— Барнабишвили продолжал свободно разгуливать? Никто его не остановил?

Анано замолчала. Как видно, она не хотела на этот вопрос отвечать. Я наивно его задал, исходя не из жизненного опыта, а из книжных представлений. Я подумал, что Саба, конечно же, разделался с этим Барнабишвили лично. Разве не учили нас на уроках литературы, что герой сначала мстит своему врагу, а потом уходит в лес?

— А Саба?... Саба так и простил ему все?

— Что Саба мог сделать? Отомстить?

— Хотя бы!

— Подкараулить и убить?

Анано так на меня нападала, что приговор и мне самому показался слишком строгим.

— Убить человека — большое преступление... большой грех...

— Можно было и по-другому наказать, — постепенно уступал я.

— Встретить на дороге и избить, обругать, и дело с концом?

— Сказать всю правду! — вырвалось у меня внезапно, и я попытался обосновать свои слова: — Он должен был при людях, во всеуслышание сказать все, что о нем думает. Я уверен, что к нему прислушались бы.

Я и сам не знаю, как у меня возникла эта мысль — она и для меня была находкой.

— Я же говорю, что ты еще ребенок.

— Почему?

— Ребенок, и все тут! Если у тебя не было свидетеля, будь ты хоть трижды прав, твою правду сочли бы клеветой, а особенно в то время. И такое случилось.

— Как так?

— А вот так!

— Значит, выхода не было.

— Кто сказал, что выхода не было?

— Не знаю.

— Озо, вначале, когда Саба рассказал мне все

это, я тоже была поражена. Я даже бросила ему в лицо: «Ты трус! Как ты мог простить Барнабишвили такое?» Потом, со временем, я пожалела об этом и сейчас жалею. Наверное, пока жива буду, не перестану жалеть. Поэтому я не хочу, чтобы ты тоже пожалел о своем необдуманном поведении.

Я не понял, о чем говорила Анано. Что за сожаление, почему ее мучила совесть и что значит «необдуманное поведение»? Я сразу же хотел уточнить все, чего не понял, но почему-то держался так, будто разбираюсь даже в самых незначительных мелочах и все для меня яснее ясного. К тому же я чувствовал, что Анано, как прорвавшуюся плотину, ничем не остановишь: начала рассказывать — обязательно дойдет до конца.

Молчание длилось долго. Анано не поднимала головы от вязания. Спицы так и мелькали в ее руках, будто она с кем соревновалась в этом деле. Я вернулся к своему столу, оперся на него локтями и уставился в окно, к которому подступила ночная тьма. Сейчас я, взволнованный и возбужденный рассказом, ясно представлял себе, как наказал бы Барнабишвили. Сначала я требую его публичного осуждения, но это до конца не удовлетворяет меня, я снимаю с него рубашку, ставлю на колени и изо всех сил бью кнутом, чтобы, как говорится, пар от спины шел. Не знаю, почему я выбрал именно это примитивное и допотопное наказание. Никогда бы не подумал, что смогу быть столь суровым и безжалостным.

Посвист кнута был прерван голосом Анано:

— Значит, я не говорила, что Саба был сын Йогама?

— Нет, не говорила, — я еще раз мысленно огрел Барнабишвили кнутом.

— Да-а!

— Какое имеет значение, говорила ты или не говорила? — Еще раз просвистел в воздухе кнут... Барнабишвили потерял сознание. Я вылил ему на спину и на затылок ведро холодной воды и, услышав стон, бросил кнут на землю. Сердце у меня колотилось! Правая рука устала и затекла...

— Сейчас я тебе расскажу, — услышал я голос Анано, — что сделал Барнабишвили еще. Хорошенько

нагрев руки на Иотамовых овцах, он совсем обнаглел, вся деревня ему стала нипочем. И правда, кто знал, кто считал, сколько у Иотама овец? Пять тысяч? Может — меньше? Может — больше? И тех никто не считал, которых Барнабишвили собрал в колхозные загоны и которые оттуда постепенно исчезли. Часть он продал в Грузии, часть — в Азербайджане и Армении, остальных — за Кавказским хребтом, в Кизляре. Потом объявил в деревне: овцеводство не наша забота, нам велели заниматься в основном земледелием, наше дело — хлеб и виноград...

С овцами Барнабишвили разделался и теперь приглядывался к Иотамовым коням.

Если верить рассказу Анано, то невеждой Иотам не был, наоборот, в молодости он окончил телавскую гимназию, образование получил. В Телави он учился вместе с Важа Пшавела, там они подружились, и Иотам, оказывается, несколько раз гостил у Важа в Чаргали.

Однажды Важа, сокрушаясь, сказал при Иотаме: в Грузии почти не осталось коней грузинской породы. Мы увлеклись карабахскими, арабскими, английскими скакунами, а наши аргмаки, которые статью, выносливостью, преданностью и красотой едва ли не лучше других, незаметно исчезли и выродились. А ведь еще не поздно, еще можно эту породу спасти. Спасение лурджи¹ Важа считал делом трудным, но осуществимым. Но делу этому человек должен был посвятить себя целиком. Кроме того, он должен был иметь деньги, поскольку таких коней никто в дар не преподносил, а одного-двух было недостаточно. Содержание породистого коня также требовало немалых денежных затрат.

Иотам ничего не ответил Важа, но в душе твердо решил, что всерьез возьмется за это дело, чтобы печаль не омрачала сердце друга. Больше они не встречались, ибо Важа вскоре, года через три, умер. Иотам не изменил своего решения, пять лет искал по всей Кахети и выбирал лошадей грузинской породы — лурджу. Кому давал за них деньги, кому — овец и в

¹ Лурджа — грузинская порода лошади, сивый скакун.

конце концов приобрел десять лошадей, из них — семь жеребцов.

Слушая эту историю, я усомнился и не поверил во встречу и в беседы Важа с Иотамом, счел это скорее плодом Сабиной фантазии, чем правдой. И история с аргамакон казалась мне далекой от реальности. Если такой конь и существовал, думал я, то почему мы так легко дали ему исчезнуть? Лично я знал лишь одного Лурджу Магданы¹, да и тот был осликом. Вспомнил я и то, как легко управлялся со своим лурджей шестнадцатилетний Арсен², так что в моем сознании слово «лурджа» звучало даже с примесью иронии и было лишено всякого ореола.

Но сейчас я, чуть опережая события, представляю две справки о грузинском коне. Копаясь в одной частной библиотеке, я наткнулся на документ, датированный 1608 годом, который невольно напомнил мне эту зимнюю ночь и старую историю, рассказанную мне моей теткой. В перечне имущества графа Татищева, продаваемого с молотка, между прочим значилось: «...жеребец аргамачей сер. грузинской... цена 65 рублей...»

Обратите внимание, в какую фантастическую по тем временам сумму оценен грузинский конь. И еще — второй, более поздний документ времен русского царя Михаила Федоровича:

«Ведомо государю подлинно, что в грузинской земле есть аргмаки, самые добрые. И государь указал в грузинской земле купить аргмака самого лутчего. И князю Ефиму да дьяку Ивану: в грузинской земле проведывать накрепко, купить на государя аргмака самого доброво которово б аргмака нигде лутчи не было, чтоб который был в летах, молод, и во всем цел и здоров и досуж и уряден. И привести с собою к Москве с великим береженьем».

Нет сомнения, что грузинского скакуна хотят приобрести для самого русского государя. В то время Россия уже была сильной военной державой. И коней самых отборных мастей у нее было более чем достаточно.

¹ Имеется в виду детский рассказ Е. Габашвили (1851—1938) «Лурджа Магданы».

² Арсен из Марабды — народный герой грузинского эпоса.

А все же для государя ищут и выбирают лучшего по всем статьям. И такого коня находят... в Грузии!

Конечно же, Важа Пшавела не напрасно сокрушался о вырождении сивого аргамака, он знал, что гово- рил.

После этого я уже иначе воспринимал образ сивого скакуна в стихах и поэмах Важа. Я чувствовал печаль великого поэта о грузинском коне-лурдже и его попытку своими творениями спасти эту породу, которая на протяжении многих веков и в борьбе с врагами, и в труде сослужила грузинскому народу великую службу.

А теперь вновь вернемся к рассказу Анано.

Прошло еще двенадцать лет, Иотам не обделял своих лошадей заботой и вниманием, и его табун насчитывал уже сорок скакунов.

Маленькие, покрытые зеленью лесные пригорки и поляны над Нислаурой деревня отдавала под пастбища. Траву здесь не косили и с ранней весны до поздней осени пасли скотину.

Вот и Иотамовы кони щипали здесь траву, зимой и летом резвясь на свободе. Лишь зимой Иотам носил им сено, складывая его в небольшие копны. Со временем они требовали все больше внимания. Чего только стоило поймать и подковать их! Они расплодились, окрепли и, полуодичавшие, носились, как ураган, по горам и долам. И признавали они на свете лишь одного человека — Иотаму.

Когда Иотам из деревни исчез, его табун остался беспризорным, но это не помешало ему расплодиться, и через четыре года в лесных чащобах резвилась добрая сотня скакунов. Это было поистине прекрасное зрелище — табун аргамаков, оглашая громким ржанием поля, проносился мимо деревни и, рассеиваясь как туман, спускался на водопой к Алазани.

Да, они радовали глаз, но посудите сами — сто коней без хозяина, почти одичавших, создавали человеку сложности и требовали заботы. Травы в маленьких зеленых ложбинках и на лугах теперь не только деревенской скотине, но и коням едва хватало. Поэтому деревенские жители ворчали и даже жаловались.

Разумеется, во всем винили Иотама. Саба это знал. Знал он и то, что Барнабишвили уже давно ко- сится на гуляющих на воле коней. Он и не скрывает своего негодования, грозит: «Дайте срок, я за них возьмусь!» Но время шло, и угроза Барнабишвили оставалась угрозой, а кони опять резвились, наслаждались свободой. Ясно было, что пустыми угрозами Барнабишвили просто хочет разжечь недовольство других.

— Барнабишвили этих коней погубит, — однажды сказал Сабе Тома Бикашвили. — Может, ты пойдешь к нему и попробуешь договориться.

— Пойти? — засмеялся Саба. — И что сказать?

— Да мало ли что?.. Хотя бы то, что нужно этих коней поймать и приручить, одних взять в колхоз, других — продать. Кони всем нужны, да и какой колхоз не купит таких породистых лошадей? И мы останемся в выигрыше, и они. Или создадим ферму, будем разводить лошадей. Скажи Барнабишвили — это даст деревне большую прибыль... Предложи сам, мол, буду работать на ферме... Ты, Саба, должен взять на себя заботу о лошадях.

— Разве это мое дело?

— А как же, ведь твой отец, Иотам, купил этих коней и вложил в них столько сил.

— Были Иотамовы, стали ничьи... А может, они уже собственность Барнабишвили?!

— Не надо так круто. Ты еще молод, Саба!

— Круто, не круто... Я разве не вижу?.. Хоть убей, не могу я к нему идти.

— Почему?

— Потому что он не человек. Был бы человеком, пришел и поговорил бы со мной сам.

— Ты попробуй, может...

— И пробовать не буду!

— Я тебе говорю, он коней погубит.

— Знаю.

— Не видишь разве, как он кое-кого на свою сторону склонил, и те трубят повсюду, что скотина, мол, от голода подыхает?

— Знаю я, на что он их подбивает.

— Если знаешь, так чего стоишь и смотришь?

Пойди и скажи ему все!

Тома Бикашвили ушел рассерженный, махнув на прощание рукой: «Так ничего не выйдет».

Однажды (был конец мая) Саба, встав спозаранку и выйдя во двор, увидел за забором лошадь. От удивления он протер глаза: уж не привиделось ли? Но нет! Ему не привиделось, у ворот понуро стоял лурджа... Саба быстро сбежал по лестнице и открыл ворота.

Старый, выбившийся из сил конь ушел от волков, на шее у него зияла рана, бока и мышцы ног были изранены острыми клыками.

Осмотрев раны, Саба решил, что животное еще можно спасти, и завел его во двор. Обмыл водой кровь, пыль и грязь и вернулся в дом в поисках мазей Мотамма... Врачевать раны и готовить мази Саба научился от отца — он обмыл рану коня водкой, осторожно обреза́л свисающую клочьями кожу на шее, смазал мазью и обвязал бинтом.

Вдруг взгляд его скользнул в сторону забора: оказывается, туда неслышно подъехали трое всадников. Саба, наткнувшись на колючий взгляд Барнабишвили, съезжился и напрягся.

— Если в гости пожаловали — прошу в дом, — пригласил он.

— Чей это конь? — пропустив мимо ушей приглашение, спросил Барнабишвили.

— Если войдете, я объясню. Мне есть что вам сказать.

— Это нам есть что сказать... Лошади испоганили все вокруг, а ты мне тут лазарет устроил.

— Может, приручим этих коней, будут служить нам, и я помогу, а то ведь и им трудно приходится... вот этого сегодня волк задрал, — пытался сохранить миролюбивый тон Саба.

— С каких пор ты стал думать об общей пользе, а? — вызывающе продолжал Барнабишвили.

— Не перечь, Барнабишвили, эти кони стоят того, чтобы за ними ухаживать, — ответил Саба.

— Нужно было думать, когда вы начали их разводить, а теперь поздно. Кто справится с таким табуном?!

— Я справлюсь!

— Ты?! И ты туда же, старое вспомнил, да?! Сто
коней на одного человека, не много ли будет?

— Не для себя стараюсь — для вас!

— Нашел себе коня, за ним и ухаживай! — Барнабишвили с издевкой взглянул на старого жеребца и уехал. Оба всадника поспешили за ним.

Саба, улыбаясь, проводил их взглядом. Только улыбка эта была горькой. В душе он ругал Бикашвили, который толкнул его на откровенный разговор с Барнабишвили.

А через неделю он стал свидетелем ужасающего зрелища.

Двадцать всадников, вооруженных палками и вилами, окружили пригорки близ лесной опушки, вспугнули боевыми окриками Иотамовых коней и погнали их дорогой, по которой те ходили к реке на водопой. Оглашая громким ржанием все вокруг, неслись кони по спуску, земля сотрясалась от топота их копыт, пыль поднималась до небес. По дороге спрятавшиеся в засаде люди подзадоривали их, шумя и размахивая палками, не давали свернуть с дороги табуну, который с шумом водопада несся вниз, к Алазани.

Алазани в то время вздулась, вышла из берегов и хмуро катила огромные мутные черные волны, неся за собой все, что попадалось на пути...

Все это Саба видел собственными глазами. Сначала он слышал крики и возгласы людей, потом — ржание и конский топот. Он взбежал на пригорок и долго смотрел оттуда на открывшееся зрелище.

Словно поток прорвал плотину и, сметая все на пути, прокладывает себе путь к реке.

У самой Алазани табун в испуге отступил, кони, наталкиваясь друг на друга, пытались пятиться, но, оказавшись в кольце всадников и пеших преследователей, закружились на месте, ища выхода из окружения.

Преследователи с шумом и криками наступали, постепенно сжимая кольцо. Испуганные лошади сбились в кучу и опять повернули к реке. Одна из них рискнула и бросилась в пенящуюся Алазани, за ней — вторая, третья и... весь табун ринулся в реку. Несколько коней пытались выбраться на берег, но их закидали

камнями и угрожающими криками заставили повернуть обратно. Кони направились к другому берегу, но и там их ждали с камнями и палками горластые молодцы. Остолбнев, Саба сверху смотрел на реку, над бурлящей поверхностью которой выступило множество конских голов. Кони в отчаянии вытягивали шеи и изо всех сил боролись с сильным и коварным течением, с глубокими воронками. Саба с криком: «Люди, что вы делаете!» сорвался с места и побежал вниз. Пригорки и деревья скрывали от него реку, но то и дело между деревьями проглядывала поверхность реки с конскими головами...

Так он бежал некоторое время, потом, запыхавшись, остановился и снова взглянул на реку: конские головы виднелись над водой. Течение сносило их все дальше, но они были еще видны хорошо. Противоположный берег представлял собой высокий утес, за которым река сворачивала вправо и меняла направление. Если они смогут пройти это место благополучно, то дальше изогнутый, как лук, берег снова выравнивается и... Сабу вдруг осенило, что именно здесь кончается граница Грузии и начинается Азербайджан.

Он не помнил, куда бежал, когда и почему упал, сколько времени прошло. Очнувшись и открыв глаза, он поначалу ничего не увидел, только услышал шум воды, но когда пришел в себя и стал различать окружающие предметы, то увидел по обоим берегам реки людей, людей и... коней, но не в реке, а на берегу. Коней он узнал, людей — нет. Он с облегчением вздохнул — кони спасены! Наверное, часть из них погибла, но большинство спасено. Раньше эти кони на выстрел не подпускали к себе людей, а теперь, укрощенные рекой, они покорно стояли с понурыми головами, усталые, обессилевшие. Какие-то люди внимательно осматривали их, хлопали руками по спине и бокам, проверяли им зубы.

Укрывшись за вязами, Саба смотрел на спасенных коней и радовался. Он еще не знал, что этот табун, около ста коней, Барнабишвили, как четыре года назад — овец, заранее продал и спустил по бурной Алазани за пределы Грузии. А там коней, с которыми

не справилась речная волна, поджидали новые хозяева.

Вечером Саба пешком возвратился в деревню. Несмотря на голод и усталость, на душе у него было легко, так как в сердце теплилась надежда; попытка Иотама разводить лурджу удалась и рано или поздно даст всходы. Но эта надежда постепенно угасла. Саба не знал до конца, что творится вокруг, но червь сомнения точил его душу...

Он прошел полдеревни, не встретив ни одной живой души. Его испугала эта пустота и мертвый покой. Когда же, ускорив шаг, он свернул к дому, то увидел на проселочной дороге старого лурджу, которого неделю назад чуть не задрали волки.

Конь и юноша медленно приближались друг к другу, будто у обоих была непосильная ноша. Шатаясь и едва волоча ноги, прошел Саба еще несколько шагов, потом колени у него подкосились, он упал, увидел совсем близко от себя знакомые копыта и почувствовал, что старый жеребец обнюхивает его голову и шею.

Ночью он проснулся от ржания и топота коней и встревоженно сел на кровати... Именно в ту ночь ему исполнилось двадцать два года.

— А утром к Сабе пришел Гедеон Оманашили, — продолжала рассказывать Анано. — Этот Оманашили служил фельдшером на русско-германском фронте в первую мировую войну, в Нислаури же его считали врачом. Он прослыл хорошим лекарем. Отец его в свое время распродал свои имения, в Париже и Петербурге пустил деньги на ветер и, оставшись без средств, вернулся. Срочно вызвал в Сигнахи сына, посланного в Одессу на учебу: «Я совсем одряхлел, дни мои сочтены, мне нужен твой уход», — и тот приехал... Но прежде чем он попал домой, родственники отвели его на могилу отца. Одним словом, Гедеон Оманашили не смог продолжать учебу, а тут и первая мировая война началась... Вернувшись с войны, Гедеон почему-то поселился в Нислаури. Как рассказывал мне Саба, он был человек со странностями, например, его нельзя было выманить из дому небритым. Жил Гедеон бедно, но старался не показывать этого, постоянно чистил и гладил свой единственный старый костюм. Опрятно и даже франтовато одетый, вежливый и всегда готовый прийти на помощь, он верно служил деревне... И в то

утро, когда он явился чисто выбритый, причесанный, в стутюженном костюме, Саба с удовольствием подумал: «Будто знал, что мне нездоровится». Саба и вправду чувствовал себя неважно. Голова болела, суставы ломило...

Мне трудно передать рассказ Анано в точности. Постараюсь хотя бы приблизительно восстановить переданный ею диалог между гостем и хозяином. Батони Гедеон при разговоре растягивал слова, говорил высокопарно.

— Крайне странно, юноша, видеть тебя в постели, — сказал Гедеон Сабе после приветствия. — Никогда не считал тебя лентяем, но и на больного ты не похож.

— Мне нездоровится, батано Гедеон.

— Нездоровится? Почему же ты раньше не уведомил меня об этом, юноша?! — он быстрым шагом подошел к больному и накрыл ладонью его лоб, прошептал: — Не обращай ко мне «батано», это ни к чему... Так что же тебя беспокоит?

— Голова кружится... суставы болят.

— Слава богу, температуры у тебя нет. Головокружение пройдет... а вот боль в суставах мне не нравится. Юноша, может, ты вчера переутомился и путаешь: тебя беспокоят не суставы, а мышцы?

— Конечно, я вчера устал.

— Именно, именно так, ты больше похож на усталого, чем на больного... хотя усталость — это тоже легкая и короткая болезнь. Ночью ты спал хорошо?

— Как вам сказать, когда я проснулся во второй раз, то уже не смог уснуть, провел всю ночь без сна.

— Запомни, сон — вещь хорошая! Ей-богу, сон — лучшее лекарство от усталости, да и не только от усталости! Я многих больных вылечивал сном. Когда я уйду, постарайся заснуть. — Затем бывший фельдшер перевел разговор в другое русло. — А сейчас я скажу, почему пришел к тебе спозаранку. Я не отношу себя к числу людей, которые думают, что нет в мире управы на зло. До каких пор мы будем сложа руки смотреть, как нагло бесчинствует этот Барнабишвили? Не знаю как другие, но лично я больше терпеть не намерен. Это редчайший пример того, как один мерзавец может раз-

валить и опустошить целую деревню. Моя честь, мой патриотизм, мои революционные идеалы не дают мне права молчать и оставаться в стороне. Ты сознаешь, юноша, до чего он довел всего за какие-нибудь пять лет нашу деревню?! Такого не сделали даже Мурван Глухой и Джалал-эд-Дин! Но они были враги, а это — свой, грузин! Я, как представитель сельской интеллигенции, этого дела так не оставлю, я, как Отарова вдова¹, надену железные башмаки, возьму в руки железный посох и отправлюсь искать правду!..

Гедеон Оманашвили в самом деле отправился искать правду, но назад не возвратился. Куда, в каком направлении он ушел, где сделал остановку, почему и где задержался или остался навеки, — этого не знал никто. Что же до Барнабишвили, то летом его арестовали и отдали под суд. У некоторых только тогда открылись глаза: вот он каким оказался, один всю деревню обвел вокруг пальца... Хотя почему — всю деревню? Набросился же на него Тома Бикашвили, когда он согнал коней в Алазани! Барнабишвили хотел дать отпор, но сухая рука Тома с такой силой прилась ему по голове и повалила наземь, что его с трудом подняли. Отряхнувшись, он улыбнулся сквозь зубы: «Тома, что за шутки?» «Я тебе еще покажу настоящие шутки», — плюнул в его сторону Тома и пошел своей дорогой. «Не простит, потребует Тома к ответу», — думали очевидцы этой истории, но Барнабишвили с места не тронулся.

Так или иначе, Барнабишвили из деревни убрали. Одни говорили, что благодаря Тома Бикашвили (кому нужен избитый председатель?), другие вспоминали пожилого фельдшера и приписывали эту заслугу ему.

Анано вдруг прервала рассказ и сказала: «Уже поздно, ложись спать, остальное расскажу в другой раз...» И правда, было уже далеко за полночь. Я в деревне никогда не ложился спать так поздно. Голову клонило вниз и глаза слипались, но как только я лег, сразу понял, что ангел сна в эту ночь в мою комнату не пожаловал. Анано вынесла лампу, я оказался в крошечной тьме, но глаза не закрывались, а таращились

¹ Отарова вдова — героиня одноименного рассказа И. Чавчавадзе, написанного в 1887 году.

сами собой. Услышанное меня сильно взволновало. Кое-что из рассказа Анано было непонятно. Хотелось обратиться в подлинной сути чужих замыслов и стремлений. Почему люди эти выбрали путь, который, как видно с первого взгляда, был обречен на гибель? Это ведь был не риск, не самоотверженность, не геройство. Риск и самоотверженность лишь тогда имеют смысл, когда направлены на благо людей. И еще — как могла оказаться такая власть в руках одного мерзавца, который чуть не разорил всю деревню?! Какие тут действовали силы и течения? Подземные или наземные? Неужели Барнабишвили погубил овец и коней, чтобы разбогатеть самому? Этот вариант с обогащением казался мне настолько мелочным и унижительным, что я отказывался верить в него. За этим чудовищным событием я пробовал обнаружить другие, более сильные и благородные страсти.

Мне даже жаль было, что не я сам участник этих событий, а знаю их лишь в пересказе третьего лица. Хотелось испытать все самому.

И вдруг, себе на удивление, я понял, что никогда еще не жил рядом с мужчинами, в их обществе. За секунду я мысленно пробежал взглядом жалкие шестнадцать лет, которые оставил позади. Дома, пока жива была мать, я грелся под ее крылышком, а отец выходил из дому утром, к обеду возвращался, после обеда спал часок и снова уходил. Я никак не мог вспомнить, был ли хоть один день (да что там день — час!), когда я оставался один на один с отцом? Нет, никогда! «Может, это закон, так должно быть, так нужно? — думал я. — Может, отец потом, позднее, придет к тебе, когда ты подрастешь, когда и внешне, и внутренне возмужаешь?»

Школа? Насколько я помню, почти все предметы нам преподавали женщины. И классным руководителем была женщина. Потом, как только началась война, меня отвезли в деревню, — я и тут оказался в обществе Анано и других женщин, поскольку деревня осталась без мужчин: все, кто мог, взявши в руки ружья, воевали на фронте.

Мною овладела печаль, на сердце стало тяжело.

— Анано! — вырвалось у меня вдруг.
— Ты что, не спишь? — Анано тоже не спала.
Зачем я ее позвал? Раз позвал, то нужно сказать что-то или спросить. Ну, а если я не знаю что?
Анано словно бы впустила меня в лабиринт своих воспоминаний и переживаний, а нить Ариадны дать за-была, — трудно мне, наверное, будет выбраться отту-да...

7.

Весна пришла так скоро и события развивались с такой быстротой, что я едва успел прийти в себя и встряхнуться от зимних застоявшихся дум. К концу апреля исход войны был фактически решен. Пришла весна, и мы ждали объявления победы со дня на день, но когда радио объявило о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии, мы будто услышали нечто неожиданное. Все, от мала до велика, словно обезумели от радости: кричали, плакали, смеялись, обнимались и целовались, ругались, махали кулаками — угрожали кому-то в небе...

Вся деревня высыпала наружу, столы выносили прямо на улицы и на шоссе. Мужчина ли, женщина, свой ли, чужой, старый ли, малый — пройти мимо накрытого стола не мог никто. Нужно было выпить хоть стакан вина, сказать хоть один тост. Пир по случаю победы длился до вечера. Вечером праздник переместился в дома. Здесь уселись основательнее — песни, танцы, музыка и грохот ружей не смолкали до утра.

Назавтра после победы Зизи устроила в школьном клубе обещанный концерт. Перед концертом провели небольшой митинг, на котором выступили трое — учительница Маро, Кариаулева вдова и отличница из восьмого класса. Учительница Маро и восьмиклассница в своих выступлениях говорили о гордости за победителей, а Кариаулева вдова посвятила свое выступление герою павших и их бессмертию в памяти людской. Неожиданно для всех попросил слова председатель колхоза Фидо Квалишвили, который прочитал письмо, присланное из Австрии. Это была благодарность. Командир танкового соединения сообщал, что построенный на средства наших колхозников танк с

160359-20
203 0010933

честью прошел тяжелый путь войны, сейчас воюет на австрийской земле и совсем скоро примет участие в освобождении Вены. Письмо было написано задолго до конца войны, но впечатление на нас произвело огромное. Гроном аплодисментов и восторженными возгласами встретили мы это известие...

Потом (возможно, это было подготовлено заранее) на сцену вышли трое — две сестры и брат. Девочки вынесли гармонь и пандури, а у мальчика за пояс была заткнута саламури, которую он, подойдя к краю сцены, выхватил наподобие кинжала. Очевидно, в связи с тем, что наш танк участвовал в освобождении Австрии, трио исполнило «Сказки Венского леса». До этого я не представлял себе три эти инструмента вместе — гармонь, пандури и саламури. Дети оказались просто виртуозами! Сейчас я утверждать не берусь, а тогда мне показалось, что у каждого из них абсолютный слух и блестящая техника. Сестры сидели на стульях: одна из них — кажется, пандуристка — даже не доставала ногами до пола. Взлохмаченный брат стоял между ними. Все трое были одинаково бледны, и на их лицах выделялись огромные грустные глаза. Кого я ни спрашивал, никто не знал, как их зовут, просто всех троих величали Илоевыми детьми. Я Илоевых детей видел впервые, хоть они и учились в нашей школе, в младших классах... Наверно, втроем они не попадались мне, а поодиночке я их, может, и видел, да не запомнил.

Тем временем сцену оккупировала Зизи: она прочла стихи, спела и исполнила танец... А у меня весь вечер не шли из головы умные и грустные Илоевы дети, которые, наверное, и нот-то в глаза не видели, но волею божьей прибились к берегу звуков. Об их дальнейшей судьбе я тогда не задумывался — просто счастлив был тем, что вижу и слышу их, что они существуют на свете — талантливые маленькие грустные музыканты, несущие радость другим.

Илоевых детей мне довелось видеть еще, и я запомнил их навсегда. Странно, но видел я их всегда в одной обстановке — в центре деревни, где провожали отъезжающих в Тбилиси.

Если не ошибаюсь, одной из первых после войны

покинула деревню и отбыла в Тбилиси Зизи. Хорошо помню центр деревни и повозку с двумя лошадьми, которую в деревне называли «линейкой». На этой повозке ездили в Телави до станции, а уж из Телави кахетинским поездом — до Тбилиси. Как только мы окончили школу, Зизи задала: хочу в Тбилиси. Она считала дни до отъезда и наконец своего добилась. В одно прекрасное июльское утро она стояла в центре деревни со своим чемоданчиком — сияющая, довольная, счастливая. Она ехала учиться, и мать с ней: сниму, дескать, ей комнату, устрою и вернусь... Может, попадутся добрые люди, и я им отплачу добром. Провожать Зизи вышла почти вся деревня, столпились вокруг «линейки», суетились, галдели, напутствовали отъезжающих благословениями и добрыми пожеланиями. В этой кутерьме, чуть поодаль, через дорогу увидел я Илоевых детей. Взявшись за руки, они с любопытством и грустью смотрели на суесящихся людей. Некоторое время я наблюдал за ними, но вот кучер тронул лошадей, все смешалось, и я об Илоевых детях позабыл. Лишь возвращаясь домой, вспомнил, как они с улыбкой махали рукой вслед двинувшейся повозке.

Между прочим, многие учиться дальше захотели в Тбилиси. Раньше почему-то никто, кроме Зизи, этого желания не обнаруживал. Но стоило Зизи уехать, как мне пришлось чуть не каждый день провожать своих одноклассников — вместе с ними уезжали и те, кто окончил школу в прошлом и позапрошлом году. И всегда на одном и том же месте, как на посту, стояли, взявшись за руки, Илоевы дети и с грустной, но светлой улыбкой махали рукой уезжающим в Тбилиси односельчанам. Я всегда с невольным почтением присматривался к этим детям.

Вот я и проводил всех. Остался в деревне почти один — я, который еще в прошлом году пасмурным осенним днем сломя голову бежал отсюда.

Окончание школы — событие само по себе большое и важное. После этого сразу, без промедления, нужно оторваться от вчерашнего дня, от вчерашнего быта и образа жизни. Наступает конец однообразной и регламентированной жизни, на смену приходит новое. И нужно быть внутренне готовым к переменам.

Я на второй же день почувствовал дуновение но-

вой жизни. Да и немудрено. Не нужно было идти в школу и учить уроки, возникло ощущение каникул. Все чаще я думал об Иловых детях и о самом Ило. Я не знал его, но всерьез беспокоился, вернется ли он с войны. А вдруг не вернется — что будет с его детьми?

Судьба Зизи меня волновала не меньше. Я не смог постичь тайну ее безумного стремления, которое мне казалось показным и неискренним. С ее отъездом деревня будто обезлюдела, утратила голос и слух, потеряла всю свою прелесть и привлекательность... Получалось, что деревня была прекрасной, лишь пока в ней царил дух Зизи.

Думал я и об Иотамовых конях, о сивых скакунах. Не хотелось верить, что они выродились, и, завидев коня, я с волнением вздрагивал: уж не грузинский ли это лурджа?

С тех пор как Анано столько мне рассказала, я преобразился, словно приобретя жизненный опыт: я знал то, чего никто вокруг — ни сверстники, ни взрослые — не знали. Это переполняло меня чувством тайного превосходства.

Времени для размышлений у меня было вдоволь. Целыми днями я сидел один — Анано с наступлением весны перевели то ли главным экономистом, то ли бухгалтером колхоза, и она с утра до вечера была на работе. Заняться мне было нечем, и я либо бесцельно слонялся взад-вперед, либо сидел дома и ждал Анано. Порой казалось, что Анано обо мне забыла, рассказала сокровенное, отвела душу и успокоилась, — хотя заботилась она обо мне по-прежнему. Но я чувствовал, что высказалась она не до конца. О главной своей боли она не рассказала. Однажды утром, заметив, что Анано не собирается выходить из дому, я спросил: «А дальше что было, почему не рассказываешь?» Анано притворилась, что не поняла, о чем речь, но я почувствовал, что настроение у нее мгновенно изменилось. Она куда-то ушла, но вскоре возвратилась, заглянула ко мне в комнату и улыбнулась: «Ты здесь?» Мы уже не могли обманывать друг друга. Я понял, что она готова рассказывать дальше.

Итак...

За месяц до начала войны к Анано приехал всадник, смуглый худощавый человек, и, не спешившись, заговорил с ней: «Я из Нислаури, сосед Сабы, хочу его видеть». Из-под глубокой, чуть ли не до бровей надвинутой тушинской шапки виднелись посеребренные виски. Судя по загорелому и обветренному лицу, большую часть жизни гость проводил под открытым небом. Анано пригласила его в дом: «Добро пожаловать, гость от бога, только Сабы здесь нет». «Знаю, — ответил ей гость и многозначительно улыбнулся. — Но в деревне мне сказали, что он, возможно, здесь появится». Анано открыла ворота, гость привязал коня к тутовому дереву, а сам вошел во двор. Подожду, мол, немного, и если он не появится вовремя, то передам ему кое-что и поеду своей дорогой.

Анано догадалась, что гость — Тома Бикашвили. И верно — войдя во двор, он представился; Анано сразу вынесла стул и усадила его на балконе. Вопреки первому впечатлению Тома Бикашвили оказался человеком словоохотливым. Он все сокрушался, что Саба оставил отчий дом без присмотра. Вовремя не спасти его — значит бросить на произвол всякой нечисти. Да что там говорить: она и так гуляет по дому, как ветер.

Анано приготовила закуску, но Тома Бикашвили не остался — «опоздаю в дорогу». Он поднял тост за Анано, благословил ее дом, выпил стакан вина и уехал. Анано расстроилась: «Только вошел, а уже за порог».

Не успела Анано подумать, что он уже далеко, как Тома Бикашвили появился вновь. «Передай парню, что Барнабишвили объявился в деревне, всего неделя как вернулся», — сказал он, извинившись, что так забывчив.

Интересно, правда ли Тома Бикашвили вспомнил про Барнабишвили лишь на обратном пути или, объехав всю деревню и не найдя Сабы, решил сказать Анано то, что вначале скрыл?

— Озо, хочешь верь, хочешь нет, но как только я увидела Тома Бикашвили, то сразу почувяла, что он скажет. Не возвратись он, я все равно бы знала, зачем он Сабу искал. Да я и так давно ждала чего-то. Все думала, не сегодня-завтра придет кто-то и скажет: «Барнабишвили вернулся». И вот человек с этой вестью. Если бы ты знал, Озо, как я разволновалась,

сердце у меня заколотилось, я запылала, как стог сена, и потеряла голову. Не знаю, что за бес в меня вселился. Меня словно чужая воля вела. И радость была не моя, на мою не похожая, беспричинная. Радовалась... а радоваться-то было нечему.

Я одна знала, зачем вернулся Барнабишвили. Чему быть, того не миновать! «Судьба заставила его вернуться, — думала я, — а как она распорядится дальше?» Теперь я все думала, как бы отправить Сабу в Нислаури. Я и раньше ему твердила: «Поезжай, присмотри за домом, нельзя, чтобы пришел в упадок очаг предков». Но он ехать и не думал. «Что было, то было, — говорил он. — Не хочу ни дома этого, ни имущества, хочу жить свободно, как птица, злобы людской боюсь». На миг у меня мелькнула мысль, что Саба договорился с Бикашвили, чтобы тот сообщил ему, если Барнабишвили появится. Но ведь с тех пор много воды утекло... Семь или восемь лет прошло с тех пор, как арестовали Барнабишвили и Саба покинул деревню, отчий дом. А это срок немалый. Как изгнанник, скитался он по деревням, находил приют где придется, жил лишь своим трудом и верил в свой путь. Кому стену возведет, кому крышу перекроет, кому землю вскопает... И все задаром. Стоило слово сказать, и он тут же приходил на помощь. Но своего достоинства ущемлять не позволял.

Анано перевела дух, задумалась, потом продолжала:

— Саба в тот день не появлялся, лишь назавтра пришел, и я сразу сказала, что Тома Бикашвили его ищет. «Да что ты, — обрадовался он. — Жаль, что меня дома не было». «Тома велел передать, что дом твой рушится и чтобы ты приехал на денек-другой», — сказала я. «Рушится — ну и пусть, — ответил он. — Я туда не поеду». Тут я сразу поняла, что Тома Бикашвили приходил по своей воле. Наверное, он решил: «Исполню долг — сообщу Сабе, что Барнабишвили вернулся». С той минуты я как пристала к Сабе, так и не давала ему покоя. Все твердила: «Зачем человеку жертвовать домом своих предков?» А он уперся — и ни в какую. Но и я была хороша, не отставала от не-

го, всю душу вымотала. Про Барнабишвили я не упоминала. Скрыла от него.

САБА: Не старайся столкнуть меня с пути. Кончено, и все тут!

АНАНО: Эх ты! Да ты шагу не должен был ступить оттуда, там должен был осесть, где твоя родина.

САБА: Останься я там, не заболел бы тобой!

АНАНО: Все шутишь?

САБА: А что, неправда разве? Разве не так? Ты встала на моем пути, не то я давно бы уже был по ту сторону Ципского туннеля.

АНАНО: Сам не хочешь домой ехать, так хоть меня повези, покажи свой очаг. Должна же я знать, где ты родился, где вырос, откуда пришел.

САБА: Повезу, но сначала заглянем в сельсовет.

АНАНО (будто не поняв): А что мы в сельсовете забыли?

САБА: А то не знаешь — что!

АНАНО: Но ведь ты говорил, что осенью.

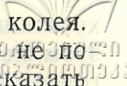
САБА: Зачем ждать осени?

АНАНО (смеясь): Пока не покажешь свой дом, пока не узнаю, кто ты и откуда, не пойду за тебя...

Не знаю, к какой еще женской хитрости прибегла Анано, к какой ворожке — об этом она не сказала. Согласия Сабы она, конечно, добилась, и они решили ехать вместе. Все воскресенье они тщательно собирались. Даже купили в сельмаге конфет для соседских ребятшек. Саба пошутил: «Пока меня там не было, наверное, и новая ребятня успела народиться». После долгих сборов они верхом на лошадях пустились в сторону Нислаури.

Ехали почти до вечера. Дважды останавливались. Она не думала, что Нислаури так далеко. Под конец они долго ехали вдоль берега Алазани, и когда Анано решила, что скоро край света, Саба воскликнул вдруг: «Ну вот и Нислаури!» Анано увидела деревню, стоящую высоко на склоне и утопавшую в зелени. Даже не деревню, а несколько домов, крытых красной черепицей (снизу не вся деревня была видна). Берег Алазани, вязы, холмы и пригорки, лиственный лес за деревней... Она знала это по рассказам Сабы.

— Я не думала, что его деревня так оторвана от мира, — рассказывала Анано. — Мы поднимались на

лошадях по узкой тропинке, а в деревню вела колея. До этого я чувствовала себя сносно, а тут стало не по себе—близилось время, когда мне нужно было сказать Сабе о главном. Да, я должна была сказать: «Мы приехали сюда потому, что Барнабишвили вернулся и ты обязан с ним встретиться!» Я волновалась. Но Саба этого не заметил, он ехал рядом и все чему-то удивлялся. Сначала я не поняла, что его беспокоило, но потом уловила: «Куда делись люди, где вся деревня?» Я ничего такого не заметила, люди нам навстречу попадались. Они с любопытством присматривались к нам и, как правило, здоровались. Мы остановились перед покосившимся забором, огораживавшим низенький старый дом, и Саба, сказав: «Вот и наш дом», — прыгнул с лошади, помог прыгнуть мне и, улыбаясь, устоялся на старое свое гнездо. Я знала, что дом у них одноэтажный, но представляла его другим. Дом был сложен из камня. Балкона не было. Поднявшись по трем каменным ступенькам, мы оказались прямо перед тяжелой дубовой дверью. Во дворе в ту пору цвели старые яблони. Цветы были усеяны роящимися пчелами. Вдруг перед нами предстали три женщины, одетые в черное, с черными косынками на головах...

Соседские женщины, одна из которых была пожилая, не признали Сабу, но в разговор вступили охотно. Сабе этот разговор кое-что прояснил. За семь лет деревня и впрямь опустела. Народ разбрелся по другим деревням. Особенно не сиделось молодежи.

— Одно мне не понравилось, — вспоминала Ана-но. — Когда Саба спросил про Тома Бикашвили, женщины ответили, что он, дескать, уехал первым. Собрал свои пожитки и вместе с женой и детьми переселился в Мирзаани. Этого я не ожидала, у меня чуть колени не подкосились, и я невольно схватилась за сердце. В пути я надеялась, что Тома Бикашвили в деревне нас встретит.

Прежде чем войти в дом, Саба соседкам представился. Женщины своим оханьем и аханьем всполошили всю деревню. Они вошли вместе с нами в дом, быстро все прибрали, подмели, почистили. Кто вино притащил, кто — хлеб, кто — мясо. Снял с седла свой

хурджин со снedyю и Саба — стол был накрыт... «В этом печальном доме вновь должна зазвучать песня», — говорили настроившиеся на кутеж нислаурцы. А Анано, оказывается, в каждом мужчине, входящем в дом, видела Барнабишвили. Но ее ожидания не оправдались. Барнабишвили в тот вечер не появился, да и мог ли он там появиться?

Теперь Анано думала: «Барнабишвили не пришел, но хоть кто-то о нем упомянет. Неужели ни один о нем не вспомнит?» Но вот прокричали первые петухи и, шатаясь, ушел последний гость, а про Барнабишвили никто не вспомнил, словно не было его на свете. Когда они остались одни, Саба сказал: «С ума, что ли, сошел этот Тома Бикашвили, разве дом рушится? Ни одной черепицы не упало с крыши. Всё здесь, как я оставил!» В конце концов Анано пришлось сказать, зачем приезжал Тома Бикашвили и что просил Сабе передать. Она сказала.

САБА: Если Барнабишвили вернулся, то где он? Почему не явился?

АНАНО: Не знаю. Тома обманывать не стал бы, он прямо сказал — Барнабишвили вернулся.

САБА: Хорошо, пусть так... вернулся... А мне что делать?

АНАНО: Не хочешь с ним встретиться, поговорить?

САБА: А зачем? О чем нам говорить?

АНАНО: Ты же мужчина! Неужели тебе сказать нечего?

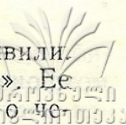
САБА: Ладно, давай спать... Утро вечера мудренее.

Всю ночь Анано не спала... Она с нетерпением ждала рассвета, будучи глубоко уверена, что встреча с Барнабишвили неизбежна.

Саба встал ни свет ни заря и сразу — за дело. Анано увидела из окна, как он седлал лошадей. Потом ускакал куда-то на лошади и, вернувшись вскоре, снаружи позвал Анано — пора ехать. Они наспех закусили и двинулись в путь, ни с кем не попрощавшись. Деревня еще спала.

— Был последний день мая, я хорошо помню, — продолжала рассказ Анано.

Они возвращались той же дорогой, какой приехали. Саба спешил, и Анано тоже приходилось свою лошадь подгонять. Нетрудно было догадаться, что, спе-

ша, Саба хотел избежать встречи с Барнабишвили. Анано так и решила: «Не хочет он этой встречи». Ее прежние страсти как будто улеглись. Она думала о чести Сабы, о том, что грех ему сносить обиду за своего отца безропотно. «Если ему все равно, то чего ради я сюда ехала?» — размышляла Анано. В душе ее вновь проснулись демоны, изгнать которых она не могла.

Спуск они одолели пешком, а у Алазани вновь сели на лошадей. Анано только сейчас заметила, как вздулась и помутнела река. Здесь они должны были взять влево. Но Саба поехал вправо, быстро миновал вязы, свернул вверх по тропинке и остановил лошадь на маленьком, усыпанном цветами пригорке. Внизу, шагах в ста от пригорка, у реки, Анано увидела стоящего к ним спиной человека. Он копал яму.

— Вон Барнабишвили! — показал Саба рукой.

Анано охватило волнение. Загорелся прежний огонь. Но внешне она осталась спокойной и сказала:

— Давай к нему подойдем.

Они оставили лошадей на пригорке и спустились вниз пешком. Барнабишвили копал яму самозабвенно и, как они подошли, не слышал.

— Я же тебе сказал, это Барнабишвили! — засмеялся Саба.

Барнабишвили вздрогнул и резко повернулся, держа лопату в руках.

Был он приземистый, почти квадратный, кругломордый и лысый. С густыми, закрученными наподобие усов, бровями. Маленькие, близко посаженные, бегающие глазки. Прямой, тонкий нос с большими ноздрями. Запавший, как ямка, безгубый рот. Старая рваная сорочка цвета хаки, того же цвета галифе, заправленные в грязные, белые, деревенской вязки, носки. Ноги в старых остроносых калошах...

Таким Анано Барнабишвили и запомнила.

— Кто вы такие, чего надо? — встревоженно спросил он надтреснутым басом, не выпуская лопаты из рук — видно, решил защищаться.

— Мы здешние, нислаурские; — успокоил его Саба.

— Что-то на здешних не похожи, — с сомнением произнес Барнабишвили.

— И ты не похож на здешнего, однако ты здесь... Успокойся, Барнабишвили, и положи лопату. — Саба присел там же и посмотрел Барнабишвили в лицо. Анано он велел тоже: — Присядь, — но она не села.

— Вот. Положил лопату. — Барнабишвили выпрямился, стоя у ямы с опущенными руками.

— Если ты деревья сажать собираешься, помогу.

— Я сам знаю, что мне делать. — Он опять схватился за лопату.

— Чего ты злишься, мы не с враждой пришли.

— Но, должно быть, и не с миром. — Барнабишвили жалко захихикал, и дыхание у него сперло.

— Может, выпьешь водки за утреннюю благодать?

— Я-а-а?.. Никогда не пил, никогда не пил!.. — пробубнил он.

— Так, значит, все, что ты совершил, совершил в трезвом уме?

— Да, все! — подтвердил тот самодовольно.

— Странно видеть тебя спозаранку — да с лопатой в руках.

— Что тут странного? Разве я не тружусь всю жизнь?

— Трудисься, но... Кто бы мог подумать, что тебе придется работать лопатой?

— Да-аа... Кто мог подумать, кто мог подумать...

— Второго такого председателя на свете не сыскать было.

— Ты, видно, и вправду здешний...

— Был здешний; потом собрался и уехал... Но про добрые твои дела не забыл.

— И на том спасибо!.. Свет стал такой неблагодарный. — Тут он понизил голос и шепотом, словно проверяя тайну, сказал: — Сколько я для них сделал, сколько сделал... день-деньской трудился на их благо... а они взяли и весь мой труд в воду бухнули.

— И ты этим светом недоволен?

— Я в этой глухомани колхоз создал, чего им еще?! Кто бы еще в такую дыру поехал? А они все бухнули в воду.

— Как тех лошадей, да?

— Ты откуда знаешь? — сначала у Барнабишвили как бы случайно вырвался этот вопрос, потом он повторил его другим тоном: — Откуда это тебе известно?

— Известно.

Саба четко описал, как выгнали с опушки леса сотню скакунов и как здесь, именно в этом месте, согнали их в Алазани криками и палками.

Барнабишвили сразу обмяк и как-то уменьшился. Он безвольно сел и опустил ноги в вырытую яму, с трудом просунув меж ляжек дрожащие руки.

— Я же признал, что ошибся, — он виновато понурил голову. — Не должен я был продавать их, менять на золото...

— На золото?

— Пристали ко мне, проклятые, и совратили с пути истинного... Кто не ошибался хоть раз? Простите меня.

— Сколько ты продал?

— За каждую лошадь мне дали двадцать пять рублей... золотом... откуда мне было знать, что это контрабандисты, что они коней в Иран продадут?.. Откуда мне было знать, а? Они со мной по-человечески разговаривали, я думал, они порядочные люди, а они контрабандистами оказались.

— Сколько коней спаслось?

— Не знаю... Помню, они отсчитали мне триста золотых пятирублевок. Блестящие были...

— Это ты хорошо запомнил.

— Шестьдесят коней спаслось, — быстро подсчитала Анано.

— Да, наверное, так... — согласился Барнабишвили. — Триста золотых пятирублевок... только не помню, где я их зарыл. Я вам скажу и это, вспомню и скажу...

— А скажи, — спросила теперь уже Анано, — ты и за овец Иотамовых золотом брал?

— За Иотамовых овец? — смущенно улыбнулся Барнабишвили и потупил глаза. — Нет, я взял за них нашими деньгами. Да и кто бы дал за овец золото?

Золото дело другое! Золото... золото... не помню, где я его зарыл...

Саба поднялся с земли и подошел к Анано.

— Золото ищет, — сказала Анано.

— Видишь, в каком он состоянии? — Саба повернулся спиной к Барнабишвили. — Идем отсюда.

— Подожди! — Анано, наоборот, глаз с Барнабишвили не сводила. — И эта мразь справилась со всей деревней?

— Сейчас говорить легко... Давай уйдем! Видишь, не человек он больше.

— Нет, подожди! — Анано сделала несколько шагов вперед. — Барнабишвили!

Барнабишвили повернулся чуть вбок, потом упал на землю и пополз, словно лазейку нашел. Так ползком он добрался до лопаты и схватил ее. «Вспомнил, вспомнил!» — закричал он и с лопатой в руках побежал. Анано на расстоянии последовала за ним. Барнабишвили раза два оглянулся и поспешил убраться прочь...

— Он будто убегал, будто от кого-то прятался, — рассказывала мне Анано. — А я шла за ним, шаг за шагом. Спиной я чувствовала взгляд Сабы. Один раз он даже позвал меня. Остановить хотел, но не смог. Сквозь ветви я увидела, как Барнабишвили остановился у большого вяза, внимательно осмотрел его, дважды обошел вокруг, снова остановился и устоялся на дерево. Потом подошел к вязу вплотную, прислонился к нему спиной и отсчитал семь шагов в мою сторону. Да, я хорошо помню, семь шагов... На седьмом шагу земля словно разверзлась и поглотила его. Я поняла, что нога у него провалилась в яму... Он искал, где копать яму, но кто-то ее уже выкопал. Он притих, потом лежа, как упал, на животе потянулся, засунув в яму голову и руки. Яма была выкопана давно, она заросла травой и сверху была незаметна. Барнабишвили больше не двигался, и я испугалась, не умер ли он в яме. Я позвала его:

— Барнабишвили!

Барнабишвили вздрогнул и высунул голову из ямы, но встать не встал.

Саба еще раз окликнул Анано: «Уйдем отсюда».

— Барнабишвили, помнишь Иотама? — не уни-
малась Анано.

— Иотама?

— Помнишь или нет?

Барнабишвили не ответил.

— Это Саба — сын Иотама!

— Иотама я не убивал.

— Это сын Иотама! — еще раз повторила Анано и показала рукой в сторону Сабы.

Барнабишвили даже не пытался встать, он лишь поднял голову, осмотрелся кругом и, не оглядываясь, двинулся к Алазани, вприпрыжку сокращая себе путь к реке. Добравшись до берега Алазани, он за долю секунды, не успели они и глазом моргнуть, прыгнул в реку, как лягушка, на которую замахнулся палкой мальчишка и которая плюхнулась в воду, чтобы спастись... Он словно смешался со своей стихией, нашел путь к спасению, единственное убежище...

Пораженная, Анано смотрела на поверхность реки, ожидая, что вот-вот голова Барнабишвили высуется из воды.

Напрасно.

Вдруг она услышала голос Сабы:

— Этого ты хотела?!

Как могла Анано подумать, что слышит голос Сабы в последний раз. Домой они вернулись в ссоре, за всю дорогу слова не проронили.

— Он проводил меня до дому, — рассказывала Анано, — даже не попрощался, не взглянул на меня, ушел и увел лошадей. Ушел молча. После этого я его не видела, больше он не приходил... Вскоре началась война.

Глаза Анано наполнились слезами, но удивительно: ни одна из них не скатилась. Слезы так и высохли, не пролившись, словно горечь и мука впитали их.

Я вышел в большую комнату, бесцельно покрутился, потом подошел к окну, выглянул на задний двор: перед саманником копошились куры, и только теперь я вспомнил нашего красного петуха, который, взмыв на саманник, изменил цвет и улетел.

Окончание следует

НАД НАМИ

Ну что же, годы, догорайте —
Конечно, мы уже не те,
И скоро смену декораций
Судьба затеет в темноте,

В бездонной дали гулкой сцены,
Как бережливости пример,
Страданий реквизит бесценный
Сгодится для иных премьер,

И вновь затеплится огнями
Крутая тропка на Парнас...
Поэзия всегда над нами,
Коль скоро пребывает в нас!

МИРАЖИ

Ишачий мост, Шайтан-базар
И винный холодильник в подвале —
Я столько раз о них писал,
Но воскресить смогу едва ли.

По тем камням не ступать,
Не потревожить зыбких граней,
Как марево, они опять
Струятся в памяти бескрайней,

Они не сами по себе —
Им быть приметой очевидной
В какой-то горестной судьбе
И в чьей-то более завидной,

Теперь в ходу иной фасон
И век другой, но, может статься,
Им провожать в последний сон
Уставшего от жизни старца...

Шайтан-базар, Ишачий мост,
В ничто ведущие ступени —
Здесь время заступило пост,
И на мосту танцуют тени.

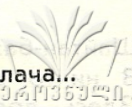
ՀԱՅԿԵՅՑԻ
ՆՈՅՆԻՐԱԳՐԱԿԱՆ

Прощай, майданский минарет,
Прощай, жеманный менуэт
В рокошущей душе рояльной —
Когда ушедших в мире нет,
Их свет и боль еще реальней...

ВОПРОШАЮ

Бочка в гору тащилась
по выбитой в скалах спирали,
И вальжные девы
вовсю керосин разбирали,
Он из крана бежал
непрерывной приметой былого,
Он в бидонах дрожал,
облака отражая лилово,
И в подъезды, растворы, дворы
уплывали бидоны,
В колготню детворы,
где цвели и царили мадонны,
В нежно-розовых мочках
трепыхались сережек росинки,
И, как быта устои,
сияли теплом керосинки..

Но скажите, что вечно
в этом мире жестоком и светлом?
Все уносится ветром,
безбрежным безудержным ветром,
Все, что было шершавой
реальностью, явью и былью,
Посыпается в памяти
пеплом библейским и пылью,
Мы ругаем эпоху,
но время ни в чем не повинно —
Просто с прошлым расстаться
мешает души пуповина,

И приходится память
калечить, стенам и плача...
Где хромой керосинщик?
Где его разноцветная кляча?

ВАШ ДРУГ И БРАТ

(Из трех напевов тбилисского ашуга)

Идет добра со злом война,
И не ее ли в том вина,
Что скорбно-весел без вина
Ашуг Саят-Нова,

И камни что в него кидать,
Когда он жизнь готов отдать
За вашу честь и благодать —
Ашуг Саят-Нова?

Он стар, как долгий счет утрат,
Он свят, как свадебный обряд,
Он песни раб — ваш друг и брат
Ашуг Саят-Нова,

В его стихах весь мир воспет,
И нет таких на свете бед,
Чтоб стал покорен им варпет —
Ашуг Саят-Нова...

Для тех, кто в мире нищ и сир,
Разломит он свой хлеб и сыр,
Воспрянет из последних сил
Ашуг Саят-Нова,

И песня будет, как оплот
Для тех, кто ввергнут в топь болот —
Для всех, кого зовет в полет
Ашуг Саят-Нова!

ЗЛАТЫЕ ГОРЫ

Были когда-то и мы рысаками,
Грудью морозный туман рассекали,
Но постепенно, как вы угадали,
Горки крутые и нас укатали,
Выстудил ветер забвения горький
Те золотые закатные горки...

Русые пряди на лоб выбивались,
Радости ради слова выпевались,
Но по дорогам надежд и смятений
Все удлинялись закатные тени,
Горше усталость, душа истомилась —
Что же осталось, скажите на милость?

Были когда-то и мы рысаками,
Грудью пожары зари рассекали,
Жизнь, отшумев, пронеслась стороною —
Все же помянем, потрянув стариною,
Отзвук стихающий плача и смеха,
Долгие тени и дальнее эхо...

Бешеной скачке — успеха, успеха!

ОСЕНЬ

Пора утрат, пора дождей,
Где в каждой капле безнадежность
И в то же время неизбежность
Судьбы моей, судьбы твоей.

Где робкий листик тополей
Во власти ветреной погоды
Приемлет позднюю свободу
Любви моей, любви твоей.

Где так далёки и близки
Гудки летящей электрички,
Как будто эхо переключки
Моей тоски, твоей тоски.

ОЖИДАНИЕ

Только с ней
Приходит этот запах
И растёт трава на дне оврага..
Даже наша старая дворняга
Мчит к весне
На тонких белых лапах.

Всё вокруг
Забилось жизнью новой —
Потянулось ввысь, к лучам поближе..
Торопись! Мы ждем тебя — иди же,
Хмель акаций,
Вишен сок лиловый.

Поскорей
Разлейся над Тбилиси
Свет любви, таинственный и нежный..
О тебе, весна, все наши мысли —

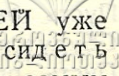
Пусть быстрее
Сбудутся надежды,
Пусть прохожих
Не торопит ветер,
Громко плача о прошедшей стуже...
Ведь, по правде, больше всех на свете
Нам весенний этот запах
Нужен!

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Я был тогда совсем еще малыш,
Но словно бы вчера случилось это:
Стоял апрель, стекали струйки с крыш,
На стенах суетились блики света...
Мы жили в комнатухе без окна
И спали в сутки пять часов едва ли,
А к нам все ближе двигалась война,
Все жалобней сирены завывали.
И редким праздником был сладкий чай,
Кусочки сахара в стекле буфета,
Оставленные мамой «невзначай» —
Она «уже пила» сегодня где-то.
Но вот однажды мама привела
Домой девчонку в стареньком берете,
Вздыхнула и сказала: «Ну, дела...
Нет у ребенка никого на свете...»
И стали вместе жить мы с этих пор:
Делили хлеб, друг другу помогали
Сносить золу печи на грязный двор
Да щепки собирать в сыром подвале...

Сестры моей давно на свете нет,
И тяжело для души такое бремя,
Но если я хоть чуточку поэт,
То начинался в то святое время.

...СТАРЕЮЩЕЙ уже
женщине сидеть
ночью над тем самым
местом, под орешником,
где в первый раз она
мягко опустилась на
желтую летнюю траву...

...Он сегодня спустился с гор — из селения Альпийское — продавать сыр. Когда ему сказали, что прибыла его старая знакомая, он бросил продавать сыр, бросил базар и прибежал к мягкому доступному интеллигентскому ложу и жару. Расположенному вдоль орешников. Это потому они растворяются друг в друге — в хижине пастуха, в горах, среди сладкой хурмы... Протянуть руку с деревянного, грубо отесанного топором пола; поднять руку от коровьей шкуры, на которой лежать вместе с пастухом и есть, кушать упоенно, захлебывающе, пока пастух спит. Наслаждаться этими сочными, сладкими плодами, с голодухи, вдали от большого города, где нет этой сочной, сладостной, красновато-белой энергии, когда можно есть вместе с кожурой, запастись вдоволь этой сладчайшей в мире энергией, которой так недо-

Константин ГЕРДОВ

СЛАДКОЕ

ЛОЖЕ

ОРЕШНИКОВ

Рассказ

стает стареющей худенькой женщине в северном крае, краю. А хурма такая огромная, большая, в рот не лезет, но тянет сладость; и тогда откусывать, оттягивать губами края, пока не уменьшится плод. Пока не уместится во рту, как корабль, исполненный смысла. Плывет, живет внутри океана, океанских волн, вод. И то, что ушло — немного протекающей энергии — сразу восполняется соком хурмы, уже отстоенным, освобожденным от жидкости. Хурма давно сорвана, подсыхает, совсем не осталось влаги, один сахар, тает во рту.

...Тогда еще бабушка была жива. К ней однажды пришли двое мужчин, спустились с гор, поросенка выхолостить. Бабушка, горбоносая, сутулая латышка, высокая, в вечном чепчике, чернеющем на седой голове, с манерами интеллигентной женщины, много лет прослужившей горничной у господ в городе Сочи, — была лучшим «операционным фельдшером» на всю округу. Опасную бритву, предназначенную для мужской бороды и усов, она приспособила для выкладывания поросят, хряков. Бабушке была близка и понятна земля, поэтому она всех знакомых и незнакомых, кто мог оказаться гостем, приглашала в дом, усаживала во дворе на стулья и подносила каждому гостю стакан вина и закуски: фрукты, хлеб, котлеты, соленое, маринованную прасу — зеленеет неистово стебель, но белеет корень, смачный, жирный, тугой.

И вот когда бабушка и двое мужчин, спустившиеся с гор, разговаривали о деле, бабушка и позвала свою родственницу из Москвы — покушать, потому что все уже было на столе. Соленая пряная праса с корневищем белого цвета и молодая картошка.

Так хорошо и близко было земле видеть красивые ноги курортницы, которой не было еще и сорока пяти. Профиль ее и тело рассеивались по густой траве и почти не образовывали тени — такой была стройной и худенькой немолодая уже женщина, вдова. Как будто не прогибалась трава и не образовывала следов — так легко ходила курортница-портниха. Пастух Алекса это сразу отметил и показался себе коршуном и голубем одновременно. Он не сводил глаз с женщины, которая не задерживала свет, а только делала его доступнее. Потом мужчины отошли от стола, захватили

с собой поросенка, который лежал возле дерева. Отдалились от глаз возле орешника, территория двора освободилась и от бабушки, осталась только курортница. Стала разглядывать пустырь, стол, неприбранную еду, оставшиеся прасу, куски хлеба. Но было уже время тосковать от уединения. Поэтому свету было уже разглядеть за орешником, на горячей желтой траве, пересыпанной пылью от возившихся в земляных ямах кур, — поросенка, которого держали двое мужчин, один был Алекса, он и держал задние ноги хряка. Другой мужчина держал пасть, чтобы поросенок не визжал и чтобы визг не перешел, не переходил в крик неистовый. Бабушка сидела на корточках и вылаживала поросенка. Чуть простояла, посыпала урезанную кровотокающую часть золой, которую принесла в стаканчике из кухни. Надо сказать, что бабушка наша каждое утро и каждый вечер протирала этой золой, водой, отстоянной на этой золе, настоянной, свои глаза, промывала. В лет тридцать уже ходила в очках, была близорукой, без очков нитку не вдевала в иглоку. Но кто-то надоумил бабушку, рассказал ей, как спасти глаза; бабушка послушалась, несколько раз промыла глаза, и болезнь как рукой сняло. У горцев, людей, в горных краях живущих, тоже острые, сильнейшие глаза даже в старости у многих. Это оттого, что часто жгут костры, возле костров живут, кормятся, готовят еду, и дым этот, например, ольховый, очень полезный для глаз, целебный. Это потом стало азбучной истиной, книжной, но вначале люди все применяли на себе, примеряли на себя. Бабушка некоторое время подержала поросенка в горизонтальном положении, на спине, чтобы зола впиталась в рану и способствовала стягиванию разрушенной в этом месте кожи, плоти.

...Летний день постучался в окно. Никто не открыл, и день отошел в сторону подождать. Сейчас он ограничился и почти ничего не видел. То есть как только вошел в калитку, он стал гравием тропы и двумя рукавами цветов. Может, и не стоило быть этим днем. Пришедшим издали переменным шагом — нужно заканчиваться. Пропылиться. И быть лицом одного дня. Разностью любых перекрестков. Ребенком, познавшим превращение...

Жизнь земного шара, земного мира всегда фокусируется на том месте, где останавливается взгляд женщины, мужчины, мальчика, дерева, дождя. Как просеивается конус и вбирает в себя широкие глаза, превращая их в острие. В этом не было никакого открытия, но память плясала воронками яркого света, и эти воронки были отделены друг от друга месяцами, полугодиями, и память жила только тогда, когда встречались пастух Алекса и курортница-портниха, модистка.

Пастух Алекса — низкорослый армянин в широкополой шерстяной шляпе, в сапогах — даже летом — из невыделанной коровьей кожи; с явно выразительным лицом, всегда небритым, чуть побитым красными прожилками, как ручейками, протекающими из глубины тела, из главной артерии — сердечной.

...Этих воронок, этих кустарников в глуши лесов прибрежных, приморских было немного, но они были так ярки в жизни иссякающей и стареющей женщины. Тем более, что это была последняя привязанность женщины к мужчине, как к самому заветному счастью, тем более, что модистка старела и в большом городе вот уже несколько лет на нее никто не заглядывался. С некоторых пор она стала проносить пустую душу и пустое сердце от дома к месту работы, к своей стрекочущей машинке, когда никакой мужчина на ней не останавливал глаза. Тонкие мерцающие линии, серые пятна, пляшущие на шоссе, мокром, цветном от проходящих телег, машин, фаэтонов, — фаэтонов, которые для разнообразия веселили жизнь большого города былым. Шоссе опускающихся оврагов, в которые прятался день от бомбежек, посторонних присутствий. Когда светом был один, долгими часами настороженный лик, стлался колдовством, заколдованностью. Грузеными военными менялся лицом гудрона, менялось лицо гудрона, лицо шоссе, разлеталось на выровненные трассы, выхолощенные, блестящие, бездушные, ночные. На это уже не обращалось внимание. Их не было. Там был постоянным присутствием — пока длится машина. Секундами меняющихся теней, поворотов, разнообразием цвета, фиолетовым карандашом накрашенных

век, щек, грудей. Реками порогов, несущихся жесткой кабиной пролетающих деревьев, горных рыб, кабиной зацепившегося стекла. Женщина прихорашивалась равниной, текла долгими горизонтами, легко одетая летними травами, одетая в легкие зеленоватые травы, строгая поджатостью губ. Клеткой, накладывающей друг на друга исписанные листы никогда не прекращающейся работы. Далеко видеть оставалось недолго. Территория дня сужалась. Лечь окружением безвыходных гор. Снеговой вершиной распластаться. Смотреть свои воздетые кверху небом множественные руки каменных утесов. Ложных ущелий, которых нет, если они воздеты наговором, бессмыслицей, сплетней. Постоянно падать альпинистам с разбитых надежных опор, постоянно падали альпинисты с надежных вроде бы скал, испробованных тысячекратно. День остановился неизвестным сроком. Машина здесь уже не тянула. И день уходил назад той же равниной. По ней уже шли тени возвращенных морщин. И уже почти забвение, а тут приезд к жаркому морю, и это поглощение сторающих от тепла глаз пастуха. Ему быть всегда оборванным, в муке, в жирных руках от постоянного сдавливания вымени коровьего, корових, от постоянного пребывания в руках ведер с молоком, когда он, Алекса, синеющими вечерами разглядывал далеко внизу город и горизонты моря, и черные палочки кораблей. Доил возле своего сарая трех собственных коров. И уже пора было зажигать лучины, пока последнюю чужую корову подведешь ко двору хозяйна, хозяйки. Они, как всегда разбросаны, разошлись по двору, по саду — подвязывают лозы, идут из леса, тащат дрова, ствол дерева, потому что подгнил карниз. Над хижиной зажигать небесные звезды, потому что открывать шторы, проводить вечера на лежанке, прорываясь сквозь дым папирос к млечным путям и галактикам. Пастух был мечтатель, проводил жизнь в созерцании света, успевал добывать себе на хлеб колхозным пастухом села Альпийское. Где среди акаций, опускающих корни недалеко от поверхности земли, среди частого потока валунов—деревья успевали прорасти, но падали бы от ветров, если бы не были расположены близко друг от друга и не поддерживались бы ветвями.

Эти воронки света всепоглощающего поднимались от долины и делались продолжительнее, длиннее, потому что по мере возрастания высоты гор конус света охватывал все больший круг предметов, пастуху Алексе надо было все время сосредотачиваться вокруг курортницы, которая зажгла в нем искру, потому что ему тоже было тоскливо на свете. Он уставал среди мира просто природы, деревьев, кустарников, облаков и хотел общения, чтобы над ним тоже склонилась рука, ладонь женского тепла.

Быть среди хижины, за ней начинаться густой грядой, полосой леса, темнеющего к соснам; собирающего к себе смолу, темные овраги, каменистое дно ложбин. Там можно остаться от ветра и холода с коровами и козами, и наигрывать на свирели. Выпускать палочки света, пунктиры световых линий — как они разойдутся по свету, как рассядутся вдоль полян, сосновой хвои. Потому что Алекса не хотел, чтобы полосы блистающего свечения расходились далеко, невидимо глазу. Те чарующие звуки, что издавала свирель пастуха, должны жить вблизи. Чтобы можно было всегда собрать, превратить в воронку и разглядывать у фокуса — появится ли волшебное видение, заветное в лице курортницы, ее крыльев к нему просвечивающих от стрекоз — к нему, к пастуху в вечных кожаных, из коровьей шкуры, штанах. Их было у него несколько пар, они висели по всей хижине, провисали во дворе под виноградниками, подсыхая от жирного молока, запаха коровьего навоза, перемешанного с розовым цветом разбивающихся о штаны переспелых, падающих с небес, с деревьев, виноградных зерен.

День шел дальше, это теперь могло длиться сколько угодно, до того горящего здания, горячей хижины, где могли прятаться в древности, в древность разбойники. Дни разрастаются исчезновениями. Это вечный фотограф — неускользающее существо глаз. Заканчивается пеленой сгоревших кассет, пустынных пожаров на долгой измороси укrywшихся — под плащ-палаткой, под огромным цыганским сводом перепончатым — дождей. Давно уже мокрый от простуд пергамент. Почерневшим костром отогреться. Разрушенной

крепостью выбиться, прядью прыгавшей с камня на камень зеленой ящерицы. Пройденным расстоянием чертиться, не исчезнуть царапиной; продолговатым закутаным днем оглядеться протянутостью снеговых вершин отмороженных пальцев ногтей. Когда вечером день уже был далеко, он долго отмачивал свои пальцы, которые нес с собой с тех же снеговых вершин, потому что пока пальцы не отойдут, он не мог расстаться с ними. Он держал их в банке с водой. Пальцы тихо оттаивали. Это было видно по тому, что вода в банке становилась холоднее. Это могло продолжиться до равнины, куда ни в коем случае нельзя приводить, нельзя неволить к долинам далекие вершины снега, прятанных трубок, это когда начинается пурга, и вершины как будто прокуривают себе дымоходы для дыхания изнутри пещер, изнутри колдовских чар, гротов. И чтобы этого не случилось, чтобы по-прежнему длилась погода ясная к милосердию и появлению надежды в лице тоскующей женской любви, — он снова, как и прежде, достал из кармана перочинный ножик и состругал замерзшие пальцы, состругал куски каменных глыб. Они откололись и ушли приводить в порядок свою местность, которую увезли, унесли, разнесли ветра, разнесли даже убогие ветра, потому что он был болен, ослаблен. Прошло немного времени. Кость была целой. Она в будущем обрастет мясом. И ничего не случилось. Можно спрятать потом в складках проезжающей сосны дупла. Очень высокой, чтобы достать обратной дорогой, неизвестно насколько способной продлиться. Было не очень надежно. Потому что вершины исчезли в пихтовых лесах. Таких превращений, ни к чему не успеваешь привыкнуть. Неустановившимся бродом миновать — перебежавшим зайцем. Гадюкой свихнутой развилки. Озером. Последним постоянным штрихом, привычкой мало обращать внимание, привычка скользит налегке.

Курортница тоже в свою очередь представляла себе лицо пастуха, являлась к нему в дом, весь день проводила на его роскошном ложе, дожидаясь мужчины, когда он въедет во двор на лошади, спрыгнет, сбросит уздечку, привяжет к стойлу и бросится сломя голову в дом. В это время кожаные штаны Алексея, сшитые им из павшей коровы или недавно зарезан-

ной кем-то из односельчан, — кажутся пастуху мягкими и податливыми. Скорей, скорей освободиться, освободиться от нагрузки, от перегрузки, от одежд, которые мешают телу соединиться с дождем, с солнцем, с ветром. Вдыхать обилие мира обнаженным, обнажение тела и есть самое естественное состояние, если бы человек не стал бы уже многие тысячелетия отдаляться от природы; обнажение никуда бы не ушло, если бы человек не возомнил себя хозяином на пути земном. А ведь он всего-навсего равный среди равных, среди озер, среди птиц, среди букашек, среди деревьев, среди рек. Быть к человеку снисходительным. Ведь озеро, река совершеннее. Уничтожить в себе даже малое преимущество среди мира живого, и только в этом случае человеческая особь выживет среди борьбы и труда, не будет погребена под звездами, которые она хотела себе подчинить... Еще чуть движения, и все обнажено... нежится сердце — и мира не хватает для хижины. Хижина во время любви углом дома пробивает земной шар, оболочку, и провисает над бездной другой галактики. Так царственно в этих горных селениях, расположенных к воле, к лесу, к диким зверям почти прирученным, потому что в голодное зимнее время берут еду из рук. Здесь можно подстрелить сердце даже косули, но Алекса никогда не убьет дикое животное. Он даст ему жизнь, продлит. Только ударит концом кизиловой палки о сосну, чтобы издать предостерегающий звук. Что нельзя близко подходить ко всем горным селениям, нужно выбирать дома, где подают как брату, а не как милостыню. Но курортница долго не выдерживает среди света керосиновой лампы, среди аромата папоротника, которым застелены деревянные полы, не выдерживает среди ковшов жирного молока и пересохшего черного хлеба. Сначала курортница гордится экзотической жизнью для нее и извечной, библейской для пастуха. Издавна заведенной и пленительной, как зеленые куски морской воды среди синей бесконечности. Так плыть, плыть среди синевы моря и взбираться, попадать в зеленые, на зеленые острова, в массы воды, и взбираться на них, подниматься как на холмы, где можно отойти душой

и не пугаться бурь, катаклизмов. Много таких островов в сердце пастуха. Так отдыхает курортница-модистка, Клавдия Утюгова.

Она покидает через некоторое время хижину на курьих ножках, пропахшую молоком коров; и молоком и прелестью ее, курортницы, едкого стареющего тела. Пастух Алекса запомнит место ее любви, их любви, что располагается, расположено возле царских нагорных врат, чуть выше, на бедрах гористых, труднодоступных для людей долин, но легких для преодоления для горца, горцу. Живет, мерцает возле царских врат, утех коричневатого-серебристого пятно, тропа живет мерцательная бисером и жемчугами, огромный кусок леса, может быть, каштанового, потому что коричневого, кусок огромного резервуара, так похож на материк африканский, американский. Пастух Алекса зимой пришлет курортнице посылку — орех фундук. Курортница будет беречь орехи и поедать по одному в день, приближающийся к вечеру, когда день коричневеет, словно подернут инеем, но под инеем живет пульсирующая плазма. Медленно разгрызает по одному, чтобы последний орешек припасти опять же на любимый дом, выделенный из гор и раскинувшийся как маяк. И может покраснеть черепицей. Пастух весь год готовится к этой встрече и благоустраивает дом. Недалеко от глаз проходят быки и медленно рассыпают белую морскую гальку на дорожки сада, где скоро окажется изящное тонкое тело, которое не оставляет тени, если его вывести за виноградник.

ГАРДАБАНИ В ПРИЗМЕ ФАКТОВ

«В аграрном секторе нужен решительный перелом, чтобы уже в двенадцатой пятилетке заметно улучшить продовольственное снабжение».

(Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии).

НАСТУПИЛИ трудовые послесъездовские будни. Делегаты XXVII съезда КПСС вернулись к своим рабочим местам с ясной и четкой программой предстоящей деятельности. Среди них и один из героев моего очерка «Гардабани в призме фактов» — первый секретарь Гардабанского райкома партии Отар Бокерия.

Выступая на XXVII съезде Компартии Грузии, Отар Бокерия взволнованно говорил обо всем, что касается подъема сельского хозяйства, обо всех наболевших проблемах.

«...Сегодня партия призывает нас сосредоточить внимание не на локальных успехах, а на нерешенных проблемах, недостатках, мешающих нам, — сказал он. — Поэтому главный разговор сегодня—о тех возможностях, которые мы еще далеко не исчерпали, о резервах производства.

* Публицистика Мирона Хергани (цикл очерков «День начинается с рассвета») была отмечена премией Совета Министров Грузинской ССР «Летопись пятилетки» за 1984 год. Мы публикуем сокращенный вариант очерка «Гардабани в призме фактов», вошедшего в этот цикл.

К примеру, мне, как первому секретарю райкома партии, хорошо известно, что в бригадах, работающих на подряде, дела идут намного лучше, чем в обычных. Выработка на одного рабочего в них возросла в два раза. Между тем число таких бригад растет медленно и не превышает четвертой части от общего количества. Если бы райком партии, хозяйственные органы уделяли этому вопросу больше внимания, положение было бы намного лучше».

Мне вспомнился наш разговор с Отаром Бокерия, который произошел в ту пору, когда я собирал материал для очерка о Гардабанском районе. Серьезно и глубоко задумывался он тогда над тем, что на XXVII съезде КПСС было определено как основное направление в развитии сельского хозяйства — изменение социально-экономической ситуации на селе, создание условий для более глубокой интенсификации, гарантированное производство продукции, экономические методы хозяйствования, расширение самостоятельности и повышение ответственности колхозов и совхозов.

Разговор в Гардабанском райкоме партии

Автор: Что Вы могли бы сказать об основных направлениях интенсификации производства? Глубинные замыслы, заложенные в любой идее, находят свое выражение в смелых экспериментах. Как вы намерены осуществить задуманное?

Отар Бокерия: Прежде мне хотелось бы отметить то обстоятельство, что из-за несерьезного отношения к агротехническим мероприятиям районное хозяйство теряет большое количество продукции — зерновой, овощной, зеленой массы и другой. Аналогичное положение и в отрасли животноводства. Одним словом, мы не используем землю с должной эффективностью. Наряду с другими факторами одной из важнейших задач в этом вопросе считаю усовершенствование формы организации труда, я имею в виду формирование безнарядных бригад. В текущем году мы сформировали по всему району одиннадцать таких бригад по добыче кормов и в овощеводстве. Бригадам даны конкретные задания, фонды зарплаты, премий. Бригада работает в соответствии с общим планом, а зарплата распределяется самими членами бригады с учетом трудового участия каждого. Это обстоя-

тельство полностью меняет организацию труда и характер вознаграждения. Возрастает заинтересованность каждого отдельного члена бригады в общем деле, в человеке формируется чувство высокой ответственности, бережное отношение к технике, воде для орошения, удобрениям, расходованию горючего. Члены бригады стараются обеспечить высокие показатели при минимальных затратах. Примером тому могут служить безнарядные бригады и звенья, сформированные в нынешнем году в Марткопском, Телетском, Руисболотском и других совхозах в овощеводстве. В Марткопи, например, в бригаду объединилось 17 членов, в основном молодые люди. Во главе бригады встал механизатор Антон Читрикашвили...

В безнарядных бригадах производительность труда в сравнении с обычными бригадами возрастает, по крайней мере, в 2,5—3 раза. В обыкновенной бригаде человек ответственен лишь за проделанную им работу, в безнарядной же он должен учитывать интересы всего коллектива, должен думать об общем деле, о товарищах, о том, чтоб не подвести их. Кроме того, что изменились экономические показатели, эта новая форма работы воздействует и на очень важные моменты морально-этического и нравственного характера; следовательно психологический аспект этого явления также весьма интересен и значителен. Что же нам мешает раскрыть широкие просторы для этой новой формы организации труда?

В ближайшем будущем мы ощутимо увеличим количество таких бригад по всему району. Когда я говорил о перспективных планах и приводил цифры, свидетельствующие о нашем росте, то возлагал определенную надежду и на эти бригады.. Смело можно сказать уже хотя бы об одном том, что у безнарядных бригад в сравнении с обычными действует более усовершенствованный, отработанный механизм планирования, организованности и стимулирования. Эти три важнейших элемента — основа для получения лучших конечных результатов.

* * *

С Гиви Киреулишвили, возглавляющим партийную организацию в марткопском совхозе и сопровождавшим меня по многим маршрутам Гардабанского района, мы добрались и до марткопского поля, чтобы познакомиться с перспективной безнарядной бригадой и ее руководителем Антоном Читрикашвили.

Члены бригады работали на ветрозащитной полосе — выкорчевывали старые и высохшие тополя. Неподалеку стоял грузовик, который наполнялся уже напиленными дровами. Работали люди слаженно, ритмично и даже в их движениях ощущались какая-то внутренняя согласованность, уважение и бережное отношение друг к другу. Они перебрасывались веселыми шутками, жизнерадостно подтрунивали друг над другом, но ни гвалта, ни шума не возникало, будто все уносилось ветром.

— Здравствуйте, ребята, — обратился к бригаде Гиви. Потом, обернувшись ко мне, сказал, что поистине у Антона в бригаде настоящие молодцы. — Да они и впрямь все молодцы, — говорит Гиви, — разве дяде Алекси можно дать семьдесят?..

Дядя Алекси самый пожилой в бригаде, но ни походка, ни движения — он легко скидывал бревна — не выдавали возраста.

— Отгадай-ка сам, кто вожак среди этих семнадцати? — спросил меня Гиви.

— Вот тот великан, — сказал я и указал на богатыря в сванской серой шапке, несшего на плече бревно так легко и грациозно, что оно казалось невесомым. В этих эпитетах нет ни доли преувеличения. Антон — косая сажень в плечах — и впрямь производил впечатление великана, такими выглядят обычно в фильмах герои мифов — исполины, Геркулес, Амиран... Но одно — внешние параметры, а другое, проявляющаяся на фоне этих физических данных внутренняя энергия, интеллект, сообразительность, гибкость и лаконичность, свойственные современному человеку. Все эти приметы в облике Антона Читрикашвили были настолько открыто выявлены, что не нужно было вместе «съесть пуд соли». Не копаясь в житейских мелочах и трудностях повседневного общения, без расспросов окружающих и близких ему людей можно было составить о нем представление. Ведь есть же люди, у которых «опознавательные знаки» написаны на лбу. И у Антона, наряду со всеми вышперечисленными добродетелями, трудолюбие и человечность, честность и простодушие были написаны на лице. Он был истинным лидером в своей бригаде.

Когда члены ее узнали о цели нашего приезда, приостановили работу и, отряхнув одежду, пошли нам навстречу.

После приветствий, представлений и короткой беседы выяснилось, что Антон и его богатыри были заняты не со-

всем обычным делом. На мой вопрос — для чего им нужны бревна, чем же они занимаются — дядя Алекси ответил, что всякое большое дело начинается с малого, и мы, мол, тоже сначала должны построить здесь поблизости какой-нибудь пристанище, домик, чтобы можно было работать в поле не только летом, но и зимой. Летом он даст нам тень, зимой же — тепло, в нем можно передохнуть. Да и при сегодняшней погоде не отказался бы человек перекусить в тепле, под крышей.

Безнарядная бригада строила для себя пристанище, и это было символично в начинании того дела, за которое она принималась. Когда эта бригада образовалась, стоял апрель, нужно было срочно осваивать плохо ухоженные площади, вспаханные и засеянные другими. В эту горячую рабочую страду было не до строительства пристанища. Антон и его ребята прокладывали совсем новые «пути-дороги» в незнакомых «дебрях» хозяйства и не ведали толком, куда же они выведут их — к обрыву или в оазис. Двигались вслепую, опираясь лишь на интуицию и чутье, а оглядываться по сторонам не было времени. Теперь же, когда завершили одно дело, уже осмотревшись, стали готовиться к будущему.

Одним словом, по всему было видно, что Антон и его ребята на марткопском плато готовились к длительной «битве». Слово битва в сочетании с Марткопи возникло не случайно. Ассоциация вызвана, видимо, известным историческим событием, происходившим на марткопском поле. Хоть и была совсем иной битва Георгия Саакадзе с врагами, чем схватка Антона Читрикашвили с землей, но и то, и другое — не что иное, как битва — разноликие проявления борьбы за благоденствие своего народа. А сам Антон даже внешне походил на старинных грузинских полководцев. Не конкретно, конечно, на самого Георгия Саакадзе, Торнике Эристави или, если угодно, Баши Ачуки и других, а вообще, просто своим обликом напоминал полководца. Правда, сегодня, к счастью, вокруг царил мир, и ясноокое светило, хотя и лишенное осенью активности, все-таки достойно держалось на небосводе, даря нам жизнь.

Древние источники свидетельствуют, что деревня получила название Марткопи в VI веке в честь святого отца Антона Мартомкопели. По сведениям замечательного грузинского историка и географа Вахушти Баграткони, «и обосновался здесь он (один из тридцати), отец Антон, и построил здесь монастырь, и сам он немного поодаль жил в пе-

щере в одиночестве. Отсюда и возникло это название — Марткопи (марто мкопи, то есть «находящийся в одиночестве»).

Четырнадцать веков тому назад, до прихода отца Антона, деревня называлась Акриани. В связи с этим в «Картлис цховреба» сказано, что святой отец Антон «прошел реку Мтквари (Куру) и поселился на востоке меж четырех миллионов расщелин в скалах, посреди гор Акриана». Известный грузинский историк Платон Иоселиани прямо заявляет, что «Марткопи раньше было известно под названием Акриани».

«Что же касается нынешнего Марткопи, то эта деревня удалена от старого ее месторасположения на три-четыре километра к югу. Изначально Марткопи (Акриани) располагалось на южных склонах горы Иално и на равнинных местах от Чопортского ущелья до святого монастыря» (Ушанги Сахлтуцишвили. «Топонимика», 1 том. Изд-во Тбилисского ун-та, 1976).

— Марткопское поле — так оно называлось до 1625 года, до победы Георгия Саакадзе, — сказал Антон, — а потом народ стал называть это место «Улевари» — «неиссякаемое».

— Это почему же?

— Да потому, что враги не иссякали. Войско у неверных было огромное... Вот и назвал народ так это поле. А теперь мы, называя его «неиссякаемым», вкладываем в это слово иной смысл. Например, здесь должен быть неиссякаем урожай. Раз уж назвали наши благословенные предки это место «Улевари», значит предвидели многое... Будем трудиться... Раз уж взялись за дело, нельзя срамиться, подводить совхоз..

Антон Читрикашвили оказался возвращенцем из города. Где только он ни работал — и в системе водного хозяйства, и в Геологическом управлении, и во многих других местах. И дела шли у него в городе, с его же слов, не так уж плохо, но всем сердцем тянулся он сюда, в деревню, к родным, к чему привык с детства.

— Молодой человек, как необъезженный конь. Мечется туда-сюда, как угорелый, — вспоминает свою молодость Антон. — Буйствуя, он может и в пропасть угодить, как жеребец, не желающий подчиниться хозяину. Жизнь — великолепный объездчик. И некоторых из нас она объездила.

Вернулись мы в село. Ведь говорится, человек на ошибках учится... А я хочу, чтобы наши дети с малолетства научились уважать село и землю. Вот они оба и ходят со мной. Старший сын — уже полноправный член бригады, а младший помогает нам добровольно, наверное, хорошо ему здесь с нами... Что может увидеть человек прекраснее честного труда, этой трудной схватки с землей? Тем более молодой человек. В этом ведь, помимо обязанностей, проявляется, в конечном счете, любовь к национальным традициям, любовь к отечеству. Так думаю я, так мыслили мои родители, так думают члены моей бригады, что любовь к отечеству — это, в первую очередь, честный труд, честная работа и умение отдохнуть, и хорошее застолье иногда, не без этого... Хочу, чтобы мои дети впитали в себя все заветы предков. И учиться нужно, но насильно заставлять — не годится. В последнее время мы принуждаем наших детей поступать в вузы, совсем не задумываясь над тем, кто же возьмет в руки мотыги, грабли, плуги... Машины — машинами, но урожай — дело рук человека. Уже сегодня не хватает возделывающих землю людей, а что будет в дальнейшем? А когда совсем не останется «необразованных» крестьян... К примеру, угодья, нашего села занимают площадь в 9 тысяч гектаров, а трудоспособное население составляет едва ли 5 тысяч человек, большая половина которого работает в городе или же сидит по кабинетам в деревне. Что же получается? Сколько человек приходится на гектар? Пол-человека, треть его, а может и того меньше. Вот какая «бухгалтерия» получается! А мы еще удивляемся, что урожай, мол, не тот! Да разве треть человека управится с гектаром? Где-нибудь, может, и четверти человека достаточно, но везде свои условия. У нас с такими возможностями нельзя с уверенностью говорить об обильных урожаях.

— Что же делать нашей молодежи? Не учиться в вузах? Ну вот, например, ты не хотел бы своим сыновьям дать высшее образование? — прервал я Антона каверзным вопросом. Мне казалось, что он, по крайней мере, задумается. Но лицо его вдруг просветлело, и Антон откровенно и доверительно ответил:

— Своих я готовлю в механизаторы, но неплохо было бы, если б они сдали в зооветеринарный. И животноводством займутся, и профессией механизатора овладеют. Такие «практические» институты мне нравятся. Кабинетные же специалисты — не очень. Я, конечно, не имею в виду настоящих

ученых, эти пусть приумножаются. Да только вроде получается, что настоящих ученых становится все меньше, а армия бездельников и пустомелей растет. Главное обидно, что бездельничают они за счет вот этих ребят.. — и он указал на членов своей бригады. — Кстати, если будешь писать обо мне, то и об этих ребятах напиши обязательно. И здесь не должен нарушаться наш принцип равноправия. Хорошо бы тебе записать имена всех без исключения.. Это, пожалуй, моя единственная просьба. Рядом — мой сын Зура; а вон тот — Нутзар Джикия, за ним стоят Шота Кахурашвили, Нико Степанашвили. Джемала Гаихарашвили, Малхаза, Тамаза, Автандила и Николоза Батонишвили не пропусти. Трое из этих ребят недавно вернулись из армии. Затем, многоуважаемый, назови Имедашвили, Тариэла Шпетишвили, это тот, что влез на капот грузовика; а самый молодой — Гулвер Мамукелашвили, ему всего семнадцать лет, но ты бы видел, как мастерски он водит трактор. Даже опытные водители ему завидуют. И Отар Мамукашвили вернулся из армии недавно, так же, как и Мераб Гогочашвили, Ираклий Гугунашвили и, наконец, Алёкси Размадзе, которого мы между собой зовем дядя Алёкси, — наши старые «волы», которые еще крепки, и дело у них спорится. Когда нам требуются опыт, сноровка, мы их «занимаем» у Ираклия и Алёкси. А за силой и энергией следует обращаться к этим ребятам.. Потому-то я и попросил тебя записать их имена, они достойны.. Некоторым не привыкать, их имена все время мелькают в газетах, а для моих — это великая радость.

— Ребята — как на подбор. Где Антон собрал таких? — спросил я у Гиви. — Перешли из других бригад? Он, видно, такой надежный, что любой с удовольствием пойдет к нему работать.

— Ни один из этих ребят не перешел к Антону из других бригад. Многие из членов бригады недавно вернулись из армии и искали себе дело по душе. Узнав о намерении Антона, сами попросились к нему в бригаду.. Так что и трудовые ресурсы Антон изыскал сам, оказав этим большую помощь совхозу.

Слова Гиви вернули меня к мыслям о том, что ведь в любом начинании, при введении стольких новшеств, реализации сложных замыслов прежде всего нужны исполнители. На кого рассчитывают, надеются руководители, управленческий аппарат, составляя перспективные планы и проекты интенсификации? Этот вопрос не раз возникал у меня и во

время беседы с Отаром Бокерия, но почему-то я его не задал. В данную минуту Гиви вновь подчеркнул, что проблема нехватки рабочих рук является одной из животрепещущих. На меня буквально накатила волна вопросов, касающихся демографического состояния населения деревни, социально-экономических, культурно-бытовых проблем и много другого.

Разговор в райкоме партии

Автор: Районная продовольственная программа, как известно, наряду с развитием приусадебного животноводства предусматривает и широкое распространение кооперирования общественных хозяйств с населением. Кроме этого Вами намечена программа развития подсобных хозяйств при различных производствах, организациях, учреждениях. Не могли бы Вы рассказать, как реализуется Ваш замысел, с какими сталкиваетесь трудностями?

Отар Бокерия: Мы уделяем большое внимание развитию приусадебного животноводства. Здесь — большие резервы. За последние годы населению было выделено более 3 тысяч гектаров пастбищ, был выдан заем около 100 тысяч рублей для приобретения скота, население обеспечено кормом для животных. Мы пока еще не можем полностью компенсировать потребность в комбинированном корме, но в ближайшем будущем эту проблему разрешим резким ростом производства зерна в районе. Проведенные мероприятия дали желаемый результат. Количество крупного рогатого скота резко возросло. В будущем предусмотрен еще больший рост поголовья скота. Широко распространяется кооперирование населения с общественным хозяйством в области производства мяса. Так что объем мяса, заготовленного способом кооперирования, еще более возрастет.

В настоящее время в районе многие несельскохозяйственные производства и учреждения имеют подсобные хозяйства, которые в обозримом будущем увеличат производство мяса в пять раз. На заводе монтажных изделий так поставлено дело, что в ближайшие два года он полностью сможет удовлетворить потребности своих рабочих в мясе.

Большое внимание уделяется также созданию садово-огородных товариществ. Они занимают 1200 гектаров площади в районе.

Все перечисленное уже успешно внедряется, развивается

и даёт право надеяться, что главный принцип нашей продовольственной программы — удовлетворение потребностей населения нашего района в сельскохозяйственных продуктах в основном за счет приусадебных хозяйств — будет осуществлен. А продукцией общественного сектора мы окажем помощь в удовлетворении потребностей городского населения.

Целый ряд вопросов, как нам прекрасно объяснил Отар Бокерия, являющийся насущным в продовольственной программе, входит непосредственно в ее сферу. Например, проблема резерва, которая непосредственно связана с ранее возникшими вопросами демографии и миграции. В самом деле, близость к городу — весьма искушающий фактор для местных уроженцев. И это явление типично в мировом масштабе, когда оно происходит по «профессиональным причинам», в зависимости от того, какое поле деятельности избирает себе человек. Но есть представители таких специальностей, чей переезд в город лишен всякой логики и оснований, не вызван жизненной необходимостью. Возьмем, к примеру, водителей. Мне сказали, что около тысячи шоферов, гоняющих по городу, уроженцы Марткопи. И это при том, что в Марткопи — одиннадцатитысячной деревне, равной по численности населения одному из небольших районов города, остро ощущается нехватка водителей. А если мы обратимся к специалистам со средним техническим образованием? Сколько из них укрылось в лабиринтах городских учреждений и улиц, залитых асфальтом, погруженных в шум большого города? Им кажется, будто они приобрели пресловутую свободу, надев на головы шапки-невидимки, попали в круговорот современной жизни, а в итоге потеряли непосредственность, человечность, прадедовскую взаимосвязь с землей, ту, что присуща Антону Читрикашвили. И, самое обидное, что из-за этих «перебежчиков» произошло определенное опустение и обеднение деревни.

* * *

Выступая на XXVII съезде КП Грузии, Отар Бокерия заострил внимание на всех этих «больных» вопросах: «Медленно решаются насущные социальные проблемы, — сказал он в своем выступлении. — Район пока еще отстает от соответствующих среднереспубликанских показателей...»

...Всем известно, насколько важно для закрепления кадров решение социальных проблем. Между тем порой не решаются и простые, но для нас очень важные вопросы. Мы

практически не можем выделить людям участок земли для строительства жилья, и это в то время, как в других регионах труженикам села не только выделяются приусадебные участки, но строят для них благоустроенные дома, которые на определенных условиях сдаются «под ключ». Очень трудно бывает объяснить, почему не решается вопрос, который неоднократно ставился нами перед правительством республики».

Беседа с директором совхоза Ангелатом Русеишвили

Автор: Первый секретарь райкома партии Отар Бокерия информировал нас о новшествах, введенных в совхозе. Нам хотелось бы представить общую картину более конкретно на примере Вашего района. Вам, наверное, приходится преодолевать немало трудностей, которые всегда возникают при внедрении всяких новшеств...

Ангелат Русеишвили: Действительно, это так. Всякое новшество внедряется и пускает корни в жизнь с трудом, но наш пример мы, видимо, должны причислить к исключениям. Создается впечатление, будто людям наскучило столь длительное однообразие в хозяйственной системе, они оказались внутренне подготовленными к введению этих новшеств и рады тому, что земля-кормилица вновь обретает былое почтительное к себе отношение. Ведь новые формы, фактически, своеобразное возрождение прадедовских, традиционных форм земледелия, корнями уходящих в прошлое, модернизация и реставрация этих форм. Вот представьте себе сванов, которые, бывало, приезжали в старину в Мегрелию и Гурию на заработки. Нанималась бригада на определенную работу, договорившись заранее с хозяином, и бралась за дело со всем своим умением... Провела она на ниве последнюю борозду, прокопала в болоте последнюю канавку, запустила на только что отстроенной мельнице жернов и тут же получила полный расчет. Хозяину было неинтересно, каким образом работает бригада. По окончании работы он высказывал свои замечания, если таковые имелись, и работники безоговорочно выполняли его требования. Даже расписка не требовалась, договор основывался на взаимном уважении и доверии. Человеческие отношения ценились и в деревне, и в городе, никто не посмел бы обдурить или надсмеяться над приехавшими издалека и тем самым обрушить позор на свою голову.

В наших условиях безнарядные бригады тем только и отличаются от старых форм трудовых отношений, что их деятельность зиждется на общественной основе, носит постоянный, повседневный характер и ее членам нет нужды зарабатывать тридевять земель на заработки. Кроме того, в соглашении предусмотрен и минимальный плановый ориентир и, что главное, совхоз снабжает бригаду всем необходимым: инвентарем, техническими средствами, семенами, химикатами, провололочными заграждениями, топливом, одним словом, всем от «мелочей» до значительных и важных вещей. Если б у наших предков были такие возможности! Этот процесс внедрения новшеств протекает безболезненно оттого, что он происходит на добровольных началах. Я имею в виду существование параллельно и старых форм, то есть обычных бригад. Кстати. Вы уже познакомились с такими — с четырнадцатой бригадой Ахвледзани и с тринадцатой бригадой Шошиашвили. А таких бригад у нас много...

М. Х.: Получается, что безнарядная бригада освобождена от второстепенных забот и фактически занимается только своим главным делом, прямой обязанностью?

А. Р.: Во всяком случае, этим бригадам дают для работы все необходимое, а это уже большая поддержка. Правда, у них возникают затруднения с проведением технологического процесса, но совхоз, согласно договору, должен хоть «в игольное ушко пролезть», но ничем не помешать работе этих бригад, не позволить застопориться делу. В этом заинтересован сам совхоз. Потому-то мы вынуждены готовиться загодя, научно обосновывать некоторые проблемы управления хозяйством. А в будущем, когда расширится сеть безнарядных бригад, шире станет и круг вопросов, требующих научного подхода.

М. Х.: Первый секретарь райкома партии Отар Бокерия подчеркнул значение усовершенствования техоснастки. Как Вы представляете себе эту проблему в условиях марксистской действительности?

А. Р.: Техоснастка, помимо того, что облегчает труд, высвобождает в то же время рабочие руки и тем самым уменьшает дефицит трудовых ресурсов. В последние годы на наших полях произошла настоящая техническая революция. В прошлом году мы попробовали внедрить новый комбайн, убирающий капусту. Раньше о таких умных машинах не смели даже мечтать, сейчас приходится стосовать лишь на то, что их у нас нет в достаточном количестве. Этот комбайн в одну

смену высвобождает 50 человек, дает за день экономию в 150 рублей.

Нами был испытан также и помидоруборочный комбайн. Он на одном гектаре высвобождает труд 120 человек и тоже дает экономию в 150 рублей. В процессе испытания находится «ЭМ-11» — машина, убирающая морковь. Она на одном гектаре высвободит 120—150 человек, даст 300 рублей экономии. Нами был смонтирован и импульсно-автоматический дождевальная аппарат — «Эсит-10», который был завезен из Молдавии мелиораторами. Агрегат этот будет «ухаживать» за площадью в десять гектаров в течение всего сезона. Это — аппарат принципиально нового типа, подача воды происходит автоматически, посредством точных сигналов установки уровня определения влажности; таким образом исключается напрасная трата воды, и очень важно то, что его можно использовать и на пологих площадях, — это дает возможность включить в оборотный фонд общесовхозных земель и эрозированные земли. Как Вам известно, орошение пологих склонов обычным способом несподручно, так как во время полива вымывается земля и образуются овраги, ложбины, земля беднеет и становится неплодородной. Орошение же способом дождевания исключает эти явления...

Мне хотелось бы рассказать Вам еще об одном новшестве. Но это уже заслуга непосредственно наших механизаторов. Они своими силами и фантазией смонтировали на уборочном комбайне специальное приспособление, подготавливающее и дробящее корма, а также используемое и для различных других процессов. Если раньше комбайны ржавели от бездействия вплоть до уборочной страды, то в настоящее время им не приходится «отлеживаться на боку», круглый год они участвуют в полезном деле...

И тем не менее, как отметил в своем выступлении на XXVII съезде КП Грузии первый секретарь Гардабанского райкома партии Отар Бокерия, «...нас беспокоят нехватка техники, недостаточное развитие ремонтной базы, а особенно — ход мелиорации земель. Острый дефицит воды из года в год ставит многие наши хозяйства в тяжелое положение, чем и определяется нестабильность нашего земледелия. Хорошие перспективы появились с вводом в эксплуатацию Жинвальского гидроузла, благодаря которому водоснабжение орошаемых массивов улучшится. «Главгрузводстрой» обещает ускорить осуществление необходимых мероприятий, что даст возможность району, наряду с решением других за-

дач, повсеместно перейти на получение запрограммированных гарантированных урожаев. Промедление с этими работами недопустимо, ибо мы недополучим большое количество продукции».

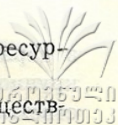
М. Х.: Что могли бы Вы рассказать о развитии других отраслей, например, животноводства, как оно представлено в Вашем совхозе, каким было раньше и каково теперь соотношение между частным и общественным секторами и не скажете ли Вы пару слов о результатах кооперирования... Вы уже упоминали о наличии обратного процесса в животноводстве, то есть о тенденции роста поголовья скота в деревне. Действительно ли намечаются ее зачатки в сегодняшней жизни Марткопи?

А. Р.: Мы создали так называемый «закрытый животноводческий комплекс» или закрытые зоны. Этот комплекс полностью исключает возможность контакта скота с окружающей внешней средой в течение целого года, защищая тем самым его от заразных болезней. Следовало бы напомнить, что в последние годы большой урон экономике нашей республики наносится из-за различных заболеваний животных, в частности бруцеллеза. Эта болезнь чаще всего поражает отборный скот, истребляя в стаде самых породистых коров. А в условиях закрытой зоны возможность заболеваний будет сведена до минимума. Это приблизительно то же, что и защита виноградника от града капроновой сеткой, перекрывающей его... Этот закрытый комплекс, как я уже говорил, молочного направления. Коровы отобраны нами по породам. Если до сих пор нас удовлетворяла латвийская порода, ныне мы мечтаем о лучшей — теперь хотим скрестить эту латвийскую с гольштейнфризовской породой, которая прибавляет в весе за год 15—20 процентов, а при хорошем уходе и кормлении дает молока до 6 тысяч килограммов.

Одним словом, на животноводство мы смотрим с надеждой. В решении этой важной задачи нам помогает и комплексный характер нашего хозяйства. Я имею в виду многоотраслевой его профиль.

Беседа с председателем сельсовета Како Эртелишвили

Наша беседа с председателем верховной власти Марткопи Како Эртелишвили касается продовольственной программы, а также связанных с ней «текущих вопросов», какими

являются миграция, демография, состояние трудовых ресурсов, социальные вопросы и многое другое.

Автор: Какая роль принадлежит сельсовету в осуществлении продовольственной программы?

Како Эртелишвили: Я считаю, весьма значительная. Сейчас очень большое значение придается активизации человеческого фактора. Люди ничего не хотят делать вслепую. Они стремятся подходить ко всему только осознанно. Поэтому нужно досконально разъяснять и раскрывать все тонкости комплекса мер, направленных на изменение социально-экономической ситуации на селе. Важно как можно скорее отрешиться от старых методов управления.

Непосредственная связь с массами, готовность прислушаться к их заботам и думам всегда сказываются на нравственной атмосфере в коллективе. Мы всегда должны учитывать и близость деревни к городскому базару, к центрам потребления, и базарные цены, разумеется, и стремление тружеников деревни к материальной выгоде, вполне ими заслуженной. Это же естественно, что крестьяне хотят продать излишки урожая по высоким ценам... При таких обстоятельствах нам следует проявлять больше такта, чтобы наши слова и обещания не оставались только словами и обещаниями, а были подкреплены реальными делами и имели вес в народе. Только тогда мы сумеем каждого крестьянина приобщить к общественному труду, подавить в нем мелкособственнические чувства. Необходимо огромное организаторское искусство и политическое чутье, чтобы торопящегося на базар крестьянина повернуть в сторону заготовительного пункта. В психологической перестройке, в проявлении высокой сознательности, политической и моральной зрелости нуждаемся как мы, руководители сельсовета, так и наши трудящиеся. Я должен отметить, что большинство из них мыслит на таком уровне и правильно разбирается в положении дел.

К сожалению, мы не всегда имеем необходимую возможность поощрять и стимулировать добросовестную работу. Располагая ею в полной мере, можно было бы достичь больших успехов по линии производства сельскохозяйственной продукции. Современная аграрная политика партии должна наполнить хозяйственный механизм новым содержанием, придать ускорение сельскохозяйственному производству.

М. Х.: Что предвидится в частном секторе по животноводству?

К. Э.: Решение «Ни одной семьи без коровы!» вызвало

в деревне большое оживление. В последнее время количество крупного рогатого скота там увеличилось раза в два... Естественно, этот факт повысил потребность в пастбищных угодьях, ибо, как известно, одно связано с другим и, надо сказать, довольно тесно. Я имею в виду то обстоятельство, что за последнее время в радиусе шести километров окрест деревни пастбищные земли раздали городскому населению под садовые участки. Ни один разумный человек не может быть против выделения участков горожанам, но здесь, как мне кажется, имеет место некоторая неувязка. Дело в том, что эти участки следовало бы раздавать не вблизи от деревни — в пяти-шести километрах от нее, а наоборот, чуть подалее, допустим, в десяти-двенадцати. На сей же раз получилось иначе: пастбищные земли неподалеку от деревни выделены горожанам, а пастбища, лежащие в двенадцати километрах от деревни, отданы в пользование жителям нашего села... Ну скажите сами, будет ли корова ходить каждый день по двенадцать километров? И какой прок и польза могут быть от этого благословенного животного при такой «прогулке»? Фактически у коров не остается времени, чтоб пастись; только пригонят их туда, как уже пришло время возвращаться назад. Но, видимо, во все времена существуют кабинетные теоретики, которые все рассчитали: и пастбищные выгоны, и количество животных в деревне, возможно, и перспективу будущего роста поголовья предусмотрели, и соответственно выделили пастбища. Однако упустили из виду, что породы летающих коров и быков еще не выведены. Меня несколько занесло в область фантастики, но думаю, что при проведении различных кампаний нужна большая осторожность, дабы слепое следование какому-либо общему направлению или же небескорыстное честолюбие какого-нибудь авторитетного исполнителя не добавляло нам лишних хлопот. Одной из таких нелепостей мне представляется раздача участков, примыкающих к деревням. Участки потому-то и раздают людям, чтобы увеличить производство сельскохозяйственных продуктов, удовлетворить потребность в них. В то же время мы окружаем деревню блокадой, которая ее душит, не дает возможности развернуться для подлинного производства этих продуктов. Одним словом, мне хотелось бы сказать, что правая рука должна видеть, что делает левая. А ведь разрешить эту проблему проще простого. В конце концов для горожан не должна иметь большого значения удаленность их участков от города еще на каких-то пять километров...

24.03.2011
2025.01.09.33

Выделение участков неподалеку от деревни вызвало и другие нежелательные явления. Очень часто в эти места приезжают молодые люди, бегущие от городской суеты, не для того, чтобы работать, а, скорее, чтобы провести время, развлечься. Они привносят сюда дурной душок — разнузданность, безделье... Кроме того, через растянувшуюся на восемь километров деревню проходит одна-единственная дорога, забитая по субботам и воскресеньям машинами, что влияет и на работу общественного транспорта. Возникли определенные противоречия, и я опасаюсь, как бы в будущем они не углубились.

Вопрос выделения участков непосредственно связан с проблемой миграции и демографии, затронутой Вами. Дело в том, что в последнее время ценность деревни возросла. Дефицит сельскохозяйственной продукции поднял ее авторитет в городе. Наблюдательный глаз уже может обнаружить в зачаточной форме тенденцию миграции из города назад в деревню. Это одновременно и хорошо, и плохо. Хорошо тем, что в будущем, так или иначе, не опустеют наши деревни, но есть и другая сторона — «блудные сыны», как я в шутку их называю, жаждущие вернуться к старой жизни, разумеется, начинают требовать принадлежащие им по праву отчие места. А места эти давно заняты и обжиты другими. Тогда они настаивают на получении мест под сады поблизости от деревни, обосновывая это тем, что если для обычного горожанина не имеет особого значения, где иметь участок, то для них это вовсе не безразлично — они предпочитают обосноваться неподалеку от родного лона и, так или иначе, вернуться туда. Мы получили много таких заявлений, выражающих желание тысяч горожан обзавестись участками вблизи деревни. К сожалению, у нас нет какого-либо определенного указания или закона, на основании которого можно было бы ответить по существу этим «блудным сынам», которые торопятся с жалобами в вышестоящие инстанции, просят помощи...

М. Х.: Если отнестись внимательно к этому явлению, каково Ваше мнение — что положительного может принести оно деревне? Не будет ли это обычное механическое перемещение, а не качественно новое психологическое явление, поскольку отрасли сельскохозяйственной деятельности, в частности же, животноводство, земледелие и другие, требуют от человека специфической психологии и опыта, проявится ли в этих, как Вы шутя их назвали, «блудных сынах», зало-

женная прадедами врожденная тяга к земледелию и животноводству?

К. Э.: Сегодня в животноводство и земледелие глубоко вошли наука и технический прогресс, что, безусловно, в корне изменило бытующее и доньше представление о самой сущности этих отраслей сельского хозяйства. Изменился образ жизни пастухов, изменилось и положение крестьян-пахарей. Ныне пахаря именуют механизатором и он управляет уже не сохой, а огромным трактором, одновременно овладевает несколькими профессиями... Сколько кардинальных перемен произошло в сфере нашей деятельности! Но главный перелом в этой области еще впереди. Поэтому для сельского жителя городская психология станет более приемлемой. Обогащению деревни путем будущего роста населения придается исключительно важное значение... За примерами далеко ходить не приходится. Разве в нашем колхозе мало вернувшихся из города или переехавших сюда на работу из других районов? Это процесс взаимообогащения, и в конечном итоге он служит успешной реализации продовольственной программы...

* * *

Соображения Како Эртелишвили по поводу увеличения населения деревни за счет города засели у меня в голове. Како был прав. В самом деле, в нашей повседневной действительности происходит одно весьма значительное явление. Независимо от того, хотим мы или нет, оно пробивает себе дорогу. Я имею в виду такой всеобъемлющий процесс унификации, как своеобразное сближение сельского хозяйства и промышленности. Одним словом, постепенно стирается различие между содержанием и характером сельского и городского секторов, между особенностями труда по отраслям. Часто мы, бывает, говорим — лимитирование в животноводстве повлияло и на психологию пастуха, чабана, пахаря. Это нас и волнует, и коробит. Соображения же, которыми поделился с нами председатель марткопского сельсовета, обнадеживают. Действительно, и директор совхоза Ангелат Русеишвили, и руководитель четырнадцатой бригады Тенгиз Ахвледiani, и бывший директор Кизлярского управления по пастбищам, в настоящее время житель Марткопи, известный специалист в отрасли животноводства Гриша Ониани — все они из города пришли на работу в Марткопи.

А Гиви Киреулишвили? Неутомимый, энергичный молодой человек, кандидат сельскохозяйственных наук, автор трех изобретений в области технологии выращивания, хранения и использования бахчевых культур, возможность внедрения и использования которых в многоотраслевой сфере сельского хозяйства определила фактически единодушное признание и одобрение членами ученого совета в Москве диссертации, подготовленной без руководителя. Начал он свою деятельность рабочим на консервном заводе в Тбилиси, затем был выдвинут на должность инженера смены, далее — переведен научным сотрудником в отдел хранения плодов Института садоводства, виноградарства и виноделия, что позволило заинтересованному в своем деле юноше приобрести достаточный опыт. Но сердцем он все равно рвался в родные места.

— Я чувствовал, что моя работа в одном из отделов института напоминала трели канарейки в клетке, — говорил мне Гиви Киреулишвили. — Накопленные опыт и знания требовали выхода. Меня все время беспокоило чувство неудовлетворенности, которое сродни тому, что чувствует птичка, находясь в клетке. В конце концов я понял — соскучился по селу. Там мое место, среди родных, друзей. Хорошо ли, худо ли, а именно рядом с ними должен был я находиться, с теми, с кем вырос и кто как бы оберегал меня в пути. Это таких людей имел в виду Важа Пшавела, когда воспевал стойкость крестьянина, не боящегося ни грома небесного, ни злой непогоды, ибо сердцем он непоколебим, рука его неутомима и вера в добро непреклонна... Я преодолел тысячу соблазнов, подстерегающих молодого человека, да и не только молодого, и направился к широкому полю и новому поприщу. Правда, оно пока еще не исполнено «желанного содержания», но со временем, наверное, все устроится...

— Что Вы подразумеваете под этим «желанным содержанием»? — спросил я Гиви.

— Научную деятельность, — ответил он. — Ведь по профессии я — технолог пищевой промышленности. Начиная с производства томатов и кончая технологией добычи дорогостоящего пчелиного яда — все входит в сферу моих научных интересов. Я автор трех изобретений, имею ученую степень и считаю, что поступаться этим недопустимо. Когда я спешил к своему участку, то мечтал о практическом применении своих знаний. Мечтал о том, что сумею воспитать хотя бы двух-трех молодых специалистов овоей отрасли, передать

им свои знания и опыт. Одним словом, мечтал оставить добрый след...

— Создание идеальных условий для ведения научной работы на селе, наверное, невозможно. К этому надо было подготовить себя с самого же начала, — возразил я Гиви.

— Дело обстоит не совсем так. Например, на базе опытного участка в Самгори в настоящее время ведется интересная работа. Прославленное своими урожаями и благосостоянием, наше село, равное по территории и населению целому району, заслуживает расширения сети опытных участков, где непосредственно будут изучаться и разрабатываться на научном уровне рекомендации по внедрению новых сортов, изучаться их пищевые качества, особенности хранения, предрасположенность к различным заболеваниям и сопротивляемость. Если не будут внедрены и распространены новые научные методы в области технологии, то одно лишь увеличение производства продукции не принесет желаемого эффекта. Недалновидность мешает во всем.

Выше я упомянул о дорогостоящем пчелином яде. В настоящее время мы его ввозим из-за границы на валюту. На это драгоценное лечебное вещество большой спрос во всем мире, но по сей день еще не разработана «безболезненная» и безотказная технология его получения: пчела, как правило, погибает сразу же после выделения яда, то есть после укуса. Нами же найден метод, при котором получение яда не вызывает гибели пчелы. Несколько лет тому назад мы решили воплотить эту идею в больших масштабах и представили наши соображения по развитию пчеловодства, в частности, по получению дорогостоящего яда, в вышестоящие органы. Посмотрим, как решится их судьба.

Продолжение беседы с председателем сельсовета

Автор: Вы интересно говорили о процессе взаимообогащения города и деревни. А что можно сказать о причинах «отсева»? Объективны они или нет? Возможно ли их искоренение?

Како Эртелишвили: Причины многообразны. Их особенности в основном определяются возрастом и мировоззрением, а также, конечно, стремлением к постоянной работе. Молодежь фактически стремится в город из-за модных увлечений. Есть среди них и такие, которые ищут в городе «роскошную» и «легкую» жизнь. Те же, кому тридцать, и

люди среднего возраста прельщаются в городе постоянной работой. Ведь в сельском хозяйстве работа носит сезонный характер, к тому же она сложна. А в городе гарантирован круглогодичный доход.. По этой причине 1600 человек ежегодно от нас уходят на работу в город, что не так уж мало для населения одной деревни. Среди причин не последнюю роль играют неблагоустроенность сел, крайне низкий уровень культурно-бытового обслуживания, отсутствие коммунально-бытовых услуг.

Как уже говорилось, деревня — деревней, а населением она с целый район. Совет, как известно, бюджетная организация, здесь очень строго разграничено назначение выделенных средств. Использовать эти средства по своему усмотрению на так называемых «горячих участках» невозможно. Это, правда, не означает, что мы сидим сложа руки.

Домик в чистом поле

С дома начинается жизнь.

Вот и строили они дом в чистом поле.

Чтобы было где укрыться от солнца летом и обогреться зимой, преломить краюху хлеба и, конечно же, изредка поднять бокал вина.

Хозяин Улевари — Антон Читрикашвили, рослый широкоплечий мужчина вместе со своими сыновьями творил чудеса, добывая свой честный хлеб, сооружая горы зерна, а дома имея много свиней. Он ежегодно сдавал дополнительно тонны мяса и тонну такого вина, которого врагу или человеку, не смыслящему в нем толк, по его же словам, не дашь отведать. Своими мощными плечами Антон служил надежной опорой своду мироздания. И семью он содержал, и город снабжал продуктами, и не с кем было ему браниться, спорить, отвоевывать что-либо. Дело свое Антон знал прекрасно. Так же жили и члены его бригады.

— Неужто построить пристанище в чистом поле — столь важное дело? — спрашивал я у Антона.

— Конечно же важное, — степенно отвечал он на мой полуслушливый вопрос. — Кто будет работать с лучшим настроением, с большим энтузиазмом? Бездомный или же тот, у кого крыша над головой?

Кроме того, это нам поможет в организации работ. Мы своевременно посеём ранние и поздние овощи. Каждый член

нашей бригады знает, что цены на капусту и помидоры меняются в соответствии с сезоном. Самые плодоносящие сорта томатов — «Лебязеанский» и «Колджея». Когда в этом году мы сдавали помидоры на завод для изготовления томатной пасты, я попросил сохранить семена «Лебязеанского», в прошлом году их у нас было мало... — говорит Антон. — Теперь же я их привез столько, что всему хозяйству хватит.

Цены, циклы, синусоиды, агротехнические фазы, сорта и тысячи других терминов здесь произносились, естественно, не для того, чтоб пустить пыль в глаза, не показной деловитости ради, рассчитанной на «публику».

Это было истинное, завещанное отцами и дедами, единственно верное отношение к кормилице-земле. Это было возвращение к такому отношению, восстановление его, подобно реставрации памятников старины.

Кто эти люди — пахари, погонщики, исконные земледельцы, пастухи, скотоводы? И хотя их называли сельскохозяйственными рабочими, механизаторами и они действительно ими были, но я думаю, по сути своей, это те же, что и в старину, пастухи, пахари, и все это им досталось от прадедов.

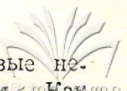
Марткопская битва продолжалась, но суть ее стала иной, миролюбивой, и хотя стратегия, тактика агротехнических процессов, маневры были не из простых.

И являлись они не просто механизаторами, а истинными учеными в своем деле. Я имею в виду Антона, дядю Алекси и Ираклия, а вот молодежь в этих премудростях разберется постепенно и продолжит эстафету...

Когда я вернулся из командировки и наступила пора обобщения увиденного и пережитого, в моем воображении оно возникало сквозь призму будущих событий и явлений. И чистое поле, и работающие там богатыри, подобные Чирикашвили... Мне видятся горы обильного урожая, склоны гор, усеянные стадами бурых коров и отарами овец.

Жизнь кипит, бурлит, и в моей призме фактов эта радостная сельская идиллия отнюдь не была призрачным видением, несбыточным сном.

И вновь мне вспомнились слова первого секретаря райкома партии Отара Бокерия о том, что «продовольственный бум» — непреложное следствие творящей чудеса революции в науке и технике, и он — дело ближайшего будущего... Только люди должны прийти к пониманию его необходимости.

Наперекор старым догмам они вступили на новые не-
 легкие дороги и тропы к этим будущим сражениям. Как
 говорил Ангелат Русеишвили, до желанных рубежей — еще
 далеко, но получен надежный импульс для работы на буду-
 щее.

Земля — живой организм, предмет одушевленный. По-
 этому от нее и исходят импульсы. Могучие, обнадеживаю-
 щие...

И вот на Улевари, подобно желанной нефтяной сква-
 жине, забил фонтан таких импульсов.

На Улевари собрались люди. Строят дом в чистом по-
 ле. Будущую станцию Читрикашвили.

Перевела Ирина МЕГАЛИШВИЛИ

Своими раздумьями о грузинском неоплатонизме делится выдающийся советский философ и филолог, историк культуры и языковед, автор беспримерной в мировой практике многотомной «Истории античной эстетики», а также таких фундаментальных исследований, как «Античный космос и современная

наука», «Античная мифология в ее историческом развитии», «Эстетика Возрождения», профессор Алексей Федорович Лосев. Ниже публикуется магнитофонная запись его выступления на эту тему, и потому приводимый здесь текст сохраняет приметы устной речи.

Алексей ЛОСЕВ

СЛОВО О ГРУЗИНСКОМ НЕОПЛАТОНИЗМЕ

... Я БУДУ сейчас говорить об эпохе Возрождения в Грузии, буду говорить о грузинском неоплатонизме. Я буду говорить о том, какое большое значение имеет неоплатонизм для грузинской философии и для всей Грузии. Не буду касаться отдельных фактов, думаю, что эти факты вам хорошо известны. Мне хотелось бы вскрыть значение этих фактов, их не только грузинское или общегрузинское, но более широкое значение. Для этого нужно, чтобы вы отнеслись к этому делу вполне сознательно, а я должен, несмотря на то, что буду оперировать такими глубокими и широкими терминами, как Возрождение или неоплатонизм, дать четкую, ясную характеристику этих понятий.

Я говорю о неоплатонизме, но знаем ли мы хорошо, что такое неоплатонизм? После Возрождения в течение нескольких столетий неоплатонизм был в загоне, никто его не изучал; рассказывали, что это какие-то фанта-

стические выдумки, учение о магии, какая-то мистика, и совершенно забывали подлинное, историческое, философское его значение. Только в первые десятилетия XX века в Европе началось более или менее серьезное изучение неоплатонизма. Поэтому мы, и русские и грузины, для которых неоплатонизм имеет большое значение, должны дать себе ясный отчет, что из себя представляет это философское направление.

Как показывает само слово «неоплатонизм», речь идет о **платонизме**, о каком-то его новом, еще не бывавшем возрождении. Но что такое платонизм? Ведь у нас на этот счет имеются часто довольно путанные и неясные представления. Только после ответа на вопрос, что такое платонизм, вы поймете, что такое неоплатонизм, и что такое грузинский неоплатонизм.

Платонизм, говоря вообще, учение об идеях. Ну а что такое идея? Идея — это то, чем является данная вещь; идея вещи — это то, что можно сказать о данной вещи. Идея — ответ на вопрос: «Что такое данная вещь?» Именно по идее мы можем данную вещь отличить от всякой другой вещи. Из сказанного можно понять, что учение об идеях имеет колоссальное значение для философии. Какое же это значение? Такое, что нужно прежде всего вскрыть отношение идей к материи, идей к вещам. Неоплатонизм и есть учение, которое возрождает учение Платона об идеях. Но тут следует сказать, что Платон склонялся больше к учению об идеях в их общей форме, наиболее обобщенной, предельно обобщенной форме. Аристотель же переводит внимание с общих идей на частные идеи. Он полагал, что важно иметь не только представление об общей идее, но и представление об единичной идее, то есть идее отдельной вещи. Вот это платоно-аристотелевское учение об идеях и перешло к неоплатонизму.

Неоплатонизм не только повторил, но и продумал заново, продумал до конца эту сложную теорию. И так как неоплатонизм был концом всей античной философии, то он представляет собой наиболее глубокую, наиболее обдуманную систему. Можно сказать, что неоплатонизм — не что иное, как тот же платонизм, но глубоко продуманный и глубоко рефлексированный.

И вот этот неоплатонизм утвердился, можно сказать, на все века. Не было ни одной культуры, которая

бы не использовала неоплатонизм. Он был колоссально развит в самой античности, существовал в средние века и в эпоху Возрождения, был и в Новое время. Надо знать, что такое античный неоплатонизм.

Известно, что античность представляет собой, как мы обычно говорим, определенного рода стихийный материализм. Дело в том, что там все наиболее законченное, наиболее красивое, наиболее основное бытие — это космос. Космос не какой-нибудь заумный, а космос материально-чувственный, осязаемый, слышимый, видимый: вот это звездное небо, которое куполом воздвигается над неподвижной землей, космос, в который влюблен античный человек. Я называю такое понимание мира космологическим неоплатонизмом, космологическим, то есть материально-чувственным неоплатонизмом. Это есть учение об идеях, примененное к тому, чтобы возвеличить и абсолютизировать космос, сделать этот чувственно-материальный космос основным бытием, идеальным бытием, окончательным бытием.

Этому противостоит средневековый неоплатонизм, ибо всякая культура, как только она начинает более или менее становиться на ноги и проявлять тенденции к тонким структурным изысканиям, она всегда наталкивается на неоплатонизм. Неоплатонизм был и в средние века. Неоплатонизм средневековья представляет в основе полную противоположность античному. Античный неоплатонизм преклонялся перед космосом, преклонялся перед организованной материей, перед такой универсальной вещью, как звездное небо и под ним неподвижная Земля. Средневековый неоплатонизм воздвиг другую категорию, которую плохо осваивала или почти никак не осваивала античность, — категорию личности.

Одно дело вещь, другое — личность. И если в основе античного космологизма лежала вещь, то в основе средневекового неоплатонизма была личность. Та высокая, абсолютная личность, которая выше всякой природы, всякого космоса, которая создает и человека, и природу, и все существующее. Такой неоплатонизм я бы назвал не материально-чувственным, но спиритуалистическим. Это спиритуализм, философия абсолютного духа. Никакого абсолютного духа не знала античность, философия абсолютного духа восторжест-

вовала в средние века. И вот неоплатонизм всем своим учением об идеях и материи был полностью поставлен на службу этому абсолютному спиритуализму.

Что же такое неоплатонизм эпохи Возрождения? Интереснейшая вещь. После того, как человечество целое тысячелетие преклонялось перед природой, после того, как затем человечество целое тысячелетие преклонялось перед абсолютной личностью, после этого возрожденческая эпоха стала на совершенно другие позиции. Она выдвинула на первый план **человека**, ради которого стали обсуждаться и проблемы духа, и проблемы природы. Это, как я говорю, антропоцентризм, то есть философия, которая кладет в основу всего именно понятие человека. Все существует для человека, человек выше природы, человек выше абсолютного духа. Он сам — наилучшая природа, он сам — наивысший абсолютный дух. И это абсолютизирование человеческой личности — то новое, что мы находим в эпоху Возрождения. Это — антропоцентризм.

Тут еще нет полного субъективизма, он позже начнется, после Возрождения. И там будет такое превознесение человека как субъекта, такое непомерное развитие психологизма и субъективизма, что, оказывается, уже именно человеческая личность порождает из себя все: и природу, и само божество. Так договорился до этого Фихте в конце XVIII века.

Что же представляет собой грузинский неоплатонизм? Да, грузинский неоплатонизм тоже является антропоцентризмом. Здесь тоже человек в основе всего. Здесь тоже стремление увековечить человека и сделать его счастливым на земле. Но тут залегает глубокое различие между грузинским неоплатонизмом, с одной стороны, и итальянским и германским неоплатонизмом с другой стороны, между неоплатонизмом восточным и западным. Между ними огромная разница, которую надо усвоить, иначе мы не поймем, что из себя представляет грузинский неоплатонизм, и не поймем, что такое грузинское Возрождение.

Неоплатонизм, которого придерживались представители грузинской эпохи Возрождения, — Иоанэ Петрици и Руставели — это антропоцентризм, но он отнюдь не уничтожает господство природы, той природы, перед которой преклонялась античность. Да, перед при-

родой, с этими звездами, с этим звездным небом, с его правильным движением. Да, это все остается здесь, в этом мире, но остается не в виде единственного абсолюта, подобно античной Греции. Остается в виде абсолюта, в виде бытия, но такого, которое внутренне переживается человеком, дано ему субъективно и ощущается им как нечто свое, глубочайшим образом интимное. Антропоцентризм сводится не к тому, чтобы уничтожить природу, как это было на Западе. Нет, природа тут богатеет из-за того, что человек подошел к ней с потребностями субъекта, что человек стал личностью, которая хочет все ощутить, все переделать по-своему. Тут не уничтожаются природа или космос, а наоборот, повышается интерес к жизни духа, к жизни личности, к жизни субъекта, который занят решительно всей природой.

Природа начинает жить своей собственной жизнью. Она интересна. Она не просто сказочна и не только божественное творение, но есть то, что переживается человеком сердечно, переживается им разумно, как нечто такое, что он может своими силами прочувствовать и продумать до конца.

То же самое нужно сказать и об отношении грузинского неоплатонизма к спиритуализму. Было бы грубейшей ошибкой и вульгаризацией сказать, что грузинский неоплатонизм абсолютно упраздняет всякий спиритуализм. Не этого хотели Иоанэ Петрици и Руставели. Они признавали духовное начало природы, признавали руководящее значение его во всем бытии. Но опять-таки говорили это по-своему, именно переводя на язык субъекта, интимно переживающего субъекта. Поэтому мало было только преклоняться перед абсолютом и проповедовать его непознаваемость и недоступность. Нет, духовная основа бытия доступна, она человечна. Она является жизненной потребностью человека. Вот что такое грузинский антропоцентризм в отличие от итальянского и германского антропоцентризма.

Грузинский антропоцентризм не уничтожает природу и не уничтожает дух, а только переводит и то и другое на свой субъективный, родственно переживаемый лад. Грузинский неоплатонизм хочет до конца продумать и прочувствовать эти абсолюты, которые на За-

паде были не прочувствованы и слишком абстрактны. Мало того. Грузинский неоплатонизм хочет все это применить и в жизни, тут же осуществить мечту человека о признании жизни. Именно это отличает грузинский неоплатонизм от разных типов западного неоплатонизма.

Чтобы понять сказанное, надо представить такого земного человека, который стремится к своему земному усовершенствованию, но не путем земных средств, еды и питья, чисто материального и животного состояния. Нет, его антропоцентризм очень духовен, очень возвышен, и то, что он хочет сделать с жизнью — это ее кардинально и глубоко изменить, глубоко бороться с несовершенствами жизни, стремиться к другим, более свободным и идеальным формам человеческого существования. Вот этим ярко отличается грузинский неоплатонизм. Он субъективен, искренне ощутим, но в то же время является и принципом делания, изменения действительности, принципом стремления к высшему совершенству.

После всего сказанного становится понятным, почему восторжествовала эта философская система в Грузии и легла в основу культурного направления, которое называется Возрождением. Грузинское Возрождение немислимо без неоплатонизма. Сейчас это уже доказано, и доказано научно, хотя это положение не стало вполне популярным и многие еще представляют себе неоплатонизм слишком уродливо, убого, слишком мистически, фантастически. На самом деле неоплатонизм, конечно, духовное учение, учение о преобразовании духа. Но какое преобразование и какого духа? Вот это как раз и не учитывается, когда говорят о грузинском неоплатонизме, который в том правильном понимании, о чем я выше говорил, имеет колоссальное значение.

Нет надобности говорить, что наше современное мировоззрение совершенно другое, другое у нас назначения, другие цели и другие методы мысли. Я вовсе не собираюсь воскрешать грузинский неоплатонизм XI — XII веков в Грузии. И не для этого я сейчас читаю вам свою лекцию. Я хочу только показать, что грузинский неоплатонизм, грузинский возрожденческий неоплатонизм представляет собой один из образцов, один из глу-

боких и тонко разработанных образцов человеческой мысли и человеческого существования, направленных к преобразованию жизни, к преодолению всяких препятствий для достижения высокой жизни. Это философия чрезвычайно земная, но в то же время философия благородная и возвышенная. Это философия духовная, которая, не отрываясь от земли, хочет претворить эту землю в нечто новое.

Грузинский неоплатонизм — глубокое достижение культурного развития Грузии. И как же мы можем пройти мимо него? И очень хорошо делают в Грузии, когда издают своих неоплатоников, их переводят и комментируют. Я бы сказал, что в этом отношении Грузия является местом, где можно поучиться тому, как исследовать неоплатонизм.

Ведь у нас раньше неоплатонизм не был популярен. Были отдельные исследования по неоплатонизму, но не было такого глубокого, высокого и такого углубленного понимания этой философской системы. И такому пониманию мы должны научиться у грузин. И чем больше мы будем учиться, тем больше будет расти русско-грузинская дружба.

Но и это не все. Хотелось бы сказать и о современном значении неоплатонизма, подчеркнуть, что хотя это мировоззрение далеко отстает от нас хронологически, тем не менее оно является предметом самого высокого почитания. Грузинский неоплатонизм, как было сказано, антропоцентричен. И это совершенно правильно. Но при этом возникает большая опасность — изоляция личности от всего объективного мира, отрыв от природы, народа, истории. Такое ограниченное понимание личности совершенно не свойственно грузинскому неоплатонизму. Да, это антропоцентризм, но такая философия, которая не отрывает личность от природы, а сливает эту личность с природой в какое-то гармоническое целое. И общество здесь представляется как единение личностей. Такому антропоцентризму не чужды никакие духовные стороны исторического процесса.

Дальше. Мы часто пользуемся словами «субъект», «субъективность», «субъективизм». Если грузинский неоплатонизм антропоцентричен, то он, конечно, является каким-то учением и о человеческой субъективности. И действительно, тут мы имеем дело с большой

культурой субъекта. Но следует отличать субъективность от субъективизма. Тот субъективизм и психологизм, который развился на Западе, часто впадал в большие крайности, и человеку приписывалась такая субъективность, которая, отрицая все, доходила до обоже- ствления самоё себя. Естественные, благородные пере- живания человека стали толковаться исключительно как субъективистские. И западноевропейский субъект, впадая в крайний субъективизм и в психологизм, впа- дал и в декадентство, то есть в такое состояние, когда человек любит себя своими переживаниями, смакует их и ничего не замечает, кроме своих переживаний.

Грузинский неоплатонизм не имеет с этим ничего общего. Он дает богатую картину субъекта, но вместе с тем учит нас, как избежать субъективизма и все эти напасти психологического самообольщения. Тут нет психологизма и смакования чувств. Тут культура бла- городная, высокая, деятельная культура чувств.

Известно, что антропоцентрическая философия ча- сто доходит до созерцания истин и, углубляясь в это созерцание, отказывается от дела, от деятельности. В грузинском неоплатонизме очень много созерцательно- го, но вместе с тем он учит не просто погружаться в созерцание, но все время стремиться к делу. Это — антропоцентризм, который обязательно хочет что-то творить, да не только творить, но и переделывать дей- ствительность. Что действительность надо переделать — это великолепно чувствуется каждым грузинским не- оплатоником. Созерцательность в грузинском неоплато- низме сочетается с пониманием жизни как гармониче- ского целого, которое должно прийти на смену суще- ствующему положению дел. Эти особенности грузинско- го неоплатонизма имеют не только мировое, но и совре- менное значение. И как бы мы ни отличались по свое- му мировоззрению от XI—XII веков, этот антипсихо- логизм, антисубъективизм и деятельное начало грузин- ских неоплатоников имеют значение и для современно- сти.

Вот какие важные вещи мы находим у неоплато- ников грузинского Возрождения! Поэтому можно кон- чить только одним — пусть здравствует грузинское Возрождение и да здравствует грузинский неоплато- низм!

ПОЭТИЧЕСКИЙ дебют принес Ираклию Абашидзе признание и популярность. Он состоялся примерно пятьдесят лет назад. Но истинным триумфатором грузинского Парнаса Ираклий Абашидзе предстает перед нами в 60-е годы.

Пленить сердце грузинского читателя, которого провидение с начала века, не скупясь, приобщало к поэтическому чуду, было делом отнюдь не легким. Грузина трудно удивить стихом или поэтом.

Так в чем же причина негасимого интереса читательской аудитории к поэзии Ираклия Абашидзе начиная с 60-х годов по настоящий день?

Для тех, кто задумывался над проблемами грузинской культуры этого периода, социальной психологии, мыслительной ситуации в целом, над формами и задачами ценностной ориентации, совершенно очевидно, что ответ на этот вопрос выходит за рамки литературы.

Специалисты по социальной психологии сегодня утверждают, что в 60-х годах в мировом масштабе начинается процесс неумолимой переоценки ценностей.

В атмосфере подобных

Георгий ГАЧЕЧИЛАДЗЕ

ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВНОГО ОПЫТА

ценностных коллизий поэзия Ираклия Абашидзе открыла вдруг грузинскому читателю такие глубинные пласты, которые некоторым образом оказались недооцененными, непродуманными, забытыми всей системой нашей культуры последнего ледяного периода.

Речь идет об отразившемся в духовной жизни человечества моменте, когда дух своеобразного «планетарного экспансионизма» уступает место устремлению к прародительским корням.

Наша страна не осталась в стороне от этого духовного движения.

Это был нелегкий, тернистый путь. Ему предшествовала великая эпоха веры в исторический и научно-технический прогресс со своими школами, теориями, традициями и, наконец, голым энтузиазмом. Энтузиастический порыв, как правило, характеризуют доверчивость, легковёрность, опрометчивость. В спешке забывается о необходимости спокойно проанализировать, стратегически осмыслить, обсудить реальную и мнимую ценность человеческих целей и идеалов.

И когда подобный порыв носит всеобщий характер, когда он превращается в духовную эпидемию, становится стилем жизни, переходит в инерцию, утверждается как стереотип поведения, тогда очень трудно плыть против течения. Человека у очага манит улица, на родине — чужбина, на земле — космос. Этот процесс принимает глобальный характер.

Духу времени сопутствует так называемый «духовный колумбианизм» со своей философией открытия, проникновения в новые страны, материки, планеты.

На фоне блеска «большого мира» меркнет личностный «малый мир»...

Но вот человек окинул взглядом этот большой мир, прикоснулся к нему, прочувствовал его и оказался перед выцветшими, выгоревшими, потускневшими плодами собственных устремлений. Это произошло к концу XX века, однако еще не было до конца осознано; поэты с большим энтузиазмом продолжали слагать метафоры о далеких предметах, странах, звездах, а Ираклий Абашидзе, как бы отвечая требованию времени, увлек за собой читателя в духовные владения Индии и Палестины.

Именно в эту пору массовой тяги из дому он объявил читателю, что это не туристское турне, не духовная экспансия, не «барочный колумбианизм», а духовный маршрут «пс

34936929

следам Руставели», путешествие в собственное «я», в его прошлое, настоящее и даже будущее.

И читатель доверительно последовал за поэтом по следам Руставели, в Индию, в Америку, вместе с ним слушал хоралы, навевавшие видения Палестины и рождавшие мысли о судьбе нации-личности.

Такова же задача завершающего цикл «Приближения», которое, говоря по правде, было не Приближением, а истинным Постижением.

Отныне в мире грузинской культуры задули новые ветры. Поэзия Ираклия Абашидзе выразила обобщающую концепцию грузина нового периода — человека, думающего не только о сегодняшнем дне, способного постичь в своеобразном единстве настоящее, прошедшее, будущее, прекрасно понимающего, что настоящее запрограммировано прошлым так же, как будущее предопределено настоящим.

Поэзия Ираклия Абашидзе, личностные качества поэта разрядили литературную обстановку, лишив ее ложной напряженности. Возродились пафос искренности, демократизм, доверие к человеку и обезоруживающий юмор.

Ираклий Абашидзе был одним из тех, с чьими именами в значительной мере связана вера, принятие тех ценностей, которые с таким энтузиазмом создавало новое поколение советских людей. Более того, он сам явился творцом и олицетворением этих ценностей.

А это стало возможным потому, что Ираклий Абашидзе взял на себя роль соединительного моста между творческими поколениями — представителями грузинской культуры, объединившимися на основе служения истинным задачам литературы.

Каждая переломная эпоха в системе культуры имела своего Гамлета, скорбящего по поводу «распада связи времен». Он не может смириться с обесцениванием тех ценностей, которые для него являются мерилom человеческого достоинства. Этот процесс воспринимается им как внутреннее разрушение личности.

На данной ступени «распада связи времен» в системе нашей культуры на долю Ираклия Абашидзе выпала почетная и сложная миссия восстановить эту связь, соединить разрозненные части.

Не признавать этой его заслуги было бы неблагодарно. Спустя некоторое время, когда поэт ощутит авангардистские сдвиги, спровоцировавшие «распад связи времен» в системе

культуры, он с полным осознанием своей участи и назначения скажет: «Хожу, как поэтическое наследие».

Кто разбирается в особенностях внутренних противоречий литературного процесса, тот поймет цену этой творческой и гражданской акции. Она и обусловила значимость его поэзии, и не только в рамках грузинской культуры.

Суждение о поэте обычно вытекает из созданных им поэтических образов, но суждение об Ираклии Абашидзе как личности не исчерпывается этим. Ибо он — творец не только поэтических образов, но на фоне грузинской советской общественности еще и творец собственной поэтической личности.

В этом, на мой взгляд, подоплека неослабного по сей день интереса к нему и почитания.

Но эта подоплека, как миф или легенда, рожденные на наших глазах, имеет достаточно драматический сюжет. Именно он вызывает интерес к личности поэта, побуждает заглянуть в глубь ее, как в некое сложное устройство.

Несколько слов об этом сюжете.

Дело в том, что Ираклий Абашидзе — современник целой плеяды грузинских поэтов. Вот уж действительно богатство имен — И. Гришашвили, Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе, С. Чиковани...

И над всем этим созвездием талантов царил Галактион Табидзе.

После них выразителем взаимосвязи между поэтом и народом становится Ираклий Абашидзе.

Время само подготовило его для этой участи. Он явился не для того, чтобы воплотить в реальность юношеский энтузиазм, реформировать стих, или сделать революцию в литературе. Он пришел для того, чтобы суммировать, обобщить уже осуществленные эксперименты, пришел в канун новых ситуаций, решения обновленных задач, приобщенный к богатству «великой поэтической эпохи». В то время его стих был, можно сказать, далек от совершенства.

Ныне за спиной поэта — весьма сложный путь, развивший его сознание, закаливший духовно.

Несмотря на столь свойственную для Ираклия Абашидзе эмоциональность, по природе своей он реалист, аналитик, обладающий пытливым умом. И юмор его свидетельствует об остроте ума, а не об острословии.

Лучше всех своих сверстников он ощутил разницу меж-

ду двумя принципами жизненной философии: «как должно быть» и «как есть».

Никогда не принимая одно за другое, будучи свидетелем полосы исторических и социальных экспериментов, коренным образом преобразовавших нашу жизнь, поэт воспринял эту историческую инерцию как жизненную реальность, как неумолимый ход гигантской машины.

И пытливый ум счел за лучшее сесть в нее, нежели стоять перед ней..

Это время принесло поэту большой духовный опыт.

Чувствую, что понятие «духовный опыт» имеет здесь неромантический, непозитивский, ассоциирующийся с практицизмом подтекст.

Должны были наступить 60-е годы, чтобы «духовный опыт» в контексте всей поэтической жизни Ираклия Абашидзе стал пониматься в изначальной своей конкретности и эстетичности. Здесь нашла свое законченное выражение картина духовного развития Ираклия Абашидзе, его потребностей, интересов. Более того, здесь определилась сумма слагаемых величин, имеющая свою точку отсчета и динамику развития.

Точка отсчета показывает нам, где и с чего он начинал. Динамика развития — куда и к чему пришел. Вот она — история духовного опыта. А живой в изменчивом времени образ поэта связывает, соединяет, организует ее отрезки в одно целое.

Начало его деятельности протекает без какого-либо значительного следа, без оснований для заслуг, без ореола славы.

Правда, совершенно отчетливо ощущается логика философии выбора, но полная ее картина — в развитии.

В этом начале значительно не то, что поэт — участник исторического процесса и явлений, момент соучастия не может быть вменен в заслугу индивиду. Значительна судьба, продиктованная чудом рождения, та, а не иная ситуация, не зависящая от нас закономерность, которая предопределяет наше место в жизни.

Ранний Ираклий Абашидзе — поэт озарений: отдельный штрих, зарисовка, эмоциональный заряд.

Поздний Ираклий Абашидзе — это уже система: основательная, монументальная, масштабная.

И случилось то, что должно было случиться.

Общество, как правило, стремится к идентификации,

отождествлению биографического мира поэта с созданным им поэтическим миром.

Это закономерно.

Настолько впечатляющими оказались произведения Ираклия Абашидзе «По следам Руставели», «Палестина, Палестина», «Приближение», что грузинская общественность стала искать олицетворение духовных начал, утверждаемых его поэзией, в самой его личности.

Общество стало подходить к поэту с иными требованиями: на Ираклия Абашидзе-поэта была возложена миссия героя, чудотворца.

Но миссия — это своего рода функция, маска. Когда же принцип идентификации требует стереотипа однозначного действия, тогда естественное и динамичное выражение лица должно смениться недвижимой маской.

Поэт же, как правило, находится во власти внутреннего динамизма. Правда, он зачастую сам прибегает к маске, делает ее своим рупором, но если этот двойник поэта — однополовая маска, то сам поэт — многолик, это человек с тысячью лиц, и чем шире круг его интересов, чем глубже постигает он жизнь во всем ее многообразии, тем более звучен, многокрасочен, многозначен мир его поэзии.

А это говорит о том, что тип лирического повествователя изменчив — сегодня он может быть не таким, каким был вчера.

В нашем переменчивом мире, в обстановке постоянных столкновений человеческих страстей и интересов окаменелая, недвижимая маска может существовать только в сознании других, но не в творческой жизни поэта.

Маска — не только реализация внутренней жизни индивида, его интраистории, но и убежище и пристанище его. Мудрость, как и в случае с Гамлетом, может найти здесь прибежище в безумии. Был же момент, когда в исповеди Галактиона слышались гамлетовские нотки: «Я загримовался под шута».

Поэтому конфликт между лицом и маской очень сложен. Это своего рода драма, и Ираклий Абашидзе стал ее героем.

То было вершиной его поэтических достижений, успехов, его признания.

К сожалению, наша критика воздерживается от анализа динамичной картины взаимосвязи между поэтом и народом. Синхронная картина поэтического бытия вытесняет ее диахронный аспект. В то время, как в синхронной картине поэ-

тического мира Ираклия Абашидзе постоянно выступает диа-
хронный план. То — поэт, находящийся в вечном движении

Ныне он — участник драматических коллизий, столкно-
вения ценностей, протекающего на фоне всей цивилизации.

Послушаем самого поэта:

Никто не усомнится, так и ведай
Ты — за добро в борьбе добра и зла;
Ты хочешь одному из них победы
В той битве, что со дня творенья шла.
Но осторожней:

нынче на ристанье —

Не то что чет и нечет, как в былом,
Сейчас за грош

меняются местами

Добро со злом и зло с добром.

(Перевод М. Синельникова).

Ираклий Абашидзе — реалист, трезво оценивающий яв-
ления. Явления переменчивы. Суть их неизменна. Здесь —
завязка «драмы идеи».

Поэт весь устремлен к горизонту. Он — поверенный тайн
времени, и с его улыбочивых губ скептика часто срываются
слова-формулы о божественной, человеческой, интеллектуаль-
ной комедии...

НЕЗАКОНЧЕННАЯ БЕСЕДА

ИСТОРИЯ этой беседы такова: в 1978 году в журналах «Мн-тоби», а позднее в «Вопросах литературы» был опубликован диалог, состоявшийся между Нодаром Думбадзе и мной. В нем мы в частности коснулись известного соображения Гурама Асатиани о том, что в «60-е годы значительную часть нашей литературы характеризовал пафос так называемого «сентиментального гуманизма», как назвал его (полушутя) в своем последнем романе Нодар Думбадзе. Одной из черт, определяющих этот гуманизм, был мотив прощения. Именно это понятие взяла на вооружение тогдашняя молодая проза: больше терпимости к человеческим слабостям, больше доброты, отзывчивости, сочувствия к человеку вообще и к «маленькому», рядовому в частности».

С моей стороны был задан только вопрос, спровоцировавший думбадзевскую оценку вышесказанного. А оценка была иронической.

Прошло время. На всесоюзной встрече критиков в Гагра, организованной по инициативе Гурама Асатиани, он как-то со значением упрекнул меня в «подобном ведении» беседы с Нодаром Думбадзе. Тогда-то и начался наш с Гурамом диалог, в котором он строг и беспощаден (если он вообще мог быть к кому-либо беспощадным) к Нодару Думбадзе и ко мне. Беспощаден в споре с нами, что никак не распространялось на наши личные взаимоотношения.

Прочтя написанное Гурамом Асатиани по поводу нашей беседы с Н. Думбадзе, я понял, что мы с Нодаром Думбадзе должны ему ответить. Я тут же сказал об этом Гураму, он с улыбкой согласился и добавил: бог даст, когда-нибудь продолжим эту беседу. По-видимому, пока он писал, обида его испарилась, да и времени прошло достаточно...

Никто из нас не подозревал тогда, что беседе, которую мы предлагаем ниже с небольшими купюрами, не суждено было продолжиться.

Коба Имедашвили: В последнее время значительно участились диалоги между писателем и критиком. Вы не раз

принимали в них участие. Я, в свою очередь, тоже. Но, согласитесь, не столь уж часто беседа протекает между двумя критиками. А между тем есть целый ряд вопросов, разрешить которые предпочтительнее всего именно в диалоге между критиком и критиком.

Ваша критическая деятельность тесно связана с «шестидесятниками», поколением, которое принципиально обновило нашу литературу. Хронологически это началось немного ранее, в конце пятидесятых годов. К тому времени Вы уже печатались, между прочим и будущие «шестидесятники» — Арчил Сулакаури, Тамаз Чиладзе, Отар Чиладзе — тоже публиковались на страницах «Мнатоби». Потом эти разрозненные голоса объединились вокруг «Цискари»... Что обусловило это стихийное объединение и одинаковое осмысление основных проблем литературы и жизни? Меня интересует не только общая сторона этого явления, но и его конкретные аспекты.

Гурам Асатиани: Конечно же, в первую очередь время. Время не только лучший целитель, но и талантливейший инспиратор. Оно выносит на поверхность легковесные предметы, вертит ими как хочет, а затем выбрасывает за ненадобностью. Истинному таланту время повредить не может. Большие, талантливые художники объединяются только по временному признаку (и то лишь в глазах читателя), по существу же у каждого настоящего писателя свой путь.

«Шестидесятников» объединил скорее пафос отрицания, нежели утверждения. Они единодушно отвергли то, что к тому времени превратилось в вопиющий анахронизм: схематизм, явную фальшь, псевдомонументальность, поверхностное понимание «социального заказа» и многое другое, что существовало в нашей литературе в виде, я бы сказал, «нео-ложно-классицистической» струи. В этом они были единодушны. Но когда пришло время самоутверждения, каждый из них (я имею в виду истинных мастеров) нашел свое место в литературе. Сейчас между ними гораздо больше различия, скрытой или явной полемики, порой достаточно выраженного антагонизма (естественно, в эстетическом аспекте), чем согласия и единодушия.

К. И.: Вы принадлежите к поколению критиков, сыгравших большую роль в деле защиты и утверждения позиций «шестидесятников». Более того, Вы один из первых отметили особенную роль шестидесятых годов в грузинском литератур-

ном процессе. В этом смысле наши оценки полностью совпадают, но разве не следует подчеркнуть, что тенденции, определившие характер нашей литературы конца 50-х и 60-х годов, это не новые, а обновленные тенденции? Я имею в виду то, что пристальный интерес к личности человека, сочувствие к нему, философские размышления о жизни и смерти, о человеческом назначении (проявившиеся в полной мере в литературе 60-х годов), — все это уже было в первых же послевоенных произведениях Галактиона Табидзе, Колау Надирадзе, Алио Мирцхулава, Анны Каландадзе, Иосифа Нонешвили. К сожалению, эта тенденция была неверно истолкована и оценена, что, безусловно, затормозило развитие поэзии в данном направлении, и только в конце 50-х годов она снова заявила о себе. Этот процесс можно сравнить с прорывом дамбы.

Правда, все это касается поэзии, но, на мой взгляд, новые тенденции прозы или критики «шестидесятников» (а не только поэзии) уходят своими корнями непосредственно в эти искания послевоенной поэзии.

Г. А.: Ваше наблюдение безусловно верно. Я бы сказал больше: «шестидесятники» возродили, как мне кажется, те художественные тенденции, которые были присущи грузинской советской литературе с самого начала.

Речь идет о том сложном многообразном комплексе художественных поисков, который берет начало в творчестве таких мастеров, как, например, Нико Лорткипанидзе, Михаил Джавахишвили, Константинэ Гамсахурдиа, Галактион Табидзе 20-х годов и бывшие «голубороговцы», Симон Чиковани. Здесь же следует упомянуть и новеллы Лео Киачели, «Санавардо» Демны Шенгелая, «Луну провинции» С. Клдиашвили и др.

К. И.: Согласен с Вами. Именно это соображение и положено в основу моей книги «Тридцать лет спустя»: литература 60-х годов по сути — органическое продолжение литературы 30-х годов.

Вы очень близко знали таких выдающихся представителей грузинской советской литературы, как Симон Чиковани, Георгий Леонидзе, Бесарион Жгенти... Их отношение к «шестидесятникам» и тем новациям, которые они привнесли в литературу, не было односторонним, и в то же время они сами были активными участниками этих «новаций» не только в

художественном, но и организационном смысле. Чего стоит хотя бы то, что Симон Чиковани руководил секцией эстетики при ЦК ЛКСМ, Бесо Жгенти — кружком молодых литераторов при государственном университете, а Георгий Леонидзе именно для молодых ученых организовал при институте литературы свои знаменитые «вторники».

Добавлю, что их отношения с творческой молодежью не были однородны. Вспомним хотя бы постоянные «сражения» с нею Бесо Жгенти...

Каково же было их отношение к тому процессу переоценки ценностей, который охватил не только литературу, но и почти все сферы нашей жизни?

Г. А.: На этот вопрос трудно ответить однозначно, для меня, фактически, это невозможно. Здесь нужно предусмотреть столько деталей, простое перечисление которых потребовало бы написания специальной статьи.

Поэтому я ограничусь несколькими своими личными наблюдениями.

Георгий Леонидзе не мыслил себя вне молодежи. Особой мягкостью он не отличался, но в глубине души, как мне кажется, некоторых молодых писателей нежно любил. Симон Чиковани был на редкость объективным, терпимым к молодым, и его пронизательность в отношении их будущих судеб прямо-таки поразительна.

Но самый живой разговор с молодыми писателями вел Бесо Жгенти. Мне порой кажется, что он намеренно обострял диалог с ними, чтобы разжечь в них желание бороться.

К. И.: У Вас есть несколько статей, в которых Вы пытаетесь проанализировать грузинский литературный процесс 60—70-х годов. Несмотря на множество спорных положений, высказанных в них, сегодня это, пожалуй, наиболее интересные статьи на данную тему... Не будем затевать спора, наш диалог может слишком затянуться, я только скажу, что мне не понравилось в них (а не то, что я разделяю). Вы помните, Ваша статья о поэзии «Стихотворная руда» печаталась в трех номерах «Литературули газети». У меня создалось впечатление, что пафос первой части статьи — прямота и принципиальность — не выдержан до конца. Именно это мне не понравилось. Что побудило Вас пойти на компромисс? И как Вы думаете, не обесценило ли это всю статью в целом, не утратила ли она своего значения?

Г. А.: Будь я рецензентом этих своих статей, я был бы гораздо более суров к ним, нежели мои оппоненты.

Я также часто употребляю слово «компромисс». Неоднократно призывал к «бескомпромиссности», особенно молодежь. Наверное потому, что хорошо знаю, какие плачевные результаты влечет за собой любая уступка, отступление, «смягчение углов»...

Ваше впечатление близко к истине. Более того: не исключено, что компромиссные нотки прокрались и в первую часть статьи.

Не стану оправдываться и защищать свою позицию. Статья напечатана, и ничего уже не вернешь.

Скажу только одно. Я люблю не только поэзию. Я люблю также и поэтов. Представьте, всех поэтов! Мне нравится любое стихотворение, пусть даже слабое, если в нем есть хоть малейший признак искреннего чувства.

Когда я думаю, сколько человеческой энергии затрачивается на земные дела, а потом представляю себе, с какой самоотверженностью, с каким бескорыстием слагает свои стихи самый слабый, самый беспомощный из знакомых мне поэтов, мне хочется поклониться ему. Я подавляю это свое чувство (ввиду своей профессии), но порой оно оказывается сильнее.

К. И.: Наша литература 60—70-х годов дает большой материал для исследования коренной ее проблемы — проблемы отношения к человеку. Вы не раз писали о характере и эволюции этого отношения, но, как видно, здесь не все ясно. Взять хотя бы вопрос «сентиментального гуманизма». В беседе с Нодаром Думбадзе я затронул этот вопрос, и Вам, конечно, известен его ответ. Что Вы могли бы сказать по этому поводу?

Г. А.: Признаюсь, я ждал этого вопроса и подготовился к нему. Прошу набраться терпения, я собираюсь отвечать подробно, чтобы все стало ясно.

Случается так, что какой-либо предмет после продолжительного наблюдения за ним теряет свою первоначальную, мнимую простоту и предстает перед нами в новых, неожиданных измерениях. Чем ближе рассматриваешь его, взвешиваешь, проверяешь, тем труднее вынести о нем окончательное суждение.

За последнее время я вместе с некоторыми моими коллегами не раз задумывался над тем, как заметно осложнилась концепция человека в сегодняшней литературе.

К примеру, передовое крыло грузинской литературы 60-х годов из многочисленных проявлений гуманности все же отдавало преимущество доброте (отзывчивости и мягкосердечию), что для того времени было вполне понятным, 70-е годы принесли с собой культ горькой правды и суровой справедливости.

Следует отметить еще одно обстоятельство: лет десять назад мы могли утверждать, что центр тяжести проблем перекочевал из поэзии в прозу. Я имею в виду круг вопросов, возникших (или возрожденных) в результате углубленного интереса к гуманизму. Сегодня же целый ряд признаков свидетельствует о том, что эти же проблемы с неменьшей остротой поднимает и грузинская поэзия.

Здесь следует учитывать и более широкий контекст эпохи.

Дебаты о гуманизме в современном мире не только не утихают, но день ото дня становятся все более острыми и охватывают все новые и новые сферы нашей жизни.

Спор о человеке, начатый экзистенциалистами (с характерными для них постулатами), проходит сегодня под знаком гораздо более разносторонних интересов. Не случайно большинство международных симпозиумов литераторов посвящено ныне вопросам именно этого ряда.

В советской критике также широким фронтом идут дискуссии о проблемах гуманизма. Можно сказать, что в нашей литературной периодике никогда не высказывалось одновременно столько противоречивых мнений по поводу одного и того же вопроса.

Все это — результат искусственно вызванного любителями полемики литературного «бума».

Но в этих спорах уточняются некие существенные, обязательные на сегодняшний день, а еще более обязательные для нашего завтрашнего дня мировоззренческие ориентиры.

В свою очередь и грузинская литература, сегодняшняя и вчерашняя (как «шестидесятники», так и поколение 70-х годов), дает обильный материал для подобного противопоставления и столкновения мнений. И тем не менее настоящий, принципиальный спор на эти темы еще не состоялся. Poleмика гораздо чаще преследует цель утвердить личное кредо или вкус, нежели изучить и объективно обобщить накопившееся.

Говоря это, я имею в виду недавно опубликованную беседу двух известных литераторов (критика и прозаика).

Они рассматривают целый ряд вопросов, высказывают интересные суждения, в частности о мифе и мифотворчестве, но краеугольный камень беседы — проблема гуманизма.

Финальная часть ее обращена к молодежи («надежды» и «ожидания» — это именно о ней). Как видно, авторы беседы считали, что молодежь, в частности молодые писатели, по прочтении ее преисполнятся духа гуманности.

У меня другое мнение на этот счет.

Начну с замечания принципиального характера.

Один из «обуславливающих» гуманизм факторов авторы диалога считают (в первую очередь!) генетический фактор: «Мягкосердечие и гуманизм — это не профессия, это склонность человека, порой обусловленная генетически, порой же приобретенная учением, личным примером» и т. д.

Неудивительно, что после этого участники беседы объявляют гуманизм... «инстинктом».

Генетика нынче в большом почете, особенно в тех кругах, где раньше ее жгли каленым железом, и этот факт, вероятно, оказал некоторое психологическое воздействие на участников беседы.

Мне неизвестно, у какого генетика-безумца вычитана мысль о том, что гуманизм «генетически предопределен». Поэтому не буду тревожить научные авторитеты поиском контраргументации и отмечу лишь одно незначительное несоответствие.

Если бы гуманизм был действительно генетическим по своей природе явлением, все решалось бы гораздо проще: глашатаям европейского Ренессанса не понадобилось бы титанических усилий, чтобы разбудить человечество, да и французским просветителям не надо было бы трудиться и выводить из тумана средневековых предрассудков сознание поколений.

Вместо этого в специальных племенных хозяйствах вывели бы несколько десятков «производителей-гуманистов» и узаконили бы их привилегии перед слабым полом. Дальше все пошло бы по геометрической прогрессии.

Неточно, на мой взгляд, и утверждение, что гуманизм приобретается с помощью знаний.

Можно выучиться ботанике, иностранному языку, правилам движения, наконец.

Для «приобретения» гуманизма необходимы чуть боль-

шие духовные затраты — не «выучить», а сжиться, сродниться...

Прошу прощения, но мне придется повторить неоднократно высказанные до меня истины.

Гуманизм в широком значении этого слова, которое кристаллизовалось на протяжении нескольких исторических эпох, не означает какой-либо одной или двух (пусть самых положительных) черт человеческого характера. Под этим понятием, по существу, подразумеваются все возвышенные таланты человека, отличающие его от других живых существ, то, что есть собственно человеческое, гуманное, что возводит человека на престол единственного божества, центра вселенной, правителя мира.

Гуманизм — безусловно, «нравственная категория» (как утверждают участники беседы). Но это еще не все, поскольку в действительности (по большому счету) гуманизм и исторически-мировоззренческая категория. В контексте духовного развития человечества он включает в себя такие человеческие черты, как потребность в правде и жажда свободы, стремление к знаниям и бунт против слепой неотвратимости. способность наслаждаться прекрасным и ненавидеть всякого рода насилие и связанные с ним рабскую покорность, лицемерие, фарисейство; потребность познания внешнего мира (а также собственного «я»), их преобразования и покорения; способность строить и творить, верность идеалам и идолоненавистничество, восторг перед возвышенным и отвращение к безобразному, дар великодушия и справедливости.

Способность смеяться, между прочим, — также атрибут гуманности.

Одним словом, только условно, фигурально гуманизм можно назвать инстинктом (безразлично — «открытый» он или нет). Впрочем, и в данном случае сочетание этих двух понятий внутренне явно не оправдано. Хотя бы еще и потому, что почти любой конкретный признак гуманности проявляется в сознании человека в виде «антиинстинкта», как результат подавления, например, страха, жадности, слепого упрямства, хищничества, заискивания перед сильным и беспощадности к слабым и других подобных («животных») черт.

Правда, в свое время гуманисты проявляли великую терпимость по отношению к некоторым человеческим слабостям, но в конечном счете они преследовали цель — не возвращение к варварству, а возвышение сбросивших оковы человеческого духа и разума, возвышение как над первобытными

инстинктами, так и над атавистическими и приобретенными склонностями, гипнотизирующими человеческую психику.

Гуманизм, гуманистическое мировоззрение (в частности этика) целиком и полностью — порождение развитого человеческого сознания, а не подсознания, высочайшее достижение сознательной жизни человечества, а не биологическая принадлежность, переходящая по наследству.

В упомянутой беседе говорилось о некоем «легковесном флирте» одного критика с гуманизмом.

Несмотря на то, что под этим критиком имели в виду меня (речь шла о моей статье «Проблема гуманности в современной грузинской прозе», опубликованной несколько лет назад в журнале «Цискари»), я должен признаться, что приветствую это замечание: когда один человек считает, что другому не хватает «глубины», это рождает надежду, что сам он подойдет к делу более обстоятельно.

К сожалению, в данном случае надежда не оправдалась.

Когда мы рассуждаем о таких вопросах, нелишне было бы вспомнить, как решали их наши предшественники — выдающиеся гуманисты XX века, — в каких масштабах, с учетом какого исторически-культурного опыта, сколько интеллектуальной энергии при этом затрачивали, какой дорогой ценой давался им каждый новый шаг на этом пути. Поэтому говоря об одном из них (Томасе Манне), следует опираться в первую очередь, на воззрения самого писателя, а не на филистерски-самодовольные высказывания его личного секретаря по поводу «прочтения» одного из сложнейших произведений нашего времени («Иосиф и его братья»).

Литературные анекдоты вообще — весьма сомнительные проводники по лабиринтам творчества великих писателей.

Свидетельства лакеев, кухарок или управляющих слишком незначительны, слишком поверхностны, чтобы с их помощью мы могли бы постичь взаимосвязь между душой и разумом этих личностей, проникнуть в истинные глубины их замыслов. Подсознательный импульс подобных свидетельств обычно — опростить тайны великого художника и мыслителя (выдающегося мастера вообще), опустить его до собственного уровня.

К слову сказать, прояви участники беседы более глубокий интерес к известной тетралогии Томаса Манна, сконструированная ими модель гуманизма, разумеется, была бы свободна от отмеченных выше «странностей».

Главная задача автора «Иосифа и его братьев» заклю-

чалась в том, чтобы в недрах мифологической предьстории человечества, а именно в библейских легендах, выявить первоисточники вечной борьбы между разумом и инстинктом, сознанием и невежеством. Именно в этой схватке не на жизнь, а на смерть человечности с «сумрачной стихией животных инстинктов» видел Томас Манн сущность истории, а в окончательной победе над этими слепыми силами — высшее назначение рода человеческого. Мировая литература не раз обращалась к прекрасному образу Иосифа. И в живописи его образ стал символом покорности и всепрощения.

Томас Манн вдохнул в Иосифа новую душу, как бы говоря нам, что его непреходящая мудрость, правда и великодушие всегда во всеоружии будут встречать силы зла и безрассудства.

Однако разговор на эту тему завел бы нас далеко.

Проблема гуманизма практически неисчерпаема в той же мере, в какой неизмеримы потенциальные силы человеческой души и разума. Кроме того, с этим вопросом сегодня связано множество реальных альтернатив.

Лишь тот, кто пребывает в обманчивой нирване самодовольства, может допустить, что проблема решается одним мановением руки. В упомянутой статье я попытался (плохо ли, хорошо ли) выявить в современной грузинской прозе ряд скрытых или очевидных психологических контрастов подобного рода. Я не спешил с выводами, поскольку, должен признаться, в этом сложном и противоречивом процессе многое остается еще не ясным для меня, ряд проблем должен быть уточнен самой жизнью, а на иные вопросы исчерпывающий ответ может дать только будущее.

Я надеялся, что картина сегодняшнего состояния грузинской прозы, увиденная под этим углом, вызовет определенный интерес в профессиональных кругах, за которым последует обмен мнениями, наподобие того, о котором я уже говорил.

Многие авторы не дают себе отчета, что современная грузинская литература по своему содержанию склоняется к решению больших человеческих проблем, что глубокая заинтересованность национальными вопросами не только не мешает, напротив, сближает передовую часть нашей литературы с поисками, имеющими за своей спиной множество тысячелетий, с идеями и идеалами, освященными в купели общечеловеческой культуры.

Случается, на это намеренно закрывают глаза.

Если бы это касалось одного какого-либо частного фак-

та нашей литературы, я не стал бы злоупотреблять Вашим вниманием.

Дух сегодняшней грузинской литературы, отражающий новый уровень нашего социального и национального самопознания, категорически запрещает нам игнорировать какие-либо сложности жизни, облегчать себе задачи и развлекаться веселой болтовней вместо глубоких размышлений и нелюбезного разговора о судьбах мира и собственной судьбе.

Не случайно, например, многомиллионный читатель Нодара Думбадзе в последнее время отмечает его «измену» юмору. Я лично всегда считал Нодара Думбадзе серьезным писателем. Однако подобная эволюция его таланта, мастерства говорит о многом. И безусловно, основным инспиратором этого явилось время.

Я могу не соглашаться с некоторыми литературными воззрениями Нодара Думбадзе, но его личности и позиции в литературе придаю огромное значение, поскольку в грузинской литературе нет другого такого писателя, который имел бы столь же широкую читательскую аудиторию.

Все по-настоящему современные, по-настоящему истинные достижения сегодняшней грузинской прозы и поэзии указывают на глубину проникновения в душу и окружение человека. В этом аспекте рассматривается в них, в частности, и проблема нашей национальной судьбы и призвания.

Взоры нашей литературной молодежи, наиболее талантливых ее представителей также прикованы к глубинным, фундаментальным пластам жизни. Это поколение уже физически не выносит в литературе краснобайства или, что того хуже, косноязычия, поскольку для тех нелегких мыслей, которые оно должно выразить, тех бескомпромиссных слов, которые должно высказать, этот стиль мышления и речи в корне неприемлем.

Следует отметить, что все эти признаки явственно ощущаются не только в литературе, но и в других сферах нашего искусства.

Для примера приведу трехсерийную телеэпопею молодого кинорежиссера Сосо Чхаидзе «Тушинские пастухи». Фильм этот согрет утонченным, чистым, вскормленным народными истоками юмором, в основе которого лежит глубокое доверие к человеку. Однако эта же картина омрачена огром-

ным грозovým облаком — большой человеческой болью и тревогой. Правда здесь бьет в набат, и настолько сильны гуманистический, патриотический и гражданственный пафос этого почти документального произведения и сила его художественного обобщения, что мы теряем последнюю надежду на преждевременное успокоение или малейшее утешение.

Грузинскую литературу сегодня движет вперед не приятный для слуха и обволакивающий сердце голос полуправды, но резкий, без прикрас, всеобъемлющий призыв к истине или та форма гуманности, которая, если вновь сослаться на Томаса Манна, есть проникающий в глубины и свободный от сладкоречия, прошедший все дьявольские бездны мук и знания новый гуманизм.

В литературной жизни 60-х годов Гурам Асатиани явил собой новый тип критика, в определенной мере выразивший дух этого времени, — человека в высшей степени образованного, постигающего художественное произведение во всей его глубине, беззаветно любящего литературу и писателя.

Таким он остался до конца своих дней.

Он был поэтом — это проявлялось в его отношении и к людям, и к слову. Может быть поэтому его статьи по преимуществу импрессионистского характера. Холодный разум в них уступает сдержанной, но сильной страсти.

Гурам Асатиани и критики-«шестидесятники» принципиально обновили методологию исследования литературы, стиль работы. Наиболее впечатляюще эта новизна проявилась в работах Гурама Асатиани, в характере его деятельности.

Вообще слово «новизна» из всех других наиболее точно характеризует его как литератора и как человека вообще.

Сын писателя и сам писатель, Гурам Асатиани обладал тем чутьем литератора, которому невозможно выучиться, оно должно быть в крови. Несравненный полемист, он никогда не был безжалостным по отношению к своим литературным оппонентам, и только схватки его с Бесо Жгенти носили бескомпромиссный характер. Каково же было мое удивление, когда на другой день после очередного столкновения я увидел их, мирно беседующих!

Он никогда не смешивал литературные отношения с личными, но как никто другой мог превратить личные отношения в литературные. Он обладал удивительным даром придавать обы-

денности оттенков необычности. Искусство подобного общения он воспринял, наверное, у классиков нашей литературы, которые являлись друзьями его семьи, впрочем, ему и самому был дарован этот особенный талант. Вероятно потому журнал «Литературная Грузия», который он редактировал, с такой силой притягивал к себе известных советских писателей, преследуя цель еще более популяризировать грузинскую литературу, вывести ее на более широкую арену.

Его книги, статьи, выступления порой бывали спорными, но одно оставалось неизменным — любовь к литературе, несравненный вкус, безошибочное чутье и завидные знания.

Гурам Асатиани многое успел сделать... Но, по моему глубокому убеждению, он далеко не исчерпал своих возможностей.

Жизнь как будто была к нему взыскательнее, чем к другим, и он щедро отдавался ей... Он был добр, не жалел себя, любил удивлять окружающих, быть в центре внимания, а если бы ты ему доверился (а ты непременно ему доверился бы), открывал тебе новые дали, хоть ненадолго, но делал из тебя другого человека, кружил голову, пленял своим артистизмом...

Его книги и статьи еще долго, очень долго будут говорить нам нечто новое, да и в самих нас будить мысли, соавтором которых он может выступать по праву, потому что свои соображения он предлагал нам не как непреложную истину, а как исходную точку для размышлений.

Именно поэтому Гурам Асатиани был редким инспиратором новых мыслей. Его высказывания, порой парадоксальные, были теми ферментами, без которых невозможен литературный процесс.

Его суждения или поступки нередко шли вразрез со стереотипным мышлением; именно при его поддержке в нашей литературе утвердились такие произведения или авторы, которые еще долго не увидели бы света.

Интересы литературы для него были превыше всего.

Мы зачастую недооцениваем или оцениваем ошибочно друг друга в силу близости, существующей между нами, но стоит кому-либо отойти от нас, как отошли Гурам Асатиани и Нодар Думбадзе, и мы начинаем понимать, с какими людьми, оказывается, свела нас судьба.

Личность и творчество Гурама Асатиани еще не раз заставят задуматься о его значимости для грузинской литературы.

С годами мы все острее ощущаем его утрату.

Нашей критике действительно трудно обходиться без него.

В ПОСЛЕДНИЕ годы вышло в свет немало интересных исследований по грузинскому стихосложению.

В 1980 году издательство Тбилисского университета выпустило книгу профессора А. Урушадзе «Вопросы грекоримской и грузинской метрики», в которой рассматриваются основные проблемы версификации и системы стихосложения. В частности характеризуются такие разновидности стиха, как дактилический гекзаметр, элегический дистих, ямбический триметр, трохеический тетраметр и другие. И что особенно важно, показаны пути и способы воспроизведения этих разновидностей в грузинском и русском языках, имеющих совершенно различные типы стихосложения.

В книге А. Урушадзе щедро представлены образцы греческой и латинской лирики, а также выполненные различными поэтами их грузинские и русские переводы, которые демонстрируют как потенциальные возможности переложения произведений с одного языка на другой, так и типологические трудности искусства перевода.

Особое место уделяется автором способам передачи образцов античной квантитивной (количественной) метрики, квантитативных разме-

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ — ГРУЗИНСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

ров, к которым прибегали древние грузинские писатели. К книге приложен соответствующий комментарий и обзор литературы по версификации по данной теме.

Античное стихосложение, как известно, — квантитативное. В отличие от русского языка слоги греческих и латинских слов четко делились на длинные и краткие, чередование которых и было положено в основу классической (греко-римской) метрики.

Размеры квантитативного или метрического стихосложения (дактилический гекзаметр, элегический дистих, ямбический триметр, тетраметр, сапфическая строфа, алкеева строфа и др.) более приблизительно можно передать размерами силлабо-тонического стихосложения. В основе его лежит понятие метра, а симметричность расположения ударных и безударных слогов приближается к симметричности соотношения между долгими и краткими слогами стихосложения древних греков и римлян. Это и позволяет воссоздавать классический метрический стих в русском переводе размером, приближающимся к подлиннику.

Грузинское же стихосложение — феномен сложный. Существуют разные мнения о сущности грузинского стиха. Одной из распространенных теорий является силлабо-тоническая (А. Гацелиа и другие). Внешний признак силлабо-тонического стиха — одинаковое число слогов в стихотворной строке. Однако в нем присутствует и известная соизмеримость в расположении ударных слогов (фиксированных ударных слогов в отличие от подвижных, присущих, к примеру, русскому стиху). Ударение в грузинском стихе не имеет организационной функции, поэтому античные стихи невозможно воссоздать на грузинском языке размерами подлинника, приходится подбирать более приблизительные формы.

Наиболее приемлема, на наш взгляд, классификация грузинского стиха, предложенная академиком Г. Церетели, согласно которой грузинский стих относится к регулированному силлабическому.

Подобного же мнения придерживаются профессора А. Урушадзе и А. Хинтибидзе. С именем последнего связано издание трех книг по стиховедению. Прежде всего, это сборник его трудов «Разыскания по поэтике» (1981). Часть из них — «Грузинская поэтика — наша забота», «Старая и новая рифма» — касается проблем грузинского стиха. В «Мыслях о современной версификации» говорится о многогранности рифмы и разнообразии метрических пластов в современном стихе.

Интересна также работа «Грузинская рифма в структуре стиха Маяковского». Как известно, поэзия В. Маяковского оказала

большое влияние на развитие многонациональной советской поэзии, в том числе грузинской. Но это воздействие не было односторонним. Исследователь делает попытку определить обратный процесс — показать, как грузинская рифма сказалась на рифме поэта.

В ряде случаев в издании ощущаются отголоски полемики. Так, «Рифма, метафора и др.» — это ответ на статью А. Гацелиа «К правильному пониманию рифмы и метафоры». Подробно излагая свои взгляды на эти категории, А. Хинтибидзе возражает ученому, опираясь на данные русской и грузинской поэзии. Откликом на исследование Г. Микадзе «Виды грузинского стиха» предстает перед нами работа «Виды, термины, понятия древнегрузинского стиха». Подробно анализирует ученый и разыскания Т. Гудава «Вопросы структуры мингрельского стиха».

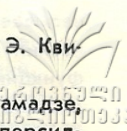
Положительно оценивая в целом рассматриваемый сборник, думается, следовало бы дать в нем более широкую характеристику структуралистических методов стиховедения.

Другое важное начинание А. Хинтибидзе — издание на грузинском и русском языках первого грузинского труда по поэтике «Поучение о сложении стихов» («Чашники») Мамуки Бараташвили (Тбилиси, изд-во ТГУ, 1981). Приуроченное к 250-летию создания трактата, оно содержит заново установленный текст памятника, его русский перевод, а также краткие примечания и исследование А. Хинтибидзе.

Это — четвертая публикация «Чашники». Предыдущие (1900 и 1920 гг.) не принесли трактату популярности, так как в них были допущены небрежности и текстуальные ошибки. Осуществление третьей принадлежит Гиви Микадзе. По мнению А. Хинтибидзе, издание на должном уровне трактата М. Бараташвили, аналогично очерку Е. Болховитинова, опубликованному в 1802 году (в нем утверждалось, что грузинский стих по своему характеру силлабо-тонический), обеспечило бы ему больше сторонников, а исследование грузинской мерной речи лишило многих противоречий.

И наконец — предпринятый А. Хинтибидзе выпуск сборника «Чашники. Вопросы грузинского стиховедения» (Тбилиси, изд-во ТГУ, 1984), в который вошли труды грузинских ученых, посвященные 250-летию создания трактата М. Бараташвили «Чашники».

Тематика его весьма разнообразна. Это и исследования теоретического характера — теоретические традиции поэтики в древней Грузии, генезис версификации в картвельских языках, история исследования грузинского стиха, и работы, посвященные вопросам стихосложения, поэтики больших грузинских писателей — Галактиона Табидзе, Г. Орбелиани, Важа Пшавела. Сре-

ди авторов — А. Хинтибидзе, Т. Доиашвили, М. Курдиани, Э. Кви-
таишвили, Л. Сулханишвили, Г. Надарейшвили и другие.

Не менее интересные проблемы поднимают Н. Таргамадзе,
сопоставляющий некоторые компоненты грузинского и персид-
ского стихов, Т. Ломидзе, поделившийся своими наблюдениями о
связях между настроением и музыкой стиха, и другие, затраги-
вающие актуальные, малоизученные вопросы грузинского стиха.

Следует отметить, что издание трактата Мамуки Бараташви-
ли и посвященного ему сборника не осталось незамеченным. В
прессе были опубликованы положительные рецензии Л. Брегадзе,
М. Гаспарова, Д. Сливняка и других.

Иного мнения о грузинском стихосложении придерживается
профессор А. Гацерелия, автор монографии «Грузинский класси-
ческий стих», последняя публикация которой осуществлена в 1981
году. В первой ее части речь идет об общих вопросах теории
стиха и дается краткая история изучения грузинской версифи-
кации, во второй проанализированы основные составные эле-
менты грузинского стиха — ударение, ритм, рифма, строфа и раз-
меры VII—XVIII веков. К книге приложен научно-справочный
аппарат — примечания, обширная библиография на грузинском,
русском и иностранных языках.

Природу грузинского стиха А. Гацерелия соотносит с силла-
бо-тоникой. Он пишет: «Ритм грузинского стиха создается не
только одинаковым количеством слогов в стопе, но и порядком ак-
центных единиц, под контролем которого и идет течение словес-
ных групп, как единой экспирационной волны».

Во второй части третьего тома «Избранных сочинений»
А. Гацерелия помещен труд «Некоторые вопросы поэтики «Веп-
хисткаосани», очерки и статьи по общей версификации, по от-
дельным вопросам грузинского стиха. В книге красной нитью
проходит основная установка автора, который не приемлет струк-
туралистского подхода к художественным произведениям, раз-
деляющего целое на отдельные элементы. Динамика впечатле-
ния заменяется сухой картиной противопоставления элементов.
На передний план выступает расчлененность элементов, частицы,
а не их целостность. Структурализм обедняет эмоциональную
сферу поэзии.

Об этом подробно говорится в очерке А. Гацерелия «Струк-
турализм в поэтике», в котором анализируются труды Р. Якоб-
сона. Отмечен большой вклад в науку о стихе этого известного
языковеда и исследователя поэтики, уделившего большое вни-
мание различным сферам гуманитарных знаний — фонологии,
текстологии, мифологии, лингвистическому аспекту перевода, так

называемой функциональной структуралистике. Однако теоретический постулат ученого — «поэзия есть язык в его эстетической функции» — в последних работах («Лингвистика и поэтика», «Стилистика и поэтика» и других) привел его к ошибочному выводу, согласно которому поэтика является частью лингвистики. Таким образом, спор А. Гацерелия с американским ученым носит принципиальный характер.

В своем исследовании «Вопросы грузинской гимнографии и версификации» он анализирует труд В. Гвахария «Основы древнегрузинской гимнографии» и одновременно подвергает критическому пересмотру распространенные тезисы Павле Ингорква о структуре грузинской духовной поэзии. А. Гацерелия защищает тезис его труда «Грузинский классический стих»: структуру поэтической гимнографии определяет не тоника, а законы церковного песнопения («галобис канонеби»).

Актуальных вопросов стихосложения касаются еще две статьи А. Гацерелия: «По поводу одного очерка» и «Верлибр» (ответ на анкету журнала «Цискари»). Автор отмечает низкий уровень стиховедческих работ последних лет, вышедших на грузинском языке, цитирование без кавычек, различные курьезы. Подобные примеры содержатся и в статьях «О правильном понимании ритма и метафоры», «Против литературного воровства», «Дополнительные разъяснения» и других.

Как и А. Гацерелия, Р. Беридзе также сторонник силлабо-тонической природы грузинского стиха, однако позиция последнего отличается некоторым своеобразием. В своем труде «Древнейшая форма грузинского стиха» он утверждает, что в нашем национальном языковом строе, стиховом строе в далеком прошлом Грузии обнаруживаются просодические модели, отмеченные исключительной акцентацией и весьма отличающиеся от классических, новых и новейших форм грузинского стиха.

В указанном исследовании содержится анализ древнейшего хевсурского стихового размера «мтиблური» и делается вывод, что это — разностопный размер в пределах силлабо-тоники, поскольку несмотря на разнообразие стоп их последовательность не противоречит закону повторяемости ударных и безударных слогов или потенциально с ним согласуется.

Исходя из наличия двух точек зрения в грузинском стиховедении о роли «колена» («мухли») и ударений (1. основой грузинского стиха является «мухли», а ударения не играют органической роли; 2. основой грузинского стиха являются ударения, а «колена» не играет органической роли), Р. Беридзе находит, что не сле-

дует абсолютизировать эти положения, поскольку строй грузинского стиха определяет взаимодействие отмеченных явлений.

Грузинский литературный стих (речь идет о просодических моделях) в основном состоит из пяти стоп. Таковыми являются хорей, дактиль, второй пeon, дихорей и несущее функцию стопы односложное слово (предположительно аналогичное мужской рифме — «мужская стопа»). Их разнообразное, исключительно последовательное чередование и создает логаздную структуру грузинского стиха, конечно, в пределах силлабо-тоники, хотя и не без исключений.

Народное же грузинское стихосложение (картл-кахетинский, кизихский и другие диалекты) близко к вышеуказанным тенденциям. Что же касается грузинского народного стиха, рожденного в среде других диалектов (хевсурский, мохевский, мтиульский...), то его метрические схемы в основном выявляют три стопы — хорей, амфибрахий и третий пeon. Здесь дает знать о себе древнейшая стиховая акцентуализация грузинского стиха.

Итак, каков же характер грузинского стихосложения? Одна группа ученых считает, что в основе грузинского стиха лежит определенное количество слогов и грузинское стихосложение является силлабическим или в основном таковым. Другие придерживаются положения о силлабо-тонической природе грузинского стиха, поскольку грузинское слово имеет ударение, а в стихе появляется еще и фразовое ударение. Наконец, высказано предположение о логаздности грузинского стиха.

Какое из этих мнений правильное? Видимо, грузинское стихосложение не поддается однолинейной характеристике. Поскольку грузинский стих создает взаимодействие двух факторов — равносложности строк и наличия ударений, то истину надо искать на стыке примирения двух противоположных точек зрения, тем более, что общая тенденция развития языков свидетельствует об усилении ударности, а стало быть, об отходе от силлабичности.

ЕЩЕ один классик английской литературы стал достоянием грузинского читателя. Если до сих пор любители литературы знали Чосера большей частью по русским переводам, то теперь выполненный Георгием Нишнианидзе перевод «Кентерберийских рассказов» дает возможность грузинскому читателю ознакомиться с творением английского автора на родном языке.

Заза ГАЧЕЧИЛАДЗЕ

ЧОСЕР ЗАЗВУЧАЛ ПО-ГРУЗИНСКИ

Джеффри Чосер принадлежит к числу крупнейших фигур в истории европейской литературы. Об этом красноречиво свидетельствует роль его творчества и отношение к нему литературной критики разных стран; а прошедшие со времени его деятельности 600 лет не только не умалили, но еще более утвердили его авторитет как одного из предвестников культуры Возрождения в Европе, поэта, достойного своих великих современников Петрарки и Боккаччо.

В нашей стране творчество Чосера пользуется заслуженным вниманием. Горький назвал его основоположником реализма. О нем писали такие известные исследователи зарубежной литературы, как А. А. Елистратова, М. П. Алексеев, А. К.

Дживелегов, А. А. Аникст и другие. В советском литературоведении Чосер, подобно Данте, расценивается как последний поэт Средневековья и первый поэт нового времени. Имя Чосера упоминается рядом с именами Данте, Рабле, Шекспира; его творчеству уделяется значительное внимание в исследованиях, посвященных литературе позднего Средневековья и раннего Возрождения; подчеркивается роль Чосера как исключительно важного звена в процессе перехода от Средних веков к эпохе Ренессанса. Первые переводы из Чосера появились на русском языке еще в прошлом столетии. В 30—40-х годах XX века печатаются новые варианты, а в 1946 г. издается почти полный текст «Кентерберийских рассказов» в прекрасном переводе И. Каликина и О. Румера.

Эти переводы и критические материалы были хорошо известны в Грузии. Новый этап в истории знакомства наших читателей с Чосером начинается в 70-х годах, когда вышел в свет грузинский перевод «Кентерберийских рассказов».

Как известно, произведение Чосера состоит из ряда рассказов, связанных обрамляющей их рамкой, которая дается в прологе и промежуточных между ними вставках. Повествование идет от лица паломников, которые направляются в Кентербери и по дороге развлекают друг друга рассказами. Действующими лицами Чосер выводит представителей всех сословий страны, и каждый из них выступает с рассказом, который соответствует кругу его интересов. Отсюда разнообразие входящих в сборник историй, написанных то в духе рыцарских романов и назидательных историй, то в стиле забавных городских фаблю. Произведение осталось неоконченным и состоит из пролога и 24-х рассказов.

Из них на грузинский язык тринадцать переведены стихами, а восемь рассказов переданы в сокращенном прозаическом изложении. Полностью и очень удачно переведен пролог, играющий, по замыслу автора, особую роль: в прологе читатель знакомится с героями произведения.

Выбор материала переводчиком не вызывает возражений, ибо все переведенное на грузинский язык рассказы интересны по содержанию и в то же время дают представление о жанровой своеобразии «Кентерберийских рассказов». Здесь и рыцарский роман (рассказ рыцаря), и пародия на него (рассказ о сэре Топасе), и произведение басенного типа (рассказ монастырского келллана), и религиозная легенда (рассказ второй монахини), и, наконец, забавные фаблю (рассказы церковного пристава, кармелита и др.).

В целом грузинский перевод дает довольно полное представление о произведении великого английского поэта XIV века.

При работе над книгой Чосера переводчик должен был столкнуться со многими трудностями, проистекающими из языковых и стилистических особенностей «Кентерберийских рассказов».

Чосер стоит у истоков английского литературного языка; после долгого периода господства в Англии французского языка он первый стал писать свои произведения на родном языке. Но сегодня язык Чосера труднодоступен даже английскому читателю. Поэтому начиная с XVII века «Кентерберийские рассказы» неоднократно переводились на современный английский. Однако переводчик не может исходить из такого переработанного текста и должен опираться на оригинал. Отсюда необходимость разобраться в устаревших словах, терминах, оборотах речи, идиоматических выражениях и правильно передать их значение, которое во времена Чосера имело порой иной в сравнении с современным английским смысл.

Г. Нишнианидзе, несомненно, учитывал в своей работе эти трудности. Поэтическое дарование и богатый переводческий опыт позволили ему найти в грузинском языке соответствующие эквиваленты. Используя в иных случаях архаические языковые формы, прибегая порой к стилизации, Нишнианидзе сумел создать адекватную лексическую структуру, которая в то же время легка для восприятия.

Другой сложный вопрос, стоявший перед переводчиком — это подбор соответствующего поэтического размера, который позволил бы правильно передать в грузинском варианте особенности стиха «Кентерберийских рассказов».

Чосер был новатором в области английской версификации. В Средние века наиболее распространенным в Англии был аллитеративный стих. Устами одного из персонажей своего произведения Чосер пародирует эту форму стихосложения. Сам он обратился к рифме, создал образцы гибкого силлабо-тонического стиха, дав тем самым толчок для дальнейшего развития английской поэзии.

В произведении Чосера использованы различные стихотворные формы: октава — восьмистрочная строфа, написанная пятистопным ямбом (рассказ монаха); доггерель — неравностоящая строфа с добавочными, так называемыми хвостовыми рифмами, характерная для шуточных жанров (рас-

сказ о сэре Топасе), семистрочная строфа, получившая широкое распространение у английских поэтов последующего времени. Наиболее характерная для Чосера структура стиха — это пятистопный ямб, хотя к некоторым строкам добавляется еще один слог. Поэтическая практика Чосера явилась основной для английской драматургии, для которой наиболее характерным становится пятистопный ямбический стих.

Поскольку и в России, и в Грузии работа по переводу произведений Шекспира имеет давнюю историю, этот опыт, несомненно, был использован в отношении Чосера. Русские переводчики, следуя оригиналу, в основном использовали парнорифмованную десятисложную ямбическую строку, к которой в отдельных случаях, так же, как и у Чосера, прибавлялся одиннадцатый слог.

Иначе обстоит дело в грузинских переводах. Исходя из характера грузинского стиха, точно повторить структуру шекспировского стиха переводчикам не удалось. Английскому пятистопному ямбическому стиху соответствует грузинский четырнадцатисложный стих. Именно этим размером перевел Шекспира И. Мачабели, а за ним другие переводчики.

К этому же размеру обратился и Г. Нишнианидзе в работе над «Кентерберийскими рассказами».

Но оказалось, что не так уж и легко было вместить в длинную строку грузинского текста весь смысл более короткой строки оригинала. Эта трудность вполне понятна, если принять во внимание, что английский язык в основном моносиллабичен. Г. Нишнианидзе, как некогда И. Мачабели, преодолел это препятствие, противопоставив обилию слов в английской строке лаконизм грузинских выражений и оборотов речи. Лишь изредка переводчик допускает поэтические вольности, на которые его, очевидно, вдохновлял сам Чосер, и несколько отходит от оригинала, сохраняя, однако, общий настрой произведения — яркость реалистических описаний, тонкий лиризм, юмор, легкость изложения и остроту сатиры.

Предисловие к грузинскому переводу «Кентерберийских рассказов» написано Э. Топуридзе. В нем говорится о характерных чертах творчества Чосера в связи с особенностями его эпохи, показаны те литературные традиции, на которых он вырос; это позволяет автору подчеркнуть новаторство Чосера как в отношении проблематики, так и в области языка и литературных жанров. В предисловии дается общая оценка главных произведений писателя, но основное внимание уделяется анализу «Кентерберийских рассказов», подчеркивает-

ся их народность и реализм. Разделяя принятое в советском литературоведении мнение, Э. Топуридзе рассматривает Чосера как предвестника английского Возрождения и говорит о его влиянии на дальнейшее развитие английской литературы.

Так же оценивается Чосер и в рецензии Т. Эристави, напечатанной в «Литературиლი Сакартвело» (1979, № 16). Основная часть рецензии посвящена сделанному Георгием Нишнианидзе переводу, который Т. Эристави совершенно справедливо оценивает высоко и считает художественно адекватным оригиналу. Отдельные неточности рецензент объясняет тем, что переводчик не воспользовался современными английскими переложениями «Кентерберийских рассказов» и работал только по очень сложному тексту Чосера. Однако такой прямой контакт с оригиналом дал ему возможность более полно передать настроение и дух произведения, что гораздо важнее, чем буквальная точность.

ОТ ПОРТРЕТА

К СОНЕТУ

ТВОРЧЕСТВО основоположника грузинской скульптуры Якова Николадзе своими корнями уходит в резные орнаменты грузинских храмов и скальных городов, в работы старых грузинских мастеров.

В единоборстве с неподатливой массой камня создавал он образы славных сынов своего отечества, деяниями своими умноживших славу Грузии, — Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, Иванэ Джавахишвили, Чахрухадзе... Образы этих писателей, общественных деятелей являлись для него олицетворением величия родного народа.

Неудивительно поэтому, что творчеству Я. Николадзе сопутствовала и руставелевская тема.

Острый интерес к великому грузинскому поэту появился у Николадзе уже в отроческом возрасте, когда в книжном магазине своего брата он увидел богато оформленного «Витязя...» с иллюстрациями М. Зичи.

К образу Ш. Руставели Николадзе возвращался неоднократно. Он является автором первого скульптурного портрета Руставели. Николадзе создал его на заре самостоятельной работы и выставил в Кутаиси. Скульптуру приобрел меценат Зубалашвили, впоследствии увезший ее во Флоренцию. Созданный по тому же эскизу второй портрет Руставели (отличающийся от первого своими размерами) Я. Николадзе вынес на пятую выставку работ кавказских художников в Тбилиси в 1897 году. Скульптура вызвала интерес общественности, одобрение Ильи Чавчавадзе.

Хотя общие контуры николадзевских работ на руставелевскую тему навеяны традицией, каждая скульптура свидетельствовала о росте его мастерства. Овальный барельеф поэта с дугообразным вырезом работы Я. Николадзе выдержал проверку временем. Сегодня, когда нам известно изображение престарелого Руставели на стене Крестового монастыря в Иерусалиме,

барельеф Николадзе кажется наиболее близким к этому образу.

Я. Николадзе принадлежит и первая попытка скульптурной иллюстрации поэмы.

Поэтому вполне естественно, что он оказался в числе тех поэтов-читателей руставелевского гения, которые окружали прославленного русского поэта Константина Бальмонта в бытность его в Грузии.

Со времен Ильи Чавчавадзе и его соратников руставелологической деятельности придавалось общественное значение. Исследователи творчества Руставели, его издатели и собиратели рукописей, фольклора, популяризаторы его идей, художники, переводчики в прозе и стихах, комментаторы, инициаторы создания памятника поэту и «Общества Руставели», устные сказители и почитатели «Витязь...» открыли Бальмонту родину Руставели.

Всеобщую любовь, которую питали грузины к своим поэтам и поэзии, Бальмонт воспринял как признак высокой духовности народа, а почитание Руставели — выражением его национальной гордости. «Витязь...» был как бы ключом, открывающим путь к осуществлению более смелых культурных замыслов.

В это время на арену культурной жизни выступило новое поколение интеллигенции и писателей первого десятилетия нового века. Большинство из них получило образование в России и Европе. Они с честью продолжили дело своих славных предшественников и наметили новые пути в развитии отечественной науки и культуры. При этом имя Руставели неизменно оставалось в центре этого культурного подъема.

Приезд Бальмонта в Грузию, его поэтическая клятва — «Святыню Грузии — поэму Руставели,

Я — славянин, клянусь явить своей свирелью...» — умножили и сплотили ряды тех, кто был заинтересован творчеством Руставели, способствовали обновлению чувства национального оптимизма.

Интерес Бальмонта к творчеству Руставели был встречен грузинским обществом с невиданным подъемом. Современниками это воспринималось как встреча двух гениев. Действительно, бальмонтовский перевод «Витязя в барсовой шкуре» давал новую, вторую жизнь произведению в многомиллионном русском обществе, и на этом фоне духовный союз двух народов казался более прочным.

Пресса того времени широко освещала пребывание Бальмонта в Грузии. Многочисленные представители разных слоев общества посещали руставелевские вечера, которые давал поэт.

«Моя работа нашла тех, кто в ней нуждался... она получает иной, радостный смысл», — читаем в его письмах.

Яков Николадзе принадлежал к числу бальмонтовских друзей. Знаменательно, что в период работы Бальмонта над поэмой вплоть до выхода в свет полного текста его перевода в 1933 году Я. Николадзе создает четырнадцать из своих двадцати работ на руставелевскую тему. О знакомстве скульптора и поэта в общих чертах я уже писала в своей книге «Бальмонт и Грузия» (1972 г.), где шла речь о дружеском окружении поэта в Грузии и о том радушии, с которым приняла поэта семья Александра Канчели.

В беседе с заместителем директора Музея искусств Грузии Семеном Болквадзе я узнала, что Яков Николадзе ваял бюст жены А. Канчели — Тамар Амирэджиби.

Работая над книгой о Бальмонте, я сблизилась с семьями Канчели и Амирэджиби, однако о бюсте Тамар Канчели ничего не слыхала. Я отправилась в мастерскую Якова Николадзе, где встретила с его внуком, молодым скульптором Гурамом Николадзе. Познакомилась и с супругой Якова Ивановича — Брониславой Георгиевной, единственной обитательницей этого дома. Она доброжелательно отнеслась к моим поискам, помнила эту работу скульптора, внесенную ею же в каталог его работ, но где она находилась, не знала. Бюст, выполненный в гипсе размерами $33 \times 19 \times 20$, включен в каталог работ Я. Николадзе 1912 (или 1914) года.

Тамар Амирэджиби, мать троих сыновей, была просвещенной для того времени женщиной. Воспитывалась она в культурной семье с хорошими традициями. Ее братья были инженерами, получившими образование в Петербурге и в Аахене (Германия). Георгий Амирэджиби являлся к тому же издателем газеты «Закавказская речь», на страницах которой широко освещались события, связанные с пребыванием Бальмонта в Грузии.

После окончания женской гимназии Тамар Амирэджиби получила специальное художественное образование (возможно, в тбилисской частной школе кн. Е. Церетели, ученицы парижского профессора Лиугрена). Она обучалась художественному печатанию на металлопласте, мозаике по коже, резьбе по мрамору, выжиганию по дереву. Почти вековой давности работы Тамар Амирэджиби хранятся в семье ее внуков.

Тамар Амирэджиби являлась членом «Общества грузинских женщин». Дом супругов Канчели был одним из очагов культурной жизни города. По четвергам здесь собиралось образованное общество, приезжали гости — видные деятели искусства и ли-

тературы. В этом доме впервые читался и Бальмонтский перевод «Витязя в барсовой шкуре».

Бальмонт посвятил своим грузинским друзьям немало стихов и экспромтов, а в предисловии к переводу «Витязя...» высказал благодарность чете Канчели, духовное общение с которыми вдохновило его на этот титанический труд и помогло завершить его.

Богатый внутренний мир Тamar Амиреджиби-Канчели побудил Якова Николадзе увековечить в скульптуре образ этой прекрасной грузинки. Женские портреты занимают немалое место в его творчестве. Среди них есть и безымянные. В его мастерской мое внимание привлек гипсовый женский портрет на деревянных антресолях. Мне он напомнил лицо Тamar Амиреджиби, знакомое по фотографиям. Бюст, как семейная собственность, не имел музейного номера и именовался «Женским портретом».

Все наиболее удачные фотографии Тamar относятся к поре ее девичества. Перед нами по общему облику, прическе, одежде предстает изящная грузинка начала века. У женской головки же, обнаруженной на антресолях мастерской скульптора, нет высокой прически роскошных волос, подчеркнута красивых глаз и округлого лица. Я находила сходство скульптурного портрета с Тamar Амиреджиби, но сходство отнюдь не внешнего порядка. Задумчивый, обращенный вовнутрь взгляд, грузинские черты, озаренные внутренним светом, подчеркивали духовность облика. Я уже верила, что это Тamar Амиреджиби. Такой, должно быть, она стояла перед скульптором, и он с присущим ему чувством меры передал внутреннюю гармонию этой прекрасной женщины.

Подтверждение своей догадки я искала у внука Тamar — молодого физика Темура Ираклиевича Канчели. Последний согласился по моей просьбе посетить дом-музей Я. Николадзе.

Резкое электрическое освещение как-то изменило черты скульптуры. Мою уверенность Темур не разделил. Но Гурам Николадзе, скульптор, поддержал меня, считая, что и бюст, и фотография являются изображением одного типа лица.

Решающее слово было за сыном Тamar Росебовны — Вахтангом. Он прибыл из Москвы, где постоянно проживает, в Тбилиси в связи с кончиной своей сводной сестры, известной грузинской актрисы Саломэ Канчели.

На фотографии «спорного» бюста он сделал надпись: «Этот бюст моей матери — Тamar Росебовны Канчели, урожденной Амиреджиби, — в течение многих лет стоял у нас в доме. Вахтанг Александрович Канчели, 17.XII.85».

Отныне бюст работы Я. Николадзе будет носить имя жен-

щины, бывшей вдохновительницей не только грузинского скульптора, но и русского поэта.

В период работы над поэмой Руставели Бальмонт переписывался с Тамар и Сандро Канчели, его письма — свидетельство любви и преданности русского поэта родине Руставели и его соотечественникам. Это же красноречиво подтверждает и телеграмма, присланная им из Парижа чете Канчели: «Мзе миквархар Картли» («Солнце, люблю, Грузия»), грузинские слова которой были набраны латинским шрифтом.

В 1917 году, сдержав свое слово, поэт закончил работу над переводом поэмы и привез ее в Грузию. Еще будучи в России, в письме к своим близким он писал о предстоящей волнующей встрече: «И думаю, как перед грузинами я возьму в руки... свою работу, я бледнею и плачу, как герои Руставели».

Бальмонт выполнил свою клятву, но глубокая печаль омрачила его радость — Тамар Росебовна доживала свои последние дни. «Только сила души позволяет этому истерзанному телу не умереть совсем», — читаем мы в письме поэта. В одном из следующих посланий к своей семье он сообщает: «...Сегодня вечером я, кн. Г. Амирэджиби, кн. Г. Диасанидзе и Сандро Канчели на носилках снесли Тамар с высоты, где ее дача и где она задышалась, вниз на берег Боржомки. Вчера казалось, что она умрет. Сегодня ей лучше». Однако шестого июля 1917 года она умерла. Ей было тридцать три года. Бальмонт присутствовал на ее похоронах в Тбилиси. Вот что он пишет об этом: «Вчера мы похоронили Тамар. Нас, провожающих, было много. Гроб весь был укрыт цветами, и от меня было много... роз и белая лента: «Лучшей грузинке Тамар Канчели от Бальмонта, во имя ее пропавшего по-русски всю поэму Руставели». Я еще не в силах понять, что Тамар действительно нет. Шлю мой стих к Тамар».

Посмертное посвящение Бальмонта «Имени Тамар Канчели» было опубликовано в газете «Сакартвело» (1917 г. 10/VII). Его и сейчас многие помнят наизусть:

Для меня опустела Картвелия,
Мой светильник погас, догорев,
Для кого же принес Руставели я,
Облаченного в русский напев?!

Итак, многие представители грузинской общественности начала века, волновавшие творческое воображение Якова Николадзе, были хорошо известны Бальмонту. Скульптурные портреты некоторых из них он видел в мастерской художника. С классиками грузинской литературы поэт был «знаком» еще со времени свое-

го первого приезда в Грузию в 1914 году. Автором этих живых картин «Пантеон грузинской поэзии» был Яков Николадзе.

В процессе поисков, связанных с бюстом Т. Канчели, в книге Брониславы Николадзе «Воспоминания скульптора» мое внимание привлекло и стихотворение, написанное на русском языке. Оно приводилось среди юбилейных (1922 г.) приветствий Якову Николадзе. По стилю, жанру, художественной манере оно очень напоминало бальмонтовское. Экспромт, названный сонетом, приводился в книге в сокращенном виде. Пропуски были обозначены многоточиями. Известно, что Бальмонт позволял себе отклоняться от излюбленной им схемы сонета, подчас вводил лишнюю строку, я сочла возможными и сокращения, но настораживали многоточия.

И год написания вызывал сомнения — в 1922 году (год юбилея Я. Николадзе) Бальмонт не приезжал в Грузию. Мои сомнения мог разрешить автограф поэта, который Бронислава Георгиевна обещала поискать дома, когда поиски в Литературном музее Грузии оказались безуспешными.

Объективно аргументы «за» и «против» авторства Бальмонта были одинаковыми, но внутреннее убеждение подсказывало мне, что я на верном пути. Бронислава Георгиевна, внимательно выслушавшая меня, тем не менее считала, что экспромт мог написать и Александр Канчели — близкий друг Якова Ивановича и блестящий знаток русского языка.

Из поэтов, окружавших Я. Николадзе, кроме Александра Канчели, стихи на русском языке писали: Валериан Гаприндашвили, Кирилл Зданевич, Паоло Яшвили, Александр Абашели, Котэ Макашвили. Однако я считала маловероятным, чтобы кто-нибудь из них обратился к юбиляру по-русски.

Желая установить истину, Бронислава Георгиевна задавала мне «каверзные» вопросы, такие, например, как: «Почему понадобилось Якову Ивановичу скрыть от меня, что сонет посвятил ему Бальмонт?». Этим фактом следовало гордиться, а не скрывать его.

В своем ответе я учитывала следующее: Бронислава Георгиевна стала женой скульптора в 1925 году. Бальмонтовский сонет мог быть написан до 1917 года, а в юбилейных материалах оказался в силу своего посвященческого характера. К 20-м годам Бальмонт был уже в эмиграции, и имя поэта в кругу его грузинских друзей замалчивалось. К тому же Яков Иванович никогда не говорил, что сонет посвящен ему Канчели или Зданевичем.

Бронислава Георгиевна обнаружила сонет после смерти Якова Ивановича и, почувствовав незаурядность таланта его автора,

привела в книге «Воспоминания скульптора». Она хорошо помнила автограф экспромта — тонкий лист бумаги, на котором черным карандашом крупными буквами был написан текст. Я принесла ей для сравнения автограф одного из бальмонтских стихотворений. Бронислава Георгиевна долго рассматривала мелкие, плотно прижатые друг к другу буквы, но ничего утешительного сказать не могла. Размахистость почерка на автографе, который сохранился в памяти Брониславы Георгиевны, не позволяла ей согласиться с моими предположениями. Я же эту метаморфозу с почерком Бальмонта объясняла тонкой бумагой и рисовальным карандашом, которым писался текст.

У Бальмонта было какое-то особенное отношение к словам, это сказывалось в том, что некоторые нарицательные имена существительные он писал с прописной буквы, например: Солнце, Море, Грузин, Любовь, Испанец...

Когда через несколько недель Бронислава Георгиевна разыскала наконец автограф сонета и показала мне его, у меня не оставалось никаких сомнений. Это был почерк Бальмонта! Сонет, написанный его рукой, с его излюбленными заглавными буквами — Ассириец, Апостол! Это был полный текст сонета, а опущенные ранее строки содержали убедительное подтверждение моих догадок (в тексте они подчеркнуты). Я ликовала, но тем не менее сочла необходимым получить письменное подтверждение авторства Бальмонта от его дочери — Нины Константиновны. Я послала ей ксерокопию автографа сонета:

ЭКСПРОМТ-СОНЕТ

Я. Николадзе

Тебя люблю и взор тобой дивится.
Твои глаза, как главы двух ворон.
Ты проводник печальных похорон,
И ты пуглив, как юная девица.

Меня пленит твой профиль Ассирийца,
Когда взойдешь, как новый фараон
На новый пьедестал, на новый трон —
Чело твое сияньем озарится.

Тебя томят... И чуется измена,
Но ты взлетишь, чтобы познать зенит,
И запоет твой пламенный гранит.

О, дивный жрец, сошедший с гобелена,
Живой привет сонетом говорит
Живой поэт — Апостолу Родена.

Уже два года, как Нина Константиновна Бальмонт-Бруни по состоянию здоровья не может приехать в Грузию, нарушая тем самым славную традицию. Некоторые ее письма уже написаны чужой рукой. Она остро переживает свою беспомощность, режущая в первом году нашего столетия, она долго сохраняла бодрость. Ответное письмо ко мне Нина Константиновна написала сама. Она не оспаривала почерка Бальмонта, но некоторые сравнения в сонете так коробили ее, что она склонна была думать, что почерк подделан под бальмонтовский. Она писала: «Он всегда подписывал свои стихи... притянутая за волосы рифма «печальных похорон», выражение «робкая девица» чуждо для него, и эти «голова ворон» (чудовищно!). Не могу поверить, что Бальмонт с ними сравнивает глаза человека искусства.. Он всегда был точен в определениях!» Нину Константиновну интересовало мнение жены скульптора по этому поводу.

Стало ясно: незнание некоторых реалий, связанных с созданием сонета, в свое время определило и вольное сокращение редактором строк сонета, а теперь вызвало сомнения дочери Бальмонта. Надо было раскрыть содержание сонета через его опорные строки, показать, как вновь выстроились в один ряд имена Бальмонта, Николадзе и Канчели — «друзей сердца».

Таким образом, строка «Твои глаза, как главы двух ворон...» покорила дочь поэта, но она подсказана большими крыльями, черным оперением, умным и зорким взглядом птицы, образ которой несет в сонете цветовую нагрузку. Поясняя эту строку, Бронислава Георгиевна пишет: «Я вполне согласна с Ниной Константиновной. Эта строка не отвечает поэтической эстетике, и потому она была единственной, которую я опустила в своей книге. Остальные — редакция. Однако сравнение — не без оснований: у Якова Ивановича были глубокие глазные впадины, откуда зорко смотрели глаза с длинными черными ресницами, удлиняющими их».

О строке «И ты пуглив, как юная девица» жена скульптора пишет: «Яков Иванович, как и многие люди творчества, был чрезмерно раним. Он не переносил не только грубости, но и простой бестактности. Огорчаясь, он предавался переживанию, замыкался в себе и, может быть, даже терялся, не находя слов для равноценного ответа. Это производило впечатление робости. Его душевная хрупкость и чистота и подсказали поэту упомянутые строки».

Опущенная редактором «спорная» строка «Ты проводник печальных похорон» помогла нам уточнить дату написания сонета. Известно, что приезды Бальмонта в Грузию в 1914, 1915 годах

обычно сопровождалась торжествами. Но в 1917 году его радость была омрачена болезнью и кончиной близкого друга поэта Тамар Амирэджиби-Канчели. По воспоминаниям ее сына Вахтанга Александровича Бальмонт, участвуя в церемонии погребения Тамар даже вызвался нести ее гроб, что, пощадив его, не допустили.

Таким образом, под «печальными похоронами» имеются в виду похороны Тамар. Значит, сонет был написан в июле 1917 года. Бронислава Георгиевна, как бы объясняя некоторую поспешность, которая сквозит в иных строках сонета, добавляет следующее: «Строка «Ты проводник печальных похорон» подсказывает, что сонет написан в нерасполагающей к творчеству обстановке, на обязательном традиционном заключительном этапе похорон — келехи, то есть тризне. Процесс этот подавляет, тем более поэта с обостренным восприятием обстоятельств. За траурным застольем пьют, что больше обострило чувства и не удержало поэта от желания высказать их экспромтом. В созданной обстановке не было условий смягчить некоторые выражения, хотя и эти строки дают точный портрет Якова Ивановича и простительны Бальмонту в наших глазах».

Бальмонтовский сонет, как видно, был известен в кругу близких Я. Николадзе. Это подтверждается сравнением скульптора с ассирийцем, которое мы находим и у Геронтия Кикодзе в статье, посвященной Якову Николадзе: «...Своей внешностью он, некоторым образом, напоминает оживший ассирийский барельеф, своей личностью и творчеством же представляет органическую часть современного Тбилиси».

Жена скульптора отмечает, что Бальмонт был не единственным, кто сравнивал Якова Ивановича с ассирийцем. Один из друзей ее родителей — Невинский, отнюдь не поэт, в своем стихотворении дает такой же портрет Я. Николадзе: «...звонок, и быстро входит ассирийский полубог...»

Неважно, кто первым увидел это сходство, главное, что оно существовало и было неслучайным!

В сонете отразились вероятные беседы поэта и скульптора на близкие им темы: Египет, фараоны, сфинксы, барельефы на гробницах, Франция, Роден...

Николадзе, очевидно, не скрывал от поэта причин, тормозящих осуществление его планов, — равнодушие властей и имущей части общества. «Вкусы тогдашней «синьории» тифлисских негоциантов не шли дальше того, как украсить своих жен и дочерей золотом. О частных или государственных заказах на скульптуру нечего было и мечтать», — писал Г. Кикодзе.

Действительно, «Скорбящая Грузия» на могиле Ильи Чавча

вадзе была единственной работой Якова Николадзе, которая увидела свет в дореволюционной Грузии. Работы скульптора не покидали мастерской, под которую тогда был оборудован какой-то склад.

Талант и замыслы Я. Николадзе заслуживали поддержки, но он тщетно ждал ее. Русский поэт безусловно сочувствует скульптору, но лейтмотивом сонета звучит надежда, вера в его будущее и в высокое признание его таланта. Пророчество поэта сбылось. Коренные перемены, происшедшие в Грузии двадцатых годов, активизировали художественную жизнь, Я. Николадзе были созданы все условия для творческого труда, плоды которого принесли ему всенародную славу.

Экспромт-сонет Бальмонта — одно из лучших стихотворений, которые он создал на грузинскую тему. В период сближения Бальмонта с Грузией, когда русская критика считала иссякшим его творческий потенциал, он поднял свой поэтический престиж переводом «Витязя в барсовой шкуре». Обновленная грузинским источником, его поэзия обрела второе дыхание. В 1916 году газета «Русские ведомости», рассматривая новый сборник поэта «Ясень», куда вошли его стихи из грузинского цикла, отмечала, что некоторые стихи, например, «Грузия», «Тамар» (посвященное Тамар Амирэджиби), «Скажите вы» (прочитанное экспромтом на торжественной встрече с грузинами), возвращают русскому читателю Бальмонта «Фейных сказок».

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ ЛЮБВИ

ГЕОРГИЙ Цицишвили долгое время был известен как литературовед и критик, автор монографических исследований о Чола Ломтатидзе, Сандро Шаншиашвили, Шалве Дадиани, многочисленных статей, посвященных актуальным вопросам советской многонациональной литературы. Ему принадлежат также интересные работы о грузинском театре.

С появлением, почти одновременно, в Москве и Тбилиси сборника рассказов «Любовь поры кровавых дождей» и романа «Одолей алчность свою» русский читатель открыл для себя Георгия Цицишвили-прозаика. Несмотря на тематическое несходство названных произведений, разное историческое время, в них описываемое, — первое повествует о событиях Великой Отечественной войны, а второе о нашей современности 50—70-х годов — их объединяет одна общая проблема, которую можно определить как морально-нравственную, этическую.

Цицишвили Г. Любовь поры кровавых дождей, «Советский писатель», М., 1984; Цицишвили Г. Одолей алчность свою, «Мерани», Тб., 1984.

Взяв в руки сборник рассказов «Любовь поры кровавых дождей», я невольно вспомнил вопрос, которым в свое время задался Константин Паустовский: «Иногда кажется, что о любви в мировой литературе сказано все. Что можно сказать о любви после «Тристана и Изольды», после сонетов Петрарки и истории Манон Леско, после пушкинского «Для берегов отчизны дальней», лермонтовского «Не смейся над моей пророческой тоскою», после «Анны Карениной» и чеховской «Дамы с собачкой»? И тут же сам ответил на него: «Но у любви тысячи аспектов, и в каждом из них — свой свет, своя печаль, свое счастье и свое благоухание».

И действительно, эта тема вечная. С первых же страниц сборник «Любовь поры кровавых дождей» захватывает читателя драматизмом событий — он становится свидетелем нелепой гибели, уже в мирные дни, полковника Георгия Хведурели, человека, прошедшего всю войну, много испытывавшего и пережившего. От имени Георгия Хведурели, на основе его дневниковых записей и ведется повествование, и, таким образом, рассказчик предстает перед нами живым свидетелем происходящих событий: на всем, так или иначе, лежит печать его отношения, все пропущено сквозь призму его души. «...Возможно, вполне возможно, что художники и психологи последующих поколений создадут ге-

ниальные портреты участников грозных и великих событий, но эти портреты не смогут послужить беспристрастными и точными фотографиями действительности. Хотя мы ставим произведения художника неизмеримо выше простой фотографии (что вполне справедливо!), с точки зрения достоверности отображения события я отдаю предпочтение фото!.. Не вздумайте искать в моих рассказах картин, написанных кистью художника, — нет! Это фотографии, да еще отснятые фотографом-любителем. К тому же мой объект был весьма избирателен: его привлекала преимущественно любовь».

Сборник рассказов «Любовь поры кровавых дождей», объединенный единой, сквозной темой, подкупает прежде всего правдивой, безыскусной, лаконичной манерой повествования. Невозможно, к примеру, выдумать такую сценку, которая, несомненно, вырвана из самой действительности, суровых будней войны: «...У меня до сих пор стоит перед глазами пожилой интеллигентный мужчина (говорили, что он был известным инженером - конструктором). Жена и дети-школьники погибли, а он сам спасся только потому, что за минуту до того, как началась бомбежка, сошел с поезда и побежал на станцию за кипятком. Когда он вернулся, не было ничего, кроме искореженных вагонов и изуродованных до неузнаваемости трупов... Добрые люди посадили несчастного в какой-то другой вагон, но он так и не пришел в себя. На каждой остановке выходил, чтобы набрать в чайник кипятка, а

потом бегал вдоль состава, искал своих».

Все пережитое, описанное в рассказе Г. Цицишвили достоверно с точки зрения чувства, многое здесь, несомненно, автобиографично.

Любовь в наиболее острые, драматичные моменты жизни человека озаряет его, как магниевая вспышка, и он весь перед нами, как на ладони.

Сборник «Любовь поры кровавых дождей» открывается остросюжетным, трагичным по своему исходу рассказом «И тебя постигнет пора сожаления». В напряженно-тревожных условиях войны зарождается любовь Марины Нелидовой к сдержанному, немногословному капитану Балашову, который даже в мыслях не допускает, что такая необыкновенная девушка, как Марина, может питать к нему чувство. Лишь после гибели Марины — она сознательно идет на верную смерть, боевая подружка Марины со слезами на глазах обращается к капитану Балашову: «Я никогда себе не прощу, если не скажу вам... Марина любила вас! — Капитан покачнулся, точно в спину ему всадили нож... Мне казалось, что не три фотографии, а три человеческие жизни лежали на моих ладонях... А в ушах звучали слова Нелидовой: «И тебя постигнет пора сожаления...» Видно, никому не избегнуть этого горького чувства».

В рассказе «Дольше всего живет надежда» — одном из наиболее впечатляющих в сборнике, совмещены два плана — суровые события войны и беззаботное довоенное время. Война разлучила Хведурели с Лидой Кавериной, и только теперь, спустя

несколько лет, он случайно узнает, что она находится в блокадном Ленинграде. С этого дня он одержим страстным, беспоконным желанием увидеть Лиду — и вот ему повезло. Во дворе дома, в котором живет Лида, майора останавливает «худющая старушка» в «ветхом, латаном» тулупчике, несущая «дежурство».

Старуха учиняет герою допрос и только потом указывает ему нужную квартиру. И далее события, исполненные предельной внутренней напряженности, разворачиваются стремительно и неукротимо. Хведурели не узнает в открывшей ему, наконец, дверь, истощенной от голода и мук поседевшей старушке некогда любимую им красавицу Лидию Каверину.

«Страшный запах сырости и затхлости, пахнувший на меня из темной прихожей, на мгновение заставил меня отпрянуть назад. В прихожей было настолько темно, что некоторое время я не мог разглядеть, кто стоит передо мной. Когда глаза привыкли к темноте, я увидел согбенную старуху, страшно худую, которая пристально и пылливо вглядывалась в меня. Белые как снег, редкие спутанные волосы какими-то ключьями спадали на костлявые плечи; на тонкой высохшей шее — худое, с кулачок, лицо, вместо щек — провалы... Скулы, обтянутые пергаментной кожей, резко выделялись. Словом, это был череп, эмблема смерти, как принято ее изображать».

Подлинная сущность человека, способного к камуфляжу и мимикрии, раскрывается в образе подполковника Яхонтова — «полигонной кры-

сы», крючкотвора и карьериста (рассказ «Преображение»). Приспособленец, он довольно цинично исповедуется майору Хведурели: «...Жизнь — это цирк, люди — фокусники. Но одни — хорошие и опытные, другие — такие, как вы, наивные и неловкие. Да, именно неловкие... Не ждите от человека добра, и вы всегда будете в выигрыше. Если случится, он невзначай сделает вам доброе дело, то хорошо, а если нет — во всяком случае, вам не будет обидно... Дружба бывает разная, она имеет разную подоплеку. Без подоплеки нет дружбы! Такая дружба встречается только... дай бог памяти вспомнить... да, в этих самых... романтических книгах... Но все эти романы — глупость, потому что в них все неправда...»

Подполковнику Яхонтову в рассказе противопоставляется майор Георгий Хведурели с его неизменной верой в доброе человеческое начало. «Кто знает, сколько писателей, сколько мыслителей билось над вопросом: что есть счастье? Во время этой встречи я убедился, да и теперь так считаю, что настоящее счастье — это когда чувствуешь связующую тебя с людьми добрую нить, когда глаза людей смотрят на тебя с любовью, с верой и уважением (ведь недаром говорится, что глаза — зеркало души). И их любовь не дарована тебе свыше, а завоевана тобой. Это — ростки любви, посеянные и взращенные тобою...»

В этом Хведурели видит высшее проявление человеческого естества, высокое его предназначение и назначение на земле.

Испытание огнем — самое надежное испытание, пройдя через него, человек предстает во всем своем естестве — отслаивается, отстает, подобно шелухе, все наносное, ненастоящее.

Молодой лейтенант Андрей Жирасов из рассказа «Невеста, волки и я...» держится внешне бесстрашно, даже бравировует своим бесстрашием, однако, как выясняется, во время артобстрела мучительно переживает унижительные минуты страха. И все же ему, подобно подмятому колосу, удастся выпрямиться во весь рост и раз и навсегда отрешиться от чувства страха. А в этом, собственно, и проявляется мужество человека. «Пусть никто не думает, что ему страх неведом, — глухо, словно про себя, проговорил танкист, — страх живет в сердце каждого, но у одних людей хватает сил его преодолеть, а другие подчиняются ему надолго... Я кивнул головой, потому что был полностью с ним согласен».

Рассказ «Ревность» — история любви-ревности майора Хведурели к капитану медицинской службы Тамаре Беляевой, отмечен тонким психологизмом, убедительностью обрисованных в нем чувств. О ревности — «этой пестрой змее, гнездящейся в сердце, своим раздвоенным жалом отравляющей жизнь», — один из персонажей рассказа Нина Георгиевна говорит так: «...Любовь замечает только розы, а ревность — только шипы». Хведурели, без всякого на то основания, ревнует Беляеву к генералу, который, как поговаривают, от нее «без ума». Хведурели изощряет свое воображение, подхлестывает себя, мечтает

застать Тамару с генералом и, как это ни парадоксально, испытывает нечто похожее на удовлетворение, понимая при этом все безрассудство подобного чувства.

Любовь, как и сама жизнь, в рассказах Георгия Цицишвили многолика. В одних случаях это хрупкое, трепетное, возвышенно-платоническое чувство, в других — исполненное плотской, неодолимой страсти, похоти. Но и в этом последнем случае духовное, нравственное начало, как правило, одерживает верх.

В «Дамском парикмахере» писатель рассказывает нам правдивую и вместе с тем трогательную историю потомственного парикмахера Хаима Фрадкина, отец которого держал на Невском проспекте известный всему Петербургу «европейский салон красоты». В глубоко гуманном, пронизанном светлым юмором рассказе изображается человек сугубо штатский, не в меру словоохотливый и несколько несуразный в военной обстановке. Этот дородный человек, на котором, «казалось, брюки... вот-вот лопнут», так и не освоивший до конца всех тонкостей военной субординации, вызывает невольную улыбку. Он и сам порой подшучивает над собой, но во всех передрыгах военной жизни держится мужественно и достойно, и так же достойно и мужественно погибает.

На войне, где каждый день может оказаться роковым, последним, окружающая природа, пейзаж, врзается в память человека с особенной силой. В сдержанной, скупой, скорее графической, чем живописной манере дает Г. Цицишвили картины природы. «...Куда ни кинешь взор, над

свинцовым горизонтом паутиной нависала тонкая сетка дождя. С желтых листьев, чудом державшихся на тополях, стекали крупные капли. По утрам, когда дождь ненадолго прекращался, беловатый иней, похожий на плесень, покрывал потемневшую от сырости землю. Тонкая пленка льда на лужах трескалась под ногами, как стекло, с хрустом и звоном».

В небольшой рецензии, к сожалению, невозможно затронуть все рассказы, довольно многообразные по своему содержанию, однако совершенно очевидно, что сборник «Любовь поры кровавых дождей» явился ценным и весомым вкладом в грузинскую советскую прозу, посвященную теме войны.

Время страстей, которые человек несет в себе, бывает разным: от иного бремени можно избавиться, от другого — сделать это не так легко, наиболее тяжелое — бремя алчности. Именно этому и посвящен роман Г. Цицишвили «Одолей алчность свою».

Случилось так, что Годердзи Зенклишвили, управляющий базой, оказался в сетях хитроумного Исака, главного бухгалтера «Лесстройторга». Вместе с тем он по-новому начинает воспринимать собственного сына, постигая его подлинную сущность. Годердзи вдруг делает открытие: Малхаз и Исаак Дандлишвили, по существу, ничем не отличаются друг от друга. «Ты подумай, как они в лад поют! — с удивлением повторял взволнованный управляющий базой. — Можно подумать, сговорились...»

Для Малхаза, человека крайне эгоцентричного, нет ничего

святого: во имя карьеры он готов поступиться даже собственными родителями. Годердзи раскрывает сыну глаза на сущность подобных ему людей, на его собственную сущность. «...Вот запомни мои слова: тот, кто на жизнь и на людей, — все одно, близких или посторонних, — смотрит только корыстным глазом, в конечном счете обязательно остается в проигрыше. А корысть — это не только деньги. Ты все к должностям рвешься, почестям, славы алчешь, на чужой шее в рай норовишь попасть ради того, чтобы первым человеком сделаться, по головам готов пройти и чужую душу испытать — это еще худшая корысть, чем деньги!..»

Контрастность этих двух образов — отца и сына — помогает глубже постигнуть идею произведения. Несмотря на то, Годердзи сохранил известные черты обаяния — он способен на простую человеческую отзывчивость и общительность. Малхаз же прижимист и замкнут. Он так и не преуспел (дважды не прошел в аспирантуру), сделался еще более расчетливым и неразборчивым в выборе средств: «Город отшлифовал его, сделал гибким и изворотливым, научил и лгать, и фальшивить, и лицемерить».

Один из запоминающихся образов романа — это образ Малало — типичный образ грузинки, полный обаяния и притягательной силы, делящей с мужем все его невзгоды и тревоги. Малало помогает писателю до конца раскрыть образы Годердзи, Малхаза, Лики, Марины. Подеревенски целомудренную, ее коробит от слишком воль-

ных, бесцеремонных манер Лики, дочери секретаря райкома, равно как и от «мясистых колен... вызывающе торчащих из-под куцего платья» дородной Марины. В образе Малало, впрочем, как и в ряде других образов романа, сказалось прекрасное знание писателем народного быта, его уклада с богатой народной речью, народной мудростью, пережившей века.

Появление этого реалистического, социально-психологического, бытового романа на фоне новаторских исканий грузинской прозы последних лет в какой-то мере даже знаменательно. В связи с этим критик Г. Гвердцители справедливо замечает: «Одолей алчность свою» — полотно,

построенное на принципах классического реализма, и атрибуты так называемого «нового романа», такие, например, как усложненные сюжетные ходы, частые ретроспекции, неожиданные ассоциативные скачки, аллегоричность и символика, жесткость и лаконичность повествования и многое другое, присутствуют в нем в самой незначительной мере. Автор сознательно избегает этих эффектных и благодаря стараниям некоторых (чтобы не сказать многих) подражателей ставших модными художественных приемов и обращается к традициям классического реализма».

Нугзар ЦХОВРЕБОВ

„КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН?“

КАК обычно дается название сборнику рассказов или новелл? Берется заглавие какого-нибудь одного рассказа или новеллы, которая лучше всего удалась или точнее определяет лицо сборника, или стоит первой, или последней — и пожалуйста, название готово. А у Ревазы Мишвеладзе, писателя, хорошо известного тем, кто следит за современной грузинской литературой, нет такой

Мишвеладзе Реваз. «Кто здесь хозяин?» Новеллы, М., «Молодая гвардия», 1985 (перевод с грузинского).

новеллы — «Кто здесь хозяин?».

Но есть новелла «Спасение», в которой Бачана Суладзе спасает собаку, брошенную кем-то в стремнину Риони с камнем на шее. То есть, спасает не он один — спасают многие, собравшиеся на мосту над бурной рекой. Экскаватор вызвали, переживали, ждали до вечера, пока вытащат, и разошлись только тогда, когда животное всеобщими стараниями оказалось на берегу. А что же Бачана? А Бачана всего-то снял с собаки камень, привязанный предусмотрительным «хозяином», и отвел в свой дом. Потому новелла и называется «Спасение»; спасение — процесс сложный, и действенен он только тогда, когда доводится до конца. Главное в спасении — снять камень с

шей, главное — отвести в свой дом. И кажется, что именно вопрос Бачаны — «Здесь нет ее хозяина?» — и проясняет причину, побудившую Р. Мишвеладзе дать своей книге именно такое название. Может быть, как раз о спасении эта книга.

...Но все-таки, о чем новеллы Р. Мишвеладзе? Кто их герои? Чем они, что называется, дышат? Интересен характерный прием автора — каждого героя он обязательно называет по имени и фамилии, так, чтобы у читателя ни на минуту не появилось сомнение в их реальности. Да, это вполне реальные люди, живущие и работающие во вполне реальных городках и деревеньках Грузии. Лишь иногда автор позволяет себе поиронизировать, и местом действия становится «тот свет» или в персонажи выбиваются... вороны. Но это не мешает покойным сапичхийцам вести такой знакомый по своим интонациям земной разговор, а супружеская чета ворон подозрительно смахивает на поживших и уже уставших от лишних слов, но еще крепких старика со старухой из какого-нибудь горного селения.

Героев Р. Мишвеладзе связывают и вполне реальные отношения, настолько реальные, что подчас диву даешься, как точно писатель подмечает те или иные общественные явления, те или иные движения души. Причем делается это в достаточной степени тонко — и вместе с тем легко, свободно.

Некоторые новеллы как бы «останавливают» сознание, если можно так сказать. То есть читатель, перейдя уже, казалось бы, к следующей

новелле, вдруг ловит себя на том, что не воспринимает текста, ибо продолжает думать о предыдущей. И приходится откладывать книгу. Такова, например, первая же новелла — «Телеграмма», которая по интонации, по духу своему напоминает народную песню — широкую, свободную и печальную. Это рассказ о том, как умеет любить и ждать простая грузинская крестьянка. И образ ее, трагичный и величественный, ассоциируется с образом Матери-Родины, вечно любящей и вечно ждущей своих сыновей, не пришедших с полей великих битв. Приходится откладывать читателю книгу и после второй новеллы — «Звиадаури». Вообще восприятие прозы Р. Мишвеладзе несколько похоже на восприятие стихов, которые также нельзя читать подряд, друг за дружкой. И это говорит о многом. Новеллам Р. Мишвеладзе свойственна тонкая лирика, которой не могут похвалиться иные поэты. Его герои искренни и любящи. Это может быть любовь не только к другому человеку, но и к своему делу, к людям, любовь ко всему миру. И в каждом случае — это настоящая любовь.

Трагически обрывается жизнь Нуну в одноименной новелле — она не может жить в спокойном и внешне счастливым мире, который много лет создавала собственными руками. Когда-то она не вышла замуж за любимого человека, и через много лет любовь наказывает ее. Рассказ сделан мастерски, умело — ничто не предвещает трагического конца, и тем сильнее его воздействие на читателя, тем более понятна и близка

ему мысль автора — впрочем, нигде не высказанная, как говорится, «в лоб». Любит свое дело, свое искусство Фатьмуша, и снова измена (пусть даже невольная) не прощается, тоска по сцене настигает ее, и слезы героини стываются болью (пусть скрытой и неосознанной) в душе читающего.

Р. Мишвеладзе избегает резких жестов, резких деталей — хотя повествование его всегда остроосуждено. Искра сопереживания, сотворчества автора и читателя высекается им не из «прочувствованных» монологов, а из столкновения сюжетных поворотов, из поступков — как бы самой жизнью. Так, в новелле «Один рабочий день» автор показывает будни руководителей районного масштаба: одним проверяющим надо устроить банкет, другим — заговорить зубы рыбалкой, одну комиссию «приютит» Члаквадзе, другую — Мелхиоридзе... А в конце новеллы дается небольшая сценка, картина сельской жизни, как будто совсем не связанная с ее содержанием. И такая томящая нота сквозит в ней, что остро ощущаешь контраст между жизнью подлинной и жизнью мнимой. При этом следует отдать автору должное — он не впадает в резонерский, дидактический тон, Р. Мишвеладзе умеет сострадать этой мнимой жизни, ни в чем ее не оправдывая.

Временами, правда, перо прозаика становится и достаточно резким — в новеллах «Глиняная табличка», «Иотам», «Круг». Как следствие, в таких случаях ему приходится частично жертвовать интонацией, стиливой гармонией

(«Круг»), чтобы более четко очертить тот или иной «социальный жест». Но это автор делает с подлинной художественностью — как в новелле «Надя». Кстати, на этом примере ясно видна еще одна черта Р. Мишвеладзе — прозаика: умение как бы рассмешить читателя, а потом, резко повернув в сторону, показать ему всю трагедийность происходящих событий, заставив задуматься не только над ситуацией, но и над самим собой.

Иногда писатель даже заканчивает произведение вопросом, обращенным к читателю («Фатьмуша», «Там» и пр.). Вопросом, который неожиданно ставит тебя в тупик, заставляет перечитать произведение, переосмыслить его. В таких случаях автор выходит на уровень философского обобщения, далекого от сиюминутной нужды дня. В большинстве таковы новеллы, в которых выстраивается галерея образов «странных» людей, поступающих вопреки обыденной логике, ищущих что-то вне общепринятых ценностных систем. Все не проводя параллелей (ибо ситуации совершенно различны), можно было бы вспомнить шукшинских «чудиков». Говоря о таких «чудиках», Р. Мишвеладзе поднимает вопросы бытийные, важные для всех и всегда. Следует заметить, что делает он это на высоком художественном уровне, настроением, интонацией, проходной деталью помогая читателю как бы самому ощутить этот вопрос в себе, дая то состояние души, которое надолго остается в памяти.

Илья КОЛЛИ

НОВЫЙ СЛОВАРЬ ПО ИСКУССТВУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Ганатлеба» выпустило книгу — русско-грузинский «Толковый словарь по искусству», которая сразу привлекла к себе внимание как специалистов, так и самых широких читательских кругов. В этом справочном издании дана сжатая характеристика основных терминов и понятий видов искусства: архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, музыки, театра, кино, хореографии и цирка. В него вошли, что весьма важно, понятия и научные обозначения смежных с искусством наук, какими в данном случае являются психология, физиология и т. д. Все термины снабжены пояснительными текстами — дефинициями, которые выдают стремление их составителя отойти от искусствоведческих трафаретов. Библиографический раздел дает возможность ознакомиться с отечественной и иностранной литературой, с информационными материалами, на основе которых сделан отбор указанных терминов.

Все термины и понятия в словаре расположены в алфавитном (исходя из русского языка) порядке. Немало

Толковый словарь по искусству (русско-грузинский). Составитель А. Кипшидзе. Тбилиси, «Ганатлеба», 1985.

важным фактом является включение в издание грузинской терминологии. Это уже нововведение, тем более, что структура толкового двуязычного словаря сама по себе неординарна.

В новом справочнике применяется единая система этимологических справок, терминов или понятий с привлечением латинского, греческого и других иностранных языков (английского, французского, немецкого, итальянского и испанского), в некоторых случаях дополняющих содержание дефиниций.

Критерием важности и необходимости новой книги является ее функциональное назначение, определяемое и удобством быстрого нахождения того или иного термина. Это облегчает задачу его поиска по не всегда имеющимся под рукой специализированным и энциклопедическим изданиям. И в этом — большая заслуга словаря.

Однако, по мере ознакомления с ним возникает целый ряд вопросов.

Конечно, трудно представить себе универсала, который бы одинаково хорошо владел теорией изобразительного искусства, музыкой, искусством театра, кино, цирка. Работа над составлением словаря требует от его автора больших знаний, умения четко детерминировать то или иное понятие, слово, философски обобщать, предельно ясно конкретизировать общие закономерности художественного развития того или иного вида искусства. Можно сказать, что в основном автор данного словаря с этими трудностями справился.

Однако, поскольку эта работа необычная — у нас, в

Грузии, это — первый опыт составления справочника по искусству в столь широком объеме, — она имеет и недочеты.

Начнем с того, что слово «искусство» относится и к литературе, которая является его основным видом, а литературоведческие термины в данном случае выпали из поля зрения автора. Может быть, стоило оговорить их отсутствие в пояснении к книге.

Вместе с тем, справочник дает далеко не полную информацию о терминологии каждого из освещаемых видов искусства. Правда, сравнительно небольшой объем издания не мог охватить столь огромную, разнородную информацию. Может, было бы точнее назвать справочник «Кратким толковым словарем по искусству», тогда вопросы об отсутствии некоторых терминов и понятий не возникли бы.

Хочется отметить, что более полными по содержанию и освоению материала представляются разделы музыки, театра и кино. Раздел о цирковом искусстве отличается новизной и оригинальностью. Но изобразительное искусство и отчасти архитектура требуют доработки.

В словаре выпадают из информативного материала определения, необходимые для дополнения или сопоставления с уже приведенными понятиями. Например, разбирается стиль «модерн» и в то же время игнорируется отличающееся от него понятие «модернизм», хотя в ряде случаев автор прибегает к нему, как, например, в определении направления «сезаннизма» в изобразительном искусстве.

В то же время не нашлось места в книге для некоторых сложных явлений в искусстве XX века, уже получивших научные определения, например, «абстракционизма». В ряде случаев повторяются устаревшие односторонние оценки, например, в корне неверная, непонятная дефиниция течения «примитивизм».

В некоторых случаях в объяснительные тексты вводятся термины, которые в свою очередь требуют объяснения, так как в них нет четкой исчерпывающей информации. Например: «Свара» — ступень диатонического звукоряда, состоит из 2-х, 3-х или 4-х шрути». Слово «шрути» уже требует отсылки на другие страницы.

Некоторые термины разбираются применительно к одному виду искусства, хотя они могут употребляться и в другом. Например: «пирамида» объясняется с точки зрения циркового искусства, «актер» — только в кино и т. д. Рядом со специальной, профессиональной терминологией присутствуют слова, отражающие несущественные признаки и понятия, термины, имеющие малую информативную емкость. Например: «клумба», «подвал», «двор» и т. д.

Давая этимологическую справку об источнике языкового заимствования данного слова, неплохо было бы иногда привести его точный перевод, потому что в разных языках его смысл несколько иной. В данном случае лучше, на наш взгляд, отсылать читателя к этимологии слова (одного, от которого произошел данный термин!) и давать не только его точный перевод, но и само слово на языке оригинала. Это способ-

ствовало бы полному раскрытию содержания самих терминов. Поневоле рождается мысль: а не правильнее было бы отказаться от перечисления термина на всех иностранных языках: это ведь приводит к путанице, к тому же занимает много места. Подобная этимологическая справка только усложнила работу автора словаря, загромодила ненужными пояснениями. Например, какая необходимость следить за транскрипцией на всех иностранных языках польского слова «рыбалт»? В работе нет единого системного подхода. Как понимать, к примеру, сокращенное «амер.» рядом с «франц.» или «англ.» — уж не американский ли это язык?!

Не менее важной является и техническая сторона издания справочника. Список сокращений не соответствует сокращениям, применяемым в

тексте, есть опечатки в терминах и иностранных словах, отклонения от алфавитного порядка.

Первое издание, как правило, всегда требует доработок, дополнений. Все вышеупомянутые замечания ни в коей мере не касаются общей идеи труда. Она сама по себе интересна, нова и, что самое главное, необходима.

Говоря о значении рецензируемой книги, можно повторить, что она может принести пользу не только тем, кто в силу своей профессии в ней нуждается, но и самому широкому кругу читателей. А повышенный на нее спрос — яркое тому подтверждение. Все это убеждает нас в необходимости подготовки следующего, улучшенного и доработанного «Толкового словаря по искусству».

Наталья БЕРУЧАШВИЛИ

ВСЕ ГРАНИ НОВОЙ ЖИЗНИ

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Недавно тбилисцы познакомились с новой постановкой грузинской оперной классики — оперой Захария Палиашвили «Абесалом и Этери» (дирижер-постановщик народный артист СССР Джансуг Кахидзе, режиссер-постановщик народный артист СССР Михаил Туманишвили, художник лауреат Государственной премии СССР Георгий Алекси-Месхшвили). Об этом знаменательном событии в культурной жизни республики делаются своими впечатлениями академик Вахтанг Беридзе, режиссер Михаил Туманишвили, народный артист СССР, профессор Нодар Андгуладзе, профессор Реваз Сирадзе. Беседу ведет музыковед, доцент **ИНГА БАХТАДЗЕ.**

Инга Бахтадзе. Еще в 1913 году Тифлис познакомился с отрывками из «Абесалома и Этери» в концертном исполнении, а 21 февраля 1919 года первое оперное представление, которым руководил сам Захарий Палиашвили, превратилось в подлинное празднество национальной музыки, всей грузинской культуры. После того опера много раз обрела новую сценическую жизнь — первая постановка Цуцунава сменялась десятком других. Если я не ошибаюсь, нынешнее сценическое воплощение — двенадцатое. А это говорит о том, что каждая новая интерпретация оперы — своеобразный диалог со временем. Формы театрального мышления ведь весьма чувствительны к художественным тенденциям времени. Вместе с тем «новое прочтение» — это одновременно и освобождение от наших собственных установок и штампов. И поэтому как будто сама собой назревает необходимость новых постановок. Оперу «Абесалом и Этери» ждали давно, и не удивителен интерес, который проявила к ней грузинская общественность. Наш сегодняшний разговор подтверждение этому. Мы рады,

что в нем принимает участие сам режиссер Михаил Иванович Туманишвили.

Важность роли режиссера в современном оперном театре сегодня не подлежит сомнению. Как-то Герберта фон Караяна спросили, почему он занимается режиссурой — проявляется ли в этом его призвание или же неудовлетворение постановками других режиссеров? Он ответил, что по призванию он дирижер, но ставя спектакль, дирижер-Караян подчиняется режиссеру-Караяну. Вряд ли выдающийся маэстро нашего времени отнимает приоритет у режиссера, скорее он выдвигает значимость фигуры режиссера. Из этих слов явствует и то, что опера — не «спаривание» музыки и либретто, а музыкальный театр, музыка действия, то есть такое единение, где музыкальная драматургия воплощается сценическим языком. Естественно, назревает первый вопрос: где берет начало режиссерская идея, которая ложится в основу сценического воплощения оперы? Михаил Иванович, поделитесь, пожалуйста, этим «секретом».

Михаил Туманишвили. Начало режиссерской идеи? Я думаю, идея произросла из двух измерений — нуля и музыкальной партитуры. Из нуля постольку, поскольку у меня не существовало никакой установки по этому поводу. Неудобно, но придется все-таки признаться, что предыдущие постановки «Абесаломы и Этери» я не видел, если не считать ранних впечатлений, оставшихся от сказочного сценического мира, воспринятого фантазией тринадцатилетнего мальчика. Очевидно, именно этот «нуль» и предопределил то, что в процессе работы над «Абесаломом» не возникало ни желания «разрушения традиций», ни стремления к новаторству.

Что касается музыкальной партитуры, то она явилась для меня тем, из чего я должен был вычитать действие, музыка должна была стать для меня тем источником, который устремился бы по руслу режиссерской мысли к слушателю. Так что в оперном театре режиссер подчиняется музыке и с точки зрения музыкальных образов, и компонентов времени, ритма, тональных планов и многих других составных. Поэтому, я думаю, прав тот оперный режиссер, который говорит: «ставлю музыку», а не «по музыке». И еще: режиссеру либретто дает мало представлений об опере. Посудите сами: в процессе работы над «Дон Жуаном» Моцарта в нашем оперном театре либретто мне только мешало, а в «Абесаломе» мне больше помогал другой источник — эпос «Этериани».

И. Б. Следовательно, музыкальная драматургия создает

конкретный театральный характер спектакля. Стало быть, эпическая природа, монументальность, фресковые контуры музыки «Абесалома и Этери», классическая стройность ее стиля и возвышенный эпический пафос должны были решить стилистическую характеристику постановки?

М. Т. Вы абсолютно правы. И знаете, запись «Абесалома», которую я много и подробно слушал, открыла мне удивительно оригинальное драматургическое чутье Палиашвили. Он больше чувствовал драму, нежели строил ее. Только композитор с сильно развитым театральным видением мог достичь простой сюжетной интригой подлинной трагедийной мощи, наполнить глубоким внутренним драматизмом внешнюю статичность. Вникнуть в это — было главным для меня, ибо это указало бы мне путь к миру высокой трагедии.

Рсваз Сирадзе. Решающую роль в создании постановочной концепции сыграла, очевидно, мифологическая интерпретация «Этериани», именно мифологическое начало, а не сказочное. Мифологическая символика совершенно очевидна — источник живой воды, магические знаки заклинания, порча, рок... В спектакле усилен драматургический вес символики рока. Женская фигура в белом одеянии появляется во всех узловых моментах как образно-идейный акцент, как определяющий стилистический элемент.

И. Б. И это несмотря на то, что в сюжетной ткани она не существует, «присутствует» лишь в музыке партитуры как лейтмотив, представляющий судьбу, рок. И только режиссер персонифицировал эту музыкальную тему.

Р. С. Это хорошая находка с точки зрения символики дохристианской Мойры (а не христианского провидения). Но мне главное видится не в этом, а в сценических композициях, в неторопливой динамике развития, выражающейся в античном трагическом пафосе, трагико-возвышенной статичности, в широко обобщенных штрихах без каких-либо детализаций и конкретизирования. Эстетику античного трагического действия усиливает изысканность сценических форм обрядово-ритуальной трактовки свадьбы и плача. Именно в этом, мне думается, очень удачно осуществлена режиссером музыкальная идея Палиашвили. Еще один существенный момент. По моему, главным элементом создания сценической формы оперы является «хоро», которое в основном и решает жанровую или стилистическую особенность «Абесалома». «Хоро» — как композиционный остов драматургии — вносит нужную для воз-

вышенного трагизма статичность и как бы само выполняется действие, органически сливаясь с принципом неспешного музыкального развития.

Нодар Андгуладзе. Конечно, Вы подчеркиваете «хоро» как элемент антично-театрального действия, а не как хор в обычном понимании?

Р. С. Безусловно, эстетическая функция «хоро» другая.

И. Б. В функции, отведенной режиссером «хоро», видна четкая позиция режиссера, который нашел палиашвилевскому обобщенному музыкальному мышлению соответствующую форму, усилил стиливые начала оперы-трагедии или оперы-оратории. Это, на мой взгляд, еще больше говорит о музыкальном воспроизведении «Этериани» как мифа. Каково Ваше мнение, Михаил Иванович?

М. Т. Каждый режиссер стремится подыскать свой собственный ключ к постановке. Для меня в «Абесаломе» ключ этот нашелся тогда, когда я обнаружил «точку хоро». Признаться, это было нелегко, но стоило решить эту проблему, как все расставилось само собой по местам, персонажи «поняли», как им действовать. Для меня ожил миф «Этериани».

Вахтанг Беридзе. Действительно, основную тяжесть мизансцен несет «хоро». Оно выступает во всех ситуациях как вещатель высокого трагизма. В этом смысле особо выделяется второй акт, хотя ни в третьем и ни в четвертом его роль не ослабевает, напротив — до конца остается движущей силой оперной идеи. По существу статичная группа композиционно во всех вариантах весьма динамична, фресковые композиции обладают способностью воздействовать, давать обобщенную характеристику каждой конкретной сценической ситуации. Достичь этого было невозможно без того художественного единения, полного контакта, которых достигли художник и режиссер в совместном творчестве. В целом о достоинствах сценографии спектакля можно многое сказать.

И. Б. Но ведь можно было обобщенный язык сценографии признать спорным в смысле единства его с музыкальным языком Палиашвили, с точки зрения национальной выразительности? К примеру, могут ли нас покоробить в костюмировании «хоро» ассоциации с эллинистическими одеяниями? Или же вместо дремучего леса, конкретного пейзажа, царского дворца или хрустального замка — язычески-сакральные стеллы, жертвенники и другие архаические атрибуты? Коротче говоря, та среда, которая является нетипичной для нашего

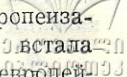
восприятия (подразумеваю постановки грузинской оперной классики), стереотипами которого давно стали христианско-феодалные реалии.

В. Б. Очевидно, не все привыкли воспринимать неконкретную изобразительность. По существу, художественное достоинство новой постановки в том, что она освобождена от конкретных указаний. Художник, для которого цвет и освещение — основные возможности, стремится создать прежде всего настроение. Обобщенные костюмы настолько органичны с окружающей средой, что убеждаешься — для создания исторического ощущения вовсе не обязательна археологическая точность. Видно, Гоги Алекси-Месхишвили сторонится этого. И это правильная позиция. Помню, в первом акте у меня создалось ощущение, будто далеко в глубине сцены возник грузинский пейзаж. Для художественной ассоциации национального мне не понадобились во втором акте традиционные арки и орнаменты дворца. Возвышенный настрой создается в этом акте золотистым колоритом сцены. Трагическое настроение в третьем действии усиливает господство фиолетово-сизых тонов.

Р. С. Дело в том, что в выявлении национального характера условные приемы сценографии не могут быть решающими. В новой постановке грузинский характер выявился в динамике, в пластических знаках, в театральном языке и мышлении, одним словом, успешно реализовался неуловимый национальный дух.

Н. А. В решении стилистического единства постановки сценография сыграла, действительно, важную роль. Я бы сказал, что в выявлении жанрового свойства оперы ее компонент весьма действенен. Имеется в виду выдвигание на первый план лирического начала оперы. Сценическая живопись усилила эту сторону музыкальной выразительности. Сценография с особым тактом подчеркнула и то, как чужда для музыки Палиашвили внешняя декоративная среда. Я считаю это идеальной позицией художника. Именно здесь мы должны видеть присущие грузинскому художественному мышлению классическую простоту, непреувеличенную монументальность, почувствовать тот «неуловимый национальный дух», о котором говорил Реваз Георгиевич.

И. Б. Ведь сам Захарий Палиашвили решал проблему национального с широкой эстетической позиции еще на заре новой грузинской профессиональной музыки, в период, когда

вопрос, что мог принести грузинской музыке путь европеизации, был столь сложным и противоречивым, когда встала альтернатива — или этнографическая «правда», или европейская музыкально-композиторская культура. Палиашвили считал, что композитор не должен изменять «проросшей из души народа» народной музыке, первоисточку профессионального творчества. Вместе с тем она «должна быть воплощена в европейских или, лучше говоря, общемировых музыкальных формах, а также основана и технически обработана по ее же музыкальным законам». По его же словам, «это был единственно верный путь для возрождения и развития национального музыкального искусства». Сегодня более очевидно значение этой формулы.

Вернемся к сценической ситуации, так как высокие достоинства музыки Палиашвили уже сами по себе ставят на особый уровень проблему этой ситуации. Верди говорил, что существуют оперы с дуэтами и каватинами и оперы с идеями и намерениями. С этой точки зрения важное значение приобретает вопрос мизансцен как элемента, реализующего идею спектакля, и вообще как одного из главных элементов целостной художественной формы. Здесь уже было сказано о «хоро» как о композиционном остоле мизансцен «Абесалома». Сейчас мизансцены интересуют нас с точки зрения действия героев. Что скажет об этом режиссер-постановщик?

М. Т. Прежде всего хочу сказать, что мизансцена не есть возможность «поставить» актера в профиль и анфас. Каждая мизансцена должна быть надежным, прочным звеном, чтобы цепь сквозного действия, идущего от музыкальной драматургии произведения, не разорвалась. Главное, чтобы ритм мизансцены, ее эмоциональный заряд рождался музыкой, диктовался ею.

Н. А. Я думаю, достоинство новой постановки — в максимальном единстве музыки и мизансцены. Порой даже трудно обнаруживается первичность этих двух составных. К примеру, вся драматургическая линия третьего акта, отмеченная сквозным динамическим действием, нигде не задерживает живое течение музыки, вокального музицирования, сценической пластики певца. Потоки музыки и действия весьма свободны.

И. Б. Способствуют ли правильно найденные психофи-

зическое и эмоциональное состояния певца преодолению вокальных трудностей?

Н. А. Безусловно. Мизансцена, как сконцентрированное действие, помогает певцу не только выразительно пропеть музыкальную фразу, но и создает ему в данном фрагменте вокальный «комфорт». Но в построении мизансцен определяющими являются не только вокальные линии, — оркестровые имеют не меньше значения. Здесь все создает сценическую картину, начиная от мелодии и кончая паузами. Думается, что в «Абесаломе» эта проблема решилась достаточно определенно. И здесь я должен сказать о большом мастерстве дирижера. Он вскрывал глубинные пласты музыки оперы. Необходимо, в этом смысле, отметить оркестровую линию первого акта.

Обычно в этом акте встречный момент «дирижер-режиссер» всегда и во всех постановках бывал камнем преткновения. В новой же постановке после клятвы Мурмана оркестровый эпизод «скерцо» был разыгран как сцена зарождения любви Абесаломы и Этери. Это интересная находка.

М. Т. Вы совершенно точно указали на роль дирижера в разработке мизансцен, Нодар Давидович. Даже не знаю, как прошла бы моя работа без «вмешательства» Джансуга Кахидзе, без его идей. Наверное, было бы значительно труднее. Он безусловно оказывал помощь и в выборе ритма, темпа, в построении переднего или заднего планов той или иной мизансцены. Когда я делился с ним планами разработки какого-либо действия, он садился к роялю и в процессе игры разрешал задачи. Надо было слышать, как играл и пел этот удивительно талантливый человек — музыка становилась камертоном всего постановочного процесса. Да, коррекция всей работы находилась в руках Джансуга. Ну, а художник? Во всех поисках мы были неразлучны.

Н. А. Все-таки мне хочется заострить внимание на некоторых мизансценах, которые, думается, вносят пестроту в общую форму и стиль постановки. Например, в финале первого акта проход «хоро» по сцене как будто мешает, не соответствует действиям героев, не отвечает их музыкальному контексту. В третьем акте несколько преувеличены движения, выражающие эмоциональное состояние Марехи и Нателы, несколько непонятны также появление Этери в четвертом акте в

монологе Мурмана, реакция Марехи и Нателы на смерть Абесалома. Вообще линия Марехи несколько обесцвечена в силу тембральной неидентификации. Не возникла ли такая мысль у других?

Р. С. Прохождение «хоро» по авансцене в первом акте и вообще его функцию в этом действии я считаю хорошим символическим знаком и не могу в этом согласиться с Нодаром Давидовичем. А другие замечания, пожалуй, справедливы. В общем стиле спектакля, в его динамической статике появление сценического антуража, вносящего детализацию, усиливающего конкретное поведение героев, думаю, вызывает чувство неорганичности. Эмоциональная модель спектакля намного выиграла, если бы в некоторых мизансценах преувеличенные экспрессивные «знаки» актеров были несколько приглушены. Ведь не обязательно мифическую природу «Этериани» притягивать к современности. В понимании человеческих чувств мифологическое разве не человеческое? Излишняя экспрессия больше бросается в глаза в актерском решении образов Абесалома и Этери. В осмыслении образа и его развития в плане общего стиля постановки наиболее интересным показался мне Мурман Анзора Шомахия.

И. Б. Само собою, музыкальные особенности оперы определяют необходимость только широких штрихов и пластов. В этом смысле весьма примечательны слова известного исследователя творчества Палиашвили профессора Ладонадзе о том, что для Палиашвили «характерна тенденция к обобщенности образов и форм выражения. Однако обобщенность не приводит в этой опере к схематизму и абстракции». Ваше мнение, Михаил Иванович?

М. Т. Должен сказать, что с самого же начала я задумал усиление контактов между персонажами. Например, в третьем действии я ввожу Этери будто неожиданно. Зачем? Видите ли, я чувствовал, как мог представить себе Палиашвили обращенного к Этери Абесалома. Разве так не бывает в жизни? Что же касается ансамбля, его ситуации — здесь игра совершенно излишня. Напротив, требуется как можно больше статичности. Ансамбль музыкально рождается тогда, когда происходит нечто важное в жизни героев. Психологический ход должен реализоваться через музыкальный ход, ансамблевым «музыкальным взрывом». Что касается «излишеств» в некоторых мизансценах, то спектакль постепенно «очищается»

от них, хотя я должен признаться, что процесс этот сопровождается известными трудностями.

И. Б. Не могу умолчать об «ахиллесовой пяте» спектакля. Вы, конечно, догадываетесь, что я имею в виду дикцию. Что скрывать, порой нам было трудно понять на каком языке пели на сцене.

В. Б. Этот момент и у меня оставил неприятный осадок. И не ответишь сразу, в чем причина.

М. Т. Печальный, но очевидный факт. Вероятно, необходим специальный курс в период обучения вокалистов. Помню, раньше дикции уделялось больше внимания. Кстати, это проблема не только грузинского театра. Так или иначе, это во многом нам мешает. Особо хочется отметить Майю Томадзе. Для нее это не составляет трудности, видимо, она прошла хорошую школу или же специально работала над дикцией.

Н. А. Майя Томадзе вообще выделяется своей большой музыкально-профессиональной энергией, стабильностью. А вообще нашим вокалистам предстоит большая работа над дикцией. Один видный итальянский педагог как-то заметил, что если либретто содержит даже глупейшие слова, все равно они должны быть хорошо слышны. Это означает, что итальянцы уделяют большое внимание дикции как энергетическому и сильному художественно-выразительному средству.

И. Б. Захарий Палиашвили придавал особое значение исполнению опер на грузинском языке. Вспомним, что он являлся членом правления созданного в 1903 году «Товарищества постановок опер на грузинском языке» и внес весомый вклад в постановки на грузинском языке русских и западноевропейских опер («Кармен», «Риголетто», «Фауст»). А «Демон» Рубинштейна был поставлен в 1905 году на грузинском языке в Петербурге (перевод П. Мирианашвили).

Р. С. Как видно, эта историческая традиция должна подсказать нам определенные выводы?!

И. Б. Вероятно... Хотелось бы услышать ваши мнения и о хоровом исполнительстве, и хореографии спектакля. Появление хора в «хорошей форме» придало соответствующую окраску опере. Все с более солидными работами выступает главный хормейстер, молодой одаренный музыкант Автандил Чхенкели. Что бы вы сказали о танцах в постановке народного артиста республики Тенгиза Сухишвили?

Н. А. Не могу согласиться с композицией танцев, кото-

рые мне не кажутся органичными в спектакле. Здесь, на мой взгляд, хореографический прием не созвучен сценическому решению.

Р. С. Почему-то хореографию в общем облике спектакля я тоже не воспринял. Она смотрится как аппликация, к тому же несколько эклектичная.

И. Б. Женский танец «Мирзая» мне представляется по-другому. В стилевом контексте второго акта этот танец напоминал не восточный «Мирзая» позднего средневековья, а скорее танец Серафиты в Армазском царстве. Танец балерины Маки Махарадзе усиливал такого рода ассоциацию.

Р. С. Думается, что Вы подчеркнули интересный момент. Вполне возможны и такие ассоциации.

И. Б. Известно, что опера «Абесалом и Этери» в жанрово-музыкальном отношении весьма многогранна, в ней мы видим как эпическое, так лирическое и драматическое начала. Естественно, в постановке выдвигается и углубляется одно из них. Что можно сказать об этом?

Н. А. До этого я говорил и хочу подчеркнуть еще раз, что новая постановка примечательна для меня именно в силу углубления лирического начала. Лиризм, глубоко заложенный в музыкальной природе оперы, отмеченный высоким трагизмом, всегда представлялся мне определяющим. Интересно, что на всем протяжении существования этого произведения образ Абесалома трансформировался в зависимости от того, какой певец осуществлял его — лирический или драматический. Поэтому создалась одна линия лирического образа Абесалома — например, Вано Сараджишвили, Ладо Гермесашвили, молодой Зураб Анджапаридзе, ныне Темур Гугушвили, вторая — драматическая: Давид Андгуладзе, поздний Зураб Анджапаридзе, сейчас Александр Хомерики. Я думаю, что этот момент симптоматичен в вопросе жанрово-музыкальных линий оперы. Михаил Иванович, что Вы скажете?

М. Т. Для меня лирический момент совпадает с кульминационным. Таковым я считаю четвертый акт. Правда, кульминационным можно было бы назвать и третий со своим законченным развитием, но здесь — «кажущийся финал», хотя музыкальное развитие достигает высшей точки.

Н. А. Новая постановка «Абесалома» важна не только для истории театра, поскольку в ней выразились общегрузинские культурные интересы, стало быть, она — нацио-

нальное явление. В дни премьеры все были объединены единым чувством — чувством любви и гордости.

В. Б. Да, постановка «Абесалома» — свидетельство интенсивности нашей оперно-театральной жизни. Режиссер Михаил Туманишвили говорит свое слово в опере (во второй раз, после «Дон Жуана» Моцарта). И надо верить — это не станет эпизодом в его богатой творческой жизни.

И. Б. Мне остается поблагодарить всех участников беседы. Пожелаем больших творческих успехов создателям новой сценической жизни «Абесалома и Етери»!

34135920
303-011033

НА ЧЕМ ИГРАЛИ НАШИ ПРЕДКИ

ПО РУССКИМ И ЗА-
ПАДНОЕВРОПЕЙ-
СКИМ ИСТОРИКО-ЛИ-
ТЕРАТУРНЫМ ИСТОЧ-
НИКАМ XVII—XVIII
ВЕКОВ

ИССЛЕДУЯ отдельные стороны музыкального быта Грузии XVII—XVIII вв., нередко приходится «восстанавливать» недостающие звенья, «реставрировать» известные факты, вводить в научный оборот новые, чтобы картина культурно-музыкальной жизни городской, а также наиболее просвещенной части грузинского общества предстала в полном своем виде. Решение поставленной задачи предопределяет обращение к разного рода историческим документам, литературным памятникам, различного содержания реляциям, отчетам, воспоминаниям и т. д. Ценную информацию по интересующей проблеме наряду с грузинскими дают также русские и западноевропейские источники, составляющие определенный фонд знаний о Грузии, накопленных в процессе вековых общений с нею. Вниманию читателя предлагаются новые, ранее не известные сведения или же уже встречавшиеся в научном обороте, но используемые в новом контексте.

К числу таких могут быть отнесены свидетельства разных авторов, относящиеся к разному времени (в пределах столетия) и дающие весьма интересный материал для размышлений о функции одного из духовых инструментов, бытовавшего на территории Западной Грузии. Первым следует назвать сообщение известного в кавказоведении ученого, члена Петербургской Академии наук И. А. Гюльденштедта (1745—1781). В обширном и обстоятельном труде о Грузии он указывает на факт продажи на базаре в местечке Хони наряду с предметами галантереи и тканями духового медного инструмента по цене четыре рубля за штуку. В немецком оригинале читаем: «Kupferne Sprachhöhre, eines 4 Rubl»¹. В грузинском переводе инструмент получает определение как медная труба. Между тем точный перевод слова Sprachhöhre соответствует

¹ И. А. Гюльденштедт. География и статистическое описание Грузии и Кавказа (1770—1773 гг.), Тб., 1962, с. 153 (на немецком и грузинском языках).

понятию сигнальная труба. Возникает вопрос, о какой в данном случае идет речь. Ведь металлических духовых инструментов в Грузии насчитывается несколько. Собственно, в семейство труб-саквири входят буки, бытовавший в Западной и в Восточной Грузии, санкери, встречавшийся в Сванетии, и окэ, имевший распространение в Мингрелии. Имеются также сведения о существовании в Грузии труб асосра, длиной с локоть и изготавливаемых из серебра.

Думается, что в данном случае все же имеется в виду наиболее распространенный инструмент буки, упоминаемый во многих памятниках грузинской литературы и истории XII—XIX веков в связи с различными праздничными (пиры, процессии, торжественные праздники) и военными (походы, парады) церемониями и являющийся инструментом оркестровым, входившим в состав ансамбля типа нагара-хана рубежа XVIII—XIX веков².

Любопытно, что в реляции миссионера Арканджело Ламберти «Описание Мингрелии» (Ар. Ламберти жил у Дадиани в Западной Грузии) встречается упоминание о духовом инструменте, используемом solo: «В крещенский праздник водосвятия, во время литании, после службы, процессия направляется к ближайшей реке, чтобы с большой торжественностью освятить воду. Впереди всех идет человек со знаменем (хоругвью) в руках. За ним следуют два человека, которые играют на буки. А за ними движется весь собравшийся народ»³. В другом месте Ар. Ламберти сообщает, что каждый владетель имел свою собственную трубу. По его описанию, «труба эта по форме ровная, а не согнутая, длиной выше человеческого роста, и играют на ней два человека поочередно. Глас ее не столько благозвучен, сколь пронзителен. Во время похода сначала звучит труба царя Имеретии, после—труба Дадиани, затем Гуриели и только в конце Липартиани». Интересно, что и у Хр. Кастелли в его альбоме (первая половина XVII в.) есть две иллюстрации, на которых имеется изображение духовых инструментов. В одном случае изображен мужчина с непокрытой головой в одежде миссионера, играющий на инструменте, имеющем внешние признаки буки⁴. Мужчина стоит на возвышении, перед ним — схематично нарисованная толпа людей. Примечатель-

² П. Иоселиани. Жизнь Георгия XIII. Тиф., 1895, с. 305 (на грузинском языке).

³ Ар. Ламберти. Описание Мингрелии. Тб. 1937, с. 138 (на грузинском языке).

⁴ Здесь и далее — иллюстрации из альбома Хр. де Кастелли «Альбом зарисовок и реляций». Тб., 1976.

საქართველოს
ისტორიის
ინსტიტუტი

საქართველოს
ისტორიის
ინსტიტუტი

но, что руки изображенного человека даны в двух вариантах: 1. Левая рука поддерживает инструмент снизу, в той позиции, в которой удобнее извлекаются звуки; 2. Обе руки широко развернуты в позу человека, возглашающего что-то. Надпись над головой музицирующего гласит: «трубач господний». (На рисунке изображена труба средней величины. Возможно, Кастелли передает обобщенный вид инструмента, как это имеет место в других случаях — изображении струнных инструментов Грузии).

На второй иллюстрации изображен сам Хр. Кастелли в характерном головном уборе, играющий на таком же инструменте, и рядом он же, проповедующий у паперти. На переднем плане — коленопреклоненные мать и ребенок. В словесном комментарии автора в первом случае указывается место действия — Дранда, в Абхазии, во втором — где-то в Мингрелии, в местечке, когда-то именовавшемся Себастополь. К сожалению, никак не объясняется причина «музирования» Хр. Кастелли в этом втором случае.

И, наконец, свидетельство Н. Языкова в «Записке о Грузии», датированное 1772 годом: «...царь Соломон, получив нынче всю Имеретию во владение, может шесть тысяч отборного войска поста-

вить. Пушек при войске не имеет. Образ войны их не регулярный. Войско **собирается по трубе**, а прочим повеления царские объявляются на ярманке, которой у них бывает каждую неделю по пятницам»⁵. Далее весть о войне сообщалась по цепочке — через жителей разных населенных пунктов, возвращавшихся с базара и оповещавших собрание односельчан о необходимости явиться к войску.

Все приведенные сведения выстраиваются в один ряд, объединяясь либо описанием, либо изображением, по-видимому, одного и того же инструмента или его разновидностей, отличающихся величиной (конкретную величину трубы указывает лишь Ар. Ламберти) и бытовавших в Западной Грузии на протяжении XVII — XVIII столетий. Судя по изображению Хр. Кастелли и описанию И. Л. Гюльденштедта, а также дошедшим до нас инструментам, во всех приведенных случаях — это буки. В описаниях Ар. Ламберти речь идет о трубах, предназначенных не столько для исполнения сложных мелодических построений, сколько для привлечения внимания собравшихся к происходящему. О такой же функции трубы, собирающей войско или сзывающей людей на проповедь, свидетельствуют Н. Языков и Хр. Кастелли. Что же касается Гюльденштедта, то он прямо и недвусмысленно называет медную трубу сигнальной, педантично и точно определяя не только материал, из которого она сделана, но и ее предназначение. Вероятно, ученый за время своего пребывания в Западной Грузии имел возможность слышать и видеть такую трубу в действии.

Напрашивается ряд выводов. Во-первых, за полтора столетия по крайней мере четыре чужеземца, посетившие Западную Грузию, обратили внимание на этот духовой инструмент и отметили одну из разновидностей его применения. Следовательно, это была типичная и распространенная деталь быта, настолько распространенное и удобное средство для оповещения, что даже Хр. Кастелли за двадцать семь лет жизни в Грузии, по-видимому, сам научился играть на буки. Иначе он не изобразил бы себя одновременно и трубачом и читающим проповедь.

Таким образом, медная труба буки, известная как инструмент, входивший в состав военного оркестра нагара-хана эпохи Ираклия II (2-я половина XVIII в.), а также в состав придворного ансамбля, сопровождавшего пиршества при дворе Имеретинского царя (в первой половине XVII в.), имела, оказывается, в Западной

⁵ АВПР — Фонд Сношения России с Грузией. Оп. № 110/2, дело № 13, л. 133.

Грузии еще одну характерную функцию — сигнально-оповещающую. А если учесть, что после царя Ростома (Восточная Грузия), то есть после середины XVII в. буки в источниках встречаются реже, уступая место зурне, то возможно, что в Западной Грузии, где происходили аналогичные процессы, инструмент буки вообще приобретает новую функцию.

Во-вторых, изображения Хр. Кастелли этого инструмента, наряду со струнными типа чонгури,—убедительное доказательство того, что в Западной Грузии буки был весьма распространенным инструментом. К тому же это, пожалуй, самые ранние изображения грузинских музыкальных инструментов, сделанные европейцем, благодаря которым появилась возможность для научного познания в Европе музыкального быта Грузии той эпохи.

Жизнь столичного города, быт любого придворного общества не обходится без участия в них музыкантов-инструменталистов и целых коллективов — инструментальных ансамблей или оркестров. Не был исключением в этом смысле и Тифлис XVII—XVIII вв. Инструментальная музыка имела широкий спектр действия: оформление различных военных церемоний (парады, торжественные встречи, походы), сопровождение зрелищ типа сахиоба или мушаити, позже — постановок спектаклей европейского образца, различных праздников, а также ритуалов похоронных процессий.

Так же как и другие стороны культурного и музыкального бытия Грузии, деятельность музыкантов-инструменталистов не проходила мимо внимания чужеземцев, посещавших страну по разным делам и поводам. Прекрасным примером тому могут служить вышеприведенные наблюдения по западноевропейским источникам. То же можно проследить и по линии русско-грузинских контактов. Одно из ранних свидетельств существования военных инструментальных ансамблей в Грузии, по сведениям русских, проникшим в специальные отчеты послов, датируется ноябрем 1589 г. Смотр-парад войск Александра II (кахетинского) сопровождался музыкой «трубников и накрачеев»⁶, то есть, по всей вероятности, буки и керамических литавр диплипито. Следующее упоминание инструментов, сопровождавших выступление канатоходцев во время пиршества у царя Теймураза I (апрель 1639), свидетельствует о звучании дуэта сурны и бубна (то есть зурны и дайры)⁷.

⁶ С. Белокуров. Сношения России с Кавказом (1578—1616). М., 1889, с. 116—174; В. Татишвили. Грузины в Москве. Тб., 1959, с. 74.

⁷ М. Полиевктов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Тб., 1937, с. 391.

Сравнивая составы оркестра нагара-хана на рубеже XVII—XVIII вв. с таковыми же на рубеже XVIII—XIX вв.⁸, можно убедиться, что из состава оркестра исчезают музыканты, игравшие на струнном кнари (инструмент типа арфы). Их заменили ударники-медапени, вместо духовых инструментов напири зазвучали буки, зурначей стало вдвое больше. Вместо шести нагара осталось три, три другие были заменены ударным же инструментом коси. Добавлены были также ударные инструменты таблаки и джим-джими. Новый состав — это уже оркестр военных музыкантов, по типу восточных инструментальных коллективов состоящий только из духовых и ударных. Этим же, вероятно, продиктована и замена напири, характерного для пиршественного веселья, на звучание буки-инструментов, звучавших и в будни, и в праздники военного быта. Своеобразие звучания этого нового состава царского оркестра, заимствованного, по-видимому, у иранцев, подтверждает и свидетельство кн. А. Моуравова из его донесения в Петербург с театра военных действий в Грузии в бытность там командующим генерала Г. К. Тотлебена (5 апреля 1770): «Карталинский и жакетинский владетель Ираклий, при котором нахожусь я с прошлого, 1769 года, декабря 19 числа, взяв с собой из Тифлиса сына своего Георгия и двух архиереев с одною походною церквою, соединился 17 минувшего марта с г-ном генерал-майором, графом Тотлебенем, который стоит лагерем в Грузии под местечком Сурам, расстоянием половина дня езды до турецкой границы, со своим войском, состоящим из семи тысяч людей, а две тысячи еще ожидается до сих дней. Также с собою имеет три пушки, пять штандартов, пятьдесят человек лезгинцев и персицкую музыку⁹, — сообщается в донесении. Тем самым документально подтверждается постоянное присутствие оркестра при войске. Представляется важным указание А. Моуравова и о том, что Ираклий II, отправляясь в поход, чреватый серьезными военными столкновениями, берет с собой не только походную церковь, но и «персицкую музыку», в равной степени заботясь и о соблюдении воинами ритуалов православной веры, и о мужестве, патриотическом духе, поддерживаемом звуками соответствующих музыкальных впечатлений.

Привлекает внимание фрагмент из письма А. Сухотина, адре-

⁸ См. об этом подробнее: Вахтанг VI. Дастурламали, Тиф., 1886, с. 66; П. Иоселиани. Жизнь Георгия XII. Тиф., 1895, с. 305 (на груз. языке).

⁹ АВПР — Фонд Сношения России с Грузией. Оп. № 110/2, дело № 13, л. 405—405 об.

тованного графу Н. Панину (от 5 июля 1771 года). А. Сухотин, присланный в Грузию, чтобы сменить на посту командующего К. Г. Тотлебена, описывает свое посещение Тифлиса в обществе Ираклия II и его свиты: «Мы отправились, и тогда царь столько был весел, што не только заставлял князей и царевичей делать конские ристания, но и сам с ими во оном экзерцировался. По приближении нашем к городу производилась из крепости, стоящей на высоком месте, пушечная пальба. Жители, оставя дома, иные за городом, гористые при дороге места, иные городские стены занимали; различие пола, неравенство возраста и степеней звания и состояния восхищенных зрителей делали снаружи приятный вид, так что самой недостаток красоте непорядочного строения ими был дополняем. При таких зрелищах, когда вступил я в город и поехал на площадь, лежащую перед царским дворцом, то из стоящих на ней пушек еще произведена пальба, причем играла азиацкая инструментальная музыка, поставленная над воротами на балконе, где проезжать было можно во отведенную мне квартиру в доме Тифлисского полицеймейстера Аветика, куда по прибытии прислала мне царица фруктов три лотка, а его светлость вечерний стол.

На другой день просил меня его светлость со всеми штап и обер-офицерами к себе обедать. Встретили меня его светлости два зятя, за ними царевичи, а у самих покоев он сам. В продолжении стола играла азиацкая музыка, а при питии высочайших ее Императорского величества и его императорского высочества здоровья производилась пушечная пальба со уменьшением выстрелов»¹⁰.

Приведенные два пространных фрагмента из донесений русских военных чиновников, помимо общей информации, являются ценными фактами документированной фиксации первых массовых контактов русских (офицеров и, разумеется, нижних чинов) с живым звучанием бытовавшей в Грузии военной и торжественно-праздничной музыки в исполнении необычного оркестра, который определяется ими как оркестр «персицкой или азиацкой музыки», вероятно, прежде всего по составу инструментов, бытовавших на Кавказе вообще и в сопредельных с ним восточных странах. Что же представляла собой сама музыка, звучавшая в войске Ираклия II, а также при торжественном въезде А. Сухотина в Тифлис или во время пиршества во дворце в его честь, этого, вероятно, никогда не удастся узнать. Но обстановку торжественного застолья, правда, происходившего лет на сто раньше, у прави-

¹⁰ АВГР — Фонд Сношения России с Грузией. Оп. № 110/2, дело № 14, л. 241.

теля Имеретии в Западной Грузии, мы можем увидеть благодаря Хр. Каstellи, оставившему уникальный рисунок. На нем хорошо видны три музыканта, расположившиеся на хорах большого зала и играющие на инструментах. Один держит в руках буки, второй тоже духовой инструмент поменьше, вероятно, зрочакуди или на-пири. У третьего в руках струнный инструмент, нечто вроде чунури, только с овальным корпусом.

Вызывает удивление то обстоятельство, что А. Сухотин не дает оснований для утверждений, что во время пира звучало и пение. Он отмечает лишь инструментальный фон музыкального сопровождения застолья. Из европейцев же Ж. Шарден пишет,

что «во время здравниц музыканты играли туш, а голоса подтягивали им. Такой концерт очень нравился всему обществу»¹¹. На рисунке Хр. Каstellи, упоминавшемся выше, надпись над изображениями музыкантов гласит: «Во время пиршественных застолий играют на музыкальных инструментах, поют и танцуют, особенно на праздниках». Вероятно, по каким-то соображениям пение при гостях во время пиршества, зафиксированного А. Сухотиным, почему-то отсутствовало. И это один из исключительных случаев.

¹¹ Ж. Шарден. Путешествие по Закавказью. — журнал «Кавказский вестник», 1900, № 2, с. 220.

В результате разысканий удалось также установить дату первой встречи Ираклия и его свиты с русской военной музыкой, положившей начало периодическому контакту населения Грузии с бытом русского войска и звучанием необычных инструментов и необычной для грузинского уха музыки маршей и, вероятно, солдатских песен. Судя по донесению князя А. Моуравова, рассказывающему о визите Ираклия к генералу К. Г. Тотлебену, это произошло 30 августа 1769 года, когда при въезде Ираклия со свитой «построенная в парад гусарская рота шестнадцать драгун и двадцать солдат отдали честь при игрании на трубах и с барабанным боем»¹².

Из более позднего источника¹³ стала известна другая дата — 21 января 1784 года, когда на торжествах по случаю ратификации Георгиевского договора и присяги Ираклия II в Тифлисе один из моментов торжественной церемонии сопровождался одновременным звучанием русской полковской музыки и оркестра нагара-хана. В официальном описании происходившего можно прочесть следующее: «На площади перед дворцом Ираклия II в парадном строе стояло русское войско. Как только шествие поровнялось с войском, ему была отдана честь «с битьем полного походу», а при царском дворе раздались звуки труб, а также бубнов и других музыкальных инструментов».

Не менее интересна другая составная часть культурной жизни Грузии XVII—XVIII веков—область ее системы просвещения. Общеизвестно, что образование и нравственное воспитание в церковных школах, рассеянных по всей Грузии, опиралось на триаду основных предметов — «чтение, пение и письмо», остававшуюся неизменной вплоть до 1801 года. Учились в таких школах мальчики. Следовательно, они овладевали начатками грамоты, а также умением исполнения духовных песнопений. Грамоте обучались и девочки из дворянских семей, по-видимому, это происходило в семье, о чем свидетельствуют неоднократные факты о наличии книг и в первую очередь поэмы Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре» в списках предметов, составляющих приданое невесты, причем в семьях разных сословий. О грамотности женщин сообщает в своей записке «О Грузии» от 6 ноября 1777 года и полковник Н. Языков, отмечая: «что же принадлежит до благородных женщин, то они все писать умеют», и дальше: «знатных

¹² АВПР — Фонд Сношения России с Грузией. Оп. 110/2, дело № 13, л. 382.

¹³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. № 286, ч. 1, 253—254 об.

же девиц читать и писать учат»¹⁴ (речь идет о воспитании женщин знатного происхождения Восточной и Западной Грузии).

Специально вопросом женского образования привилегированного класса в Грузии XVII—XVIII веков вряд ли кто занимался. А он представляет несомненный интерес. Дело в том, что подчеркивание в записке Языкова и в других источниках высокой образованности женщин по сравнению с их отцами, мужьями и братьями, зачастую не знающими даже грамоты или же обученных только ей, — закономерное следствие тяжелейших исторических обстоятельств Грузии рассматриваемого периода. Мужская часть придворного общества и служилого дворянства, постоянно втягиваемая в военные конфликты, происходившие на территории страны, не могла уделять время учебе. Если дети духовенства, горожан и реже крестьян (мальчишки) были охвачены сетью школ, то дети дворян получали в первую очередь рыцарское воспитание, а также начатки образования от монахов или священников при доме¹⁵. А как только с 14—15 лет у подростка или, позже, юноши начиналась жизнь воина, об образовании уже не могло быть и речи. Оставалось то, что он получил в раннем детстве от священнослужителя или матери. Разумеется, имели место и счастливые исключения.

У девочек времени до брака и потом было больше. И они его употребляли с пользой, обучаясь также у священников или у своих матерей и бабушек не только чтению и письму, но и игре на инструментах и даже живописи, делясь затем приобретенными знаниями со своими детьми, становясь, таким образом, носительницами духовного наследия, национальной культуры определенной части общества.

Подтверждением этой мысли могут служить фактические доказательства, оставленные нам миссионером Каstellи, жившим в Грузии с 1627 по 1654 год. В первую очередь, помимо реляций, интерес представляют его рисунки и портреты грузин: его современников и особенно современниц.

Из пятисот с лишним художественных изображений реальных личностей, пейзажей, бытовых сцен, культовых сооружений, костюмов разных национальностей и так далее двенадцать представляют собой картины грузинского придворного пира, портреты женщин и мужчин с инструментами. Имеются зарисовки танцю-

¹⁴ АВПР — Фонд Сношения России с Грузией. Оп. № 110/2, дело № 13, л. 122 и л. 129.

¹⁵ См. об этом у С. Гамсахурдиа. История просвещения в Грузии. Тб., 1984.

щих, бытовых сцен, запечатлевших музицирующих (мать, развлекающая малыша пением под струнный инструмент, женщина среди отдыхающих крестьян после мотыженья, играющая на чонгури и по-видимому поющая) и так далее. Интересно, что на духовых инструментах играют мужчины, что же касается струнных типа самдзали или чонгури (классификация затруднена схематичностью изображения), то они находятся либо в руках женщин, ли-

бо являются обязательным атрибутом их окружения. Примечателен в этом смысле портрет гурийской девушки Дариники (1640), сидящей по восточному обыкновению на мутаке, в окружении книг, свитков, раскрытых нард и со струнным инструментом на коленях. На портрете же сванской женщины в наряде особы из привилегированного сословия угадывается инструмент чунيري, который она держит в левой руке. Интерес представляют еще три

иллюстрации Каstellи. Первая — портрет «доброжелательницы миссионеров Хорешан Челидзе, грузинского дворянина Шедана и супруги», изображенной со свитком в одной руке и цветком в другой. Вторая — портрет Воминоджи Беридзе, «матери подвижницы», — по словам Каstellи, — оказавшей ему много милостей, много раз протягивавшей ему руку помощи». Она была автором всех его посланий к царю, царице и другим лицам. «Одаренная всеми добродетелями и большой мудростью» поэтесса представлена на рисунке в позе восточного писца с пером и свитком в руках, точно застигнутая за привычным делом, о чем свидетель-

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ

Միկելադզե Բանու Մեծի Սրբազան Եկեղեցի
Մեծի Սրբազան Եկեղեցի Երևան

стует другой свиток, лежащий перед ней, чернильница, нож для разрезания бумаги, ножницы. И, наконец, третья иллюстрация — изображение художницы Родии Микеладзе. Она запечатлена в полный рост, в парадном одеянии и плаще. В левой руке — палитра, кисти. В правой — кисть. Рука опирается на стол, где, по-видимому, лежит ее работа. На заднем плане — стол, чернильница, рас-

крытая книга или альбом, который разглядывают двое мужчин. Из характеристики миссионера следует, что Родиа Микеладзе, горянка по происхождению, супруга Мамуки Бискаия, «добродетельнейшая грузинка, достойнейшая и умнейшая художница, ученица патеров, женщина Кавказа дьявольской одаренности и мастерства». Из примечания составителя альбома Каstellи Б. Гиоргадзе

узнаем, что Р. Микеладзе—художница и поэтесса—была также талантливой певицей.

Итак, уже только на основе свидетельств Н. Языкова (вторая половина XVIII века) и рисунков Кастелли с комментариями (первая половина XVII века) можно утверждать, что грузинки дворянского происхождения по крайней мере на протяжении двух столетий традиционно получали разностороннее (по тем временам) гуманитарное и музыкальное образование, оставаясь неизменными хранительницами культуры, первыми наставницами своих детей.

В связи с этим, не лишним будет вспомнить о стабильности культурного потенциала грузинского народа, пронесенного сквозь века через все невзгоды и испытания, таящего в себе, разумеется, и тот фонд знаний и нравственных устоев, которые из поколения в поколение передавались женщинами Грузии.

ХРОНИКА

ЗАСЕДАНИЕ ЮБИЛЕЙНОЙ КОМИССИИ

КВАРЕЛИ — родина великого Ильи Чавчавадзе. В этом прекрасном уголке Кахети родился, провел детство и юность человек, которому история предназначила роль основоположника грузинской реалистической литературы, знаменосца национально-освободительного движения, выдающегося общественного деятеля, стойкого борца за дело родного народа.

Здесь и состоялось заседание республиканской юбилейной комиссии по празднованию 150-летия со дня рождения Ильи Чавчавадзе. Заседание вел председатель юбилейной комиссии первый секретарь Центрального Ко-

митета Компартии Грузии Д. Патишвили.

С информацией о ходе подготовки к празднику выступили первый секретарь Кварельского райкома партии И. Молашвили, председатель правления Союза писателей Грузии, директор Института грузинской литературы имени Шота Руставели Академии наук республики Г. Цицишвили, министр просвещения Грузинской ССР Н. Васадзе, министр культуры Грузии В. Асатиани, председатель Госкомиздата республики В. Баградзе, председатель Госкино Грузии А. Двалишвили...

С практическими предложениями, связанными с подготовкой к предстоящему юбилею, собравшихся ознакомили деятели литературы и искус-

ства — Х. Берулава, Г. Абашидзе, Р. Инанишвили, Д. Чарквиани, Э. Амашукели, А. Сулакаури.

На заседании отмечалось, что юбилей Ильи Чавчавадзе относится к числу событий, способных сыграть видную роль в коммунистическом воспитании трудящихся.

Не с пустыми руками встречает Кварели знаменательную дату. Ведутся реставрационные работы в Государственном музее Ильи Чавчавадзе, в доме, где прошли его детские и юношеские годы. Первоначальный облик будет возвращен зданию-башне, где появился на свет будущий писатель. Готовятся материалы для новой экспозиции, музей пополняется мемориальными вещами, не известными широкой общественности фотоснимками. В этом году завершится реставрация замечательных памятников в прошлом — церкви в селе Гавази и Гречи.

Юбилею Ильи Чавчавадзе посвящается немало интересных изданий. Из книг почти тридцати названий, выпускаемых к знаменательной дате издательствами республики, читатели уже получили двенадцать. Значительным событием явится выход в свет полного академического собрания сочинений писателя, которое подготовлено к печати Институтом грузинской литературы имени Ш. Руставели. Первый том этого уникального издания уже сдан в производство. В процессе работы над двадцатитомником обнаружены многочисленные, неизвестные ранее фотоснимки. Эти фотоматериалы — летопись жизни и деятельности Ильи Чавчавадзе — найдут отражение в каждом томе.

В честь юбилея печатаются библиография произведений писателя, его статьи, фототипные издания журнала «Самкартвелос моамбе» и газеты «Иверия».

Широко отметят знаменательную дату все профессиональные и народные театры республики, которые начиная с будущего сезона, покажут ряд постановок по произведениям Ильи Чавчавадзе. Фирма «Мелодия» выпустит грампластинки с записями его произведений в исполнении мастеров художественного слова.

Выпускаются юбилейная медаль, памятный настольный медальон, организуются ретроспективный показ работ грузинских художников, а также выставка произведений, посвященных юбилею. В Батуми откроется памятник Илье Чавчавадзе, автором которого является народный художник Грузии скульптор Э. Амашукели.

Новые экспозиции будут развернуты в Сагурамском и Тбилисском Домах-музеях писателя.

В юбилейные дни зрители смогут увидеть восстановленные фильмы, снятые по произведениям Ильи Чавчавадзе, документальные ленты о его жизни и деятельности. На киностудии «Грузия-фильм» будет создана художественная кинокартина по его произведениям.

На заседании выступил товарищ Д. Патиашвили.

Мероприятия, посвященные 150-летию юбилею со дня рождения Ильи Чавчавадзе, должны отвечать тем принципам, во имя торжества которых жил и творил великий художник слова. Ни одно предыдущее поколение не пом-

нит столь высокой оценки и столь пристального внимания к культурному наследию прошлого. Именно под этим углом зрения, именно в таком аспекте следует рассматривать юбилей великого Ильи.

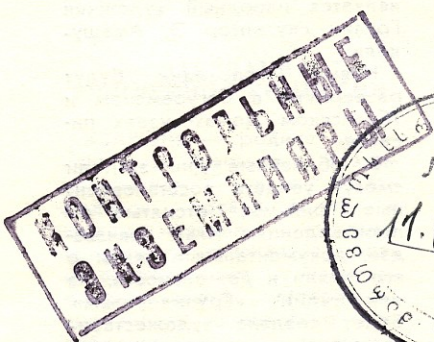
Грузинский народ владеет неоценимой сокровищницей родной литературы. Это наше богатство, которое мы должны бережно хранить. Современные писатели—достойные продолжатели славных традиций грузинской литературы, служению которым Илья Чавчавадзе посвятил свою жизнь. Значение предстоящего юбилея чрезвычайно велико — он призван сыграть величайшую роль в воспитании молодежи,

показать ей значение Ильи Чавчавадзе с позиций сегодняшнего дня.

В выездном заседании республиканской юбилейной комиссии участвовали товарищи П. Гиладшвили, Г. Енукидзе, В. Лордкипанидзе.

* * *

Участники заседания республиканской юбилейной комиссии, руководители министерств и ведомств, деятели науки и литературы осмотрели Государственный музей Ильи Чавчавадзе в Кварели, дом, где он провел детство и юность, побывали в Доме-музее Котэ Марджанишвили.

Сдано в набор 17.IV.86 г. Подписано к печати 23.V.86 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч.-изд. л. 14,0 УЭ 06719. Тираж 6 000 экз. Заказ 982. Адрес редакции 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), М. Ю. ЛОХВИЦКИЙ, Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, Л. Ш. СТУРУА, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

96-86

86-370

ИНДЕКС 76117

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

